Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Тань Цзе

Тань Цзе

Образная репрезентация информации в медиатизированном политическом дискурсе

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Ионова Светлана Валентиновна

Москва – 2025

Оглавление

Введение 4-12
Глава 1. Медиатизированный политический дискурс как коммуникативный феномен 13-73
1.1 Гибридизация дискурсов современного коммуникативного пространства 13-18
1.2 Медиатизированный политический дискурс как гибридная форма коммуникации 18-30
1.3 Гибридные черты медиатизированного политического дискурса 30-35
1.4 Образность как важная черта медиатизированного политического дискурса 35-36
1.5 Образные единицы и их использование в современных дискурсах 36-71
Выводы по 1 главе 71-73
Глава 2. Функционирование образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе 74-76
2.1 Процедура и методы исследования материала 74-77
2.2 Образные единицы как способ репрезентации информации в медиатизированном политическом дискурсе 77-103
2.3 Особенности применения образных единиц в различных жанрах медиатизированного политического дискурса 103-128
2.3.1 Политические ток-шоу 104-114
2.3.2 Телевизионные и интернет-интервью с политиками 114-121
2.3.3 Интернет-блог политиков 121-128
2.4 Аттрактивная сущность образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе 128-145
2.5 Функции образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе 145-161
2.5.1 Экспрессивно-оценочная функция 146-149
2.5.2 Смыслообразующая функция 149-152

2.5.3 Функция усиления или смягчения содержания 152-155
2.5.4 Функция экономии языковых средств 155-157
2.5.5 Функция популяризации 158-161
2.6 Образные пространства в медиатизированном политическом дискурсе……161-181
Выводы по 2 главе..... 181-182
Заключение 183-185
Список литературы 186-207
Приложение Тексты для экспериментального исследования 208-210

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что дискурсивные практики постоянно адаптируются к изменяющимся социальным контекстам и развивающимся коммуникационным средствам. Этот процесс приводит к появлению новых возможностей обмена информацией и взаимодействия, формируя особые конфигурации коммуникативного пространства. Медиатизация современных дискурсов определяется как тенденция современной коммуникации.

Медиатизация политического дискурса предполагает перенос политической активности в сферу массмедиа и, как следствие, значительное расширение числа участников и интерпретаторов событий политической жизни, вовлечение общественных институтов и рядовых граждан в коммуникацию, предметно связанную с общественно-политической проблематикой [Анисимова, 2007; Богуславская, 2017; Добросклонская, 2008; Засурский, 1999; Савельева, 2022; Шейгал, 2012; Cottle, 2003; Fairclough, 1998]. Медиатизированный политический дискурс, возникающий на пересечении политического и медийного дискурсов, расширяет возможности передачи и обсуждения политической информации.

Интеграция интересов учёных в изучении медиатизированного политического дискурса определяется значимостью образных средств как инструмента трансляции специальных знаний для широкой аудитории, их важной ролью в качестве средства интеллектуального убеждения и эмоционального воздействия на аудиторию [Будаев, 2008; Демьянков, 2005; Чудинов, 2008; Шейгал, 2000 и др.].

Образность, как ассоциативный способ отражения действительности, реализуется через метафоры, образные сравнения, фразеологизмы, прецедентные феномены и другие средства, что позволяет политическому дискурсу адаптироваться к специфике медиасреды: «Образная репрезентация стимула может активировать его вербальную репрезентацию, и, наоборот, вербальная репрезентация может вызвать образное представление» [Пайвио, 1986]. Образная репрезентация отличается своей наглядностью и эмоциональной насыщенностью.

Она использует яркие образы, чтобы передать информацию в доступной и запоминающейся форме. Благодаря ассоциативности она позволяет выражать сложные идеи через простые визуальные конструкции. Это делает её универсальным инструментом, способным вызывать эмоции и находить отклик у людей с разным опытом и культурным фоном. Однако особенности и функции их использования в различных жанрах медиатизированного политического дискурса требуют дальнейшего лингвистического изучения.

Актуальность данного исследования определяется следующим: 1) недостаточной системностью и изученностью признаков гибридизации политического дискурса и медиадискурса в современной лингвистике; 2) недостаточной исследованностью особенностей применения образных репрезентаций в различных жанрах медиатизированного политического дискурса, их роли в передаче информации, активизации восприятия и усилении информационной значимости; 3) необходимостью изучения функций образных единиц в контексте медиатизированного политического дискурса; 4) важность изучения механизмов формирования образных пространств в медиатизированном политическом дискурсе и их влияния на трансформацию политической информации.

Объектом исследования выступает медиатизированный политический дискурс, включающий такие жанры, как политическое ток-шоу, телевизионные и интернет-интервью, блоги политиков.

Под медиатизированным политическим дискурсом понимается гибридная форма коммуникации, которая сочетает в себе элементы как политического, так и медийного дискурса. Этот процесс происходит в рамках взаимосвязи между политическими институтами, средствами массовой информации и общественными агентами, влияя на формирование общественного мнения. Он представляет собой новое пространство, где традиционные границы между политикой и медиа стираются, создавая гибридные формы общения и взаимодействия.

Предметом исследования являются образные единицы, используемые в медиатизированном политическом дискурсе. В работе исследуются образные

единицы в форме образных метафор и сравнений, фразеологизмов, паремий, прецедентных единиц, просторечий и бранных выражений, имеющих образную основу.

Под образными единицами в работе понимаются языковые, речевые и текстовые средства, характеризующиеся двуплановой семантикой (прямым и переносным значением) и метафорическим переосмыслением её выражения. Эти единицы используются для передачи не только логически осмысляемой информации, но и осваиваемой посредством перцептивного опыта.

В данной работе образная репрезентация понимается как вербальный способ передачи сложных идей и оценок через образные единицы языка, речи, текста. Образная репрезентация в медиатизированном политическом дискурсе позволяет не только отражать существующие политические концепции, но и конструировать их, играя ключевую роль в формировании общественного мнения.

Цель работы заключается в выявлении и описании специфики образной репрезентации информации в медиатизированном политическом дискурсе. Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) определить теоретические основы исследования таких понятий, как образность, гибридизация дискурсов, медиатизированный политический дискурс с целью разработки концептуальной базы исследования;

2) установить особенности средств образной репрезентации, включая образные метафоры и сравнения, фразеологизмы, прецедентные единицы, просторечные и бранные выражения, характерные для медиатизированного политического дискурса;

3) систематизировать эмпирический материал, представляющий образные единицы, используемые в медиатизированном политическом дискурсе, и провести их анализ с целью выявления функциональных особенностей в рамках политической коммуникации;

4) выявить особенности функционирования образных единиц в различных жанрах медиатизированного политического дискурса, таких как политические ток-

шоу, телевизионные интернет-интервью с политиками и интернет-блоги политиков;

5) обосновать специфику образных единиц как аттракторов смысла, средств привлечения внимания, запоминания и освоения информации в медиатизированном политическом дискурсе.

6) проанализировать свойство образных единиц порождать новые образы, формировать образные пространства и трансформировать смыслы информационных контекстов в условиях медиатизированного политического дискурса.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в областях лингвистики текста и теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, В.З. Демьянков, И.Р. Гальперин, А.А. Залевская, С.В. Ионова, В.И. Карасик, Г.Я. Солганик, Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов, В.Е. Чернявская, Т. ван Дейк), изучения политического дискурса (В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, Р. Водак, Е.Г. Казакевич, В.И. Карасик, В.А. Маслова, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, 孙玉华 / Сунь Юйхуа, 卢婷婷/ Лу Тинтин, 杨可/ Ян Кэ и др.), медиалингвистики (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Богуславская, Т.Г. Добросклонская, М.Р. Желтухина, В.И. Карасик, В.Г. Костомаров, А.В. Полонский, Т.Б. Радбиль, Н. Фэркло и др.), изучения образности (Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, О.И. Блинова, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, В.И. Жельвис, В.П. Зинченко, Н.А. Илюхина, М.Л. Ковшова В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Е.А. Юрина и др.), изучения речевого воздействия (И.В. Анненкова, И.И. Засурский, О.С. Иссерс, С.Г. Кара-Мурза, П.Б. Паршин, И.А. Стернин, К.Ф. Седов, В.Е. Чернявская, В.П. Шейнов, Г. Шиллер, Т. ван Дейк и др.).

Материалом для исследования послужили образные единицы, выделенные из различных жанров медиатизированного политического дискурса, включая телепрограммы политических ток-шоу («Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьёвым», «Право знать», «60 минут», «Кто против?» в России, а также «China's Public Opinion Field» и «Цзиньжи Гуаньчжу» в Китае). Анализировались телевизионные и интернет-интервью с политиками информационному агентству ТАСС, шоу Такера Карлсона на русском языке, публикации китайских платформ:

«Хуаньцю», «Гуаньча», «Синьхуа». Исследовались интернет-блоги политиков в социальных сетях Telegram в России, на китайских платформах «Синьхуа», «Жэньминь», «Хуаньцю», «Тэнсюнь» и «Гуаньча». Единицей анализа выступили слова, словосочетания, предложения и микротексты, содержащие образные единицы (всего 859). Из них 525 единиц – это образные слова и выражения, проанализированные в контексте их употребления (на материале 372 микротекстов), 334 единицы – образы, развёртывающиеся в целостных текстах или их совокупностях (новостные сообщения, комментарии к статьям, блоги на политические темы), формирующие образные пространства (например, образы «мусора», «сада», «джунглей»). Также были использованы данные анкетирования студентов (около 80 человек), а также результаты аппаратного исследования восприятия образных единиц (40 протоколов айтрекинга).

Методы исследования: *описательный метод,* включающий наблюдение и систематизацию фактического материала; *дискурсивный анализ*, применяемый для выявления особенностей образных единиц в коммуникативных ситуациях с учётом участников, тематики, цели, стратегий и тактик, использующихся в медиатизированном политическом дискурсе; *метод контекстуального анализа,* используемый для описания значимых параметров контекста функционирования образных единиц в различных жанрах медиатизированного политического дискурса; *метод семантического анализа,* позволяющий выделять значимые семантические признаки образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе; *приём количественных подсчётов,* используемый для систематизации и обработки данных, выявления частности употребления образных единиц; *приём сплошной выборки,* используемый при отборе фактического материала; *экспериментальный метод* аппаратного исследования восприятия образной информации текстов (айтрекинг-исследование) и анкетирование двух групп студентов: участников айтрекинг-исследования и контрольных групп испытуемых.

Гипотеза диссертационного исследования заключается в том, что образные единицы, функционируя в медиатизированном политическом дискурсе, обладают рядом специфических свойств, отличающих их от образных средств в других типах

текстов (например, художественных). В частности, они выступают как смысловые аттракторы, способные усиливать восприятие, обеспечивать доступную передачу специализированной информации, а также повышать информационную и аксиологическую значимость текста. Эти особенности делают образные единицы ключевыми элементами содержания, активно влияющими на интерпретацию и запоминаемость политических сообщений.

Научная новизна заключается в системном анализе образных единиц не только на лексическом, но и на текстовом уровне репрезентации, что позволило по-новому осмыслить их роль в интерпретации политических смыслов. В работе выявлены особенности использования образных единиц в различных жанрах медиатизированного политического дискурса – от ток-шоу и телевизионных интервью до политических блогов. Аттрактивная природа образных единиц получила эмпирическое подтверждение посредством методов айтрекинга и анкетирования, что позволило обосновать их воздействие на внимание аудитории и когнитивное восприятие политической информации. Кроме того, в исследовании описаны механизмы формирования образных пространств и трансформации смыслов в условиях медиатизации и гибридизации дискурса, что открывает новые перспективы для понимания процессов трансформации политической коммуникации в современной медиасреде.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении лингвистической теории гибридизации дискурсов, теории политического дискурса, медиалингвистики; в конкретизации представлений о специфике образной репрезентации информации в новых сферах коммуникации; в углублении когнитивных исследований образной информации применительно к жанрам медиаполитического дискурса; в расширении положений лингвистики текста и теории интертекстуальности на материале описания образных пространств медиаполитической информации.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования материала и результатов исследования в преподавании вузовских курсов теории дискурса, политической лингвистики, медиалингвистики,

когнитивной лингвистики, лингвистической интерпретации текстов. Результаты исследования могут быть использованы в создании практических рекомендаций для работников медиасферы, а также в их практической деятельности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Медиатизированный политический дискурс представляет собой гибридную форму коммуникации, возникающую на пересечении политического и медийного дискурсов, расширяющую возможности передачи и обсуждения политической информации. Специфика этого дискурса состоит: а) в сужении поля политической тематики (обсуждение только актуальных политических и общественных ситуаций); б) в расширении состава участников коммуникативных ситуаций (политики, ученые, эксперты, журналисты, представители общественных организаций) и состава целевой аудитории; в) в использовании интерактивных форм непосредственного или опосредованного взаимодействия между участниками; г) в расширении каналов передачи политической информации; д) в расширении дискурсивных и стилистических норм использования языка.

2. Образность является одной из важных черт медиатизированного политического дискурса и проявляется в широком употреблении образных единиц языка и речи. Инвентарь образных единиц, актуальных для текстов медиаполитического дискурса, включает образные сравнения, метафоры, фразеологизмы, паремии, прецедентные единицы, просторечия и бранные выражения образного происхождения. Специфика их функционирования определяется подготовленностью или неподготовленностью порождения говорящими.

3. В медиатизированном политическом дискурсе проявляется аттрактивная сущность образных единиц: они являются ключевым элементом, позволяющим: а) эффективно передавать специальную информацию, б) активизировать её восприятие, в) усиливать её информационную и аксиологическую значимость, г) регулировать восприятие информации аудиторией.

4. Образные единицы в медиатизированном политическом дискурсе выполняют различные функции, включая экспрессивно-оценочную,

смыслообразующую, экономии языковых средств, адаптации и популяризации специальной информации, усиления или смягчения элементов содержания. Разнообразие функций обусловливает плотность образных репрезентаций, используемых в текстах медиаполитического дискурса для реализации различных целей.

5. Образные единицы политических текстов, распространяемых через медийные платформы, способны: а) порождать новые образы, б) формировать образные пространства политической информации, в) усиливать смыслы политических высказываний, г) трансформировать смыслы политической информации.

Апробация результатов исследования. Основные результаты и выводы исследования обсуждались на научных конференциях: II Международной научно-практической конференции в Иджеване «Социально-педагогические инновации в образовании» (Иджеванский филиал Ереванского государственного университета, Армения, 2023.); Международной студенческой конференции «Межкультурная компетенция в образовательном пространстве» (Российский биотехнологический университет, 2023); Международной научно-практической конференции «Кирилло-Мефодиевские чтения» (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023, 2024); IX Всероссийской научно-практической конференции «Современные СМИ в контексте информационных технологий» (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023); XXI Всероссийской научной конференции «Информация – коммуникация – общество» (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, 2024); III Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» (Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024).

По теме диссертации подготовлено 13 статей, в том числе 4 статьи в рецензируемых периодических научных изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, списка словарей и справочной литературы, приложения. Общий объём исследования – 215 с.

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, определяются объект, предмет, методы, цель и задачи работы, излагаются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, описываются использованный материал и структура работы, представляются положения, выносимые на защиту.

В **первой** главе медиатизированный политический дискурс рассматривается как коммуникативный феномен, излагаются теоретические аспекты изучения медиатизированного политического дискурса, определяется понимание образа и образности, устанавливается место и роль образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе.

Во **второй** главе исследуются особенности образной репрезентации информации в медиатизированном политическом дискурсе. Анализируется использование образных единиц в различных жанрах медиатизированного политического дискурса: политических ток-шоу, телевизионных интервью с политиками, интернет-блогах политиков. Обосновывается аттрактивная сущность образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе, устанавливаются их функции и влияние на восприятие политической информации. Обосновывается способность образных единиц вызывать образование новых образов, формировать образные пространства, усиливать и трансформировать политическую информацию.

В **заключении** изложены основные результаты исследования и выводы, сделанные на основе фактического материала, сформулированы его дальнейшие перспективы.

Список источников содержит 223 наименования, в том числе 39 – на иностранных языках.

ГЛАВА 1. МЕДИАТИЗИРОВАННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

В современном высокоинформационном обществе роль медиа становится всё более значительной и важной, что особенно заметно в политической сфере, где медиа выступают не только как платформа для передачи информации, но и как ключевой фактор формирования общественной идеологии. Медиатизированный политический дискурс, как гибридная форма коммуникации, оказывает глубокое влияние на политическую жизнь, общественное мнение и социальные процессы в целом. В первой главе исследуется гибридизация дискурсов, понятие медиатизированного политического дискурса как коммуникативного феномена и его гибридные черты. Особое внимание уделяется образности, которая играет ключевую роль в политической коммуникации и является важным фактором аттракции смысла медиатизированного политического дискурса.

1.1 Гибридизация дискурсов современного коммуникативного пространства

Термины «гибрид», «гибридность» и «гибридизация» в последние годы активно используются в лингвистических исследованиях. Эти подходы предоставляют ученым возможность заново интерпретировать и анализировать традиционные коммуникативные феномены в междисциплинарной области, выявляя их новые аспекты. Обсуждение явления языковой гибридизации, особенно вопросов, связанных с гибридностью дискурса, уже получило полное освещение и глубокий анализ во многих научных работах [Ахманова, 2004; Бахтин, 2012; Букеева, 2014; Гапутина, 2019; Дубровская, 2010; Ирисханова, 2011; Карасик, 2002; Любимова, 2012; Наумова, 2018; Нестерова, 2022; Солопова, 2018; Филатова, 2012; Хомутова, 2023; Хотног, 2019; Шейгал, 2000; 刘梦嘉 (Лю Мэнцзя), 2019; Fairclough, 1998; van Dijk, 1997 и др.]. Исследование гибридизации дискурса раскрывает сложные процессы, происходящие в современном коммуникативном пространстве.

Эти исследования открывают новые перспективы для понимания различных типов дискурсов и их роли в междисциплинарных исследованиях.

Термин «гибрид», изначально применяемый преимущественно в ботанике и зоологии (от лат. hibrida, hybrida – помесь)» [БЭС, 1993, с. 299], в лингвистике обозначает новое явление, возникающее в результате соединения, слияния или смешения нескольких элементов, каждый из которых обладает своими характерными чертами: «К гибридам могут относиться объекты неживой природы, социальные процессы, способы обработки информации, а также языковые единицы» [Ирисханова, Ивашко, 2011, с. 57]. В данной работе исследуется гибридность дискурсов, то есть результат слияния и переплетения различных типов дискурсов и образование новых условий для передачи информации.

Гибридизация представляет собой процесс формирования новой, более усовершенствованной многокомпонентной формы через объединение нескольких элементов из одной или разных областей. Например, сочетание различных жанровых форм способствует улучшению коммуникативных моделей. В лингвистике гибридизация представляет собой «естественный процесс преобразования мира, который, хотя и реализуется в творческой деятельности говорящего, но происходит по законам, не зависящим от индивида или не всегда им осознаваемым» [Ирисханова, Ивашко, 2011, с. 57]. Это утверждение подчёркивает, что гибридизация – это не просто механическое соединение элементов, а глубокий процесс, в ходе которого происходит осмысление и переосмысление языковых структур, ведущих к появлению новых языковых единиц. Суть гибридизации состоит в том, что она «обусловливает появление новых единиц, обладающих более широкими функциональными возможностями по сравнению с исходными единицами» [Ирисханова, Ивашко, 2011, с. 63]; под гибридностью понимают «общую способность совмещать нетождественные признаки в одной языковой единице» [Ирисханова, 2005, с. 8]. В этой системе терминов гибридом называют «новый объект, полученный в результате гибридизации» [Хомутова, 2023, с. 103]. Этот новый объект может обладать свойствами и функциями, которых не было у исходных компонентов, и, таким

образом, способен удовлетворять изменяющиеся потребности в области новой коммуникации и передачи информации.

В области лингвистики гибридность изучается в различных теоретических исследованиях. Так, в рамках системно-структурного подхода исследователи считают, что гибридизация может возникать на всех уровнях языковой системы – от фонологии до дискурса [Ахманова, 2004; Нестерова, 2022; Хомутова, 2023; Хотног, 2019 и др.]. Эта точка зрения предполагает, что гибридные формы могут охватывать диапазон от отдельных фонем до целых текстов или дискурсов. В то же время когнитивная лингвистика делает акцент на понимании гибридных явлений с когнитивной точки зрения, рассматривая их как форму концептуальной гибридизации и исследуя когнитивные основы языковой креативности [Гапутина, 2019; Ирисханова, 2005, 2011; Солопова, 2018 и др.]. В этом контексте исследователи уделяют внимание тому, как язык через концептуальное смешение создаёт новые значения и формы выражения. Кроме того, прагмалингвистика обычно анализирует гибридность с функциональной точки зрения, уделяя внимание тому, как слияние жанров помогает достичь определённых коммуникативных целей [Букеева, 2014; Дубровская, 2010; Любимова, 2012; Нестерова, 2022; Филатова, 2012 и др.]. Этот подход подчёркивает, что смешение жанров не ограничивается изменениями в форме языка, но тесно связано с достижением конкретных коммуникативных эффектов. Функциональная стилистика сосредотачивается на средствах выражения гибридных дискурсов, анализируя их реализацию в конкретных дискурсах, что позволяет лучше понять важность гибридности в структуре языка [Дубровская, 2010; Любимова, 2012; Нестерова, 2022 и др.]. Следует отметить, что многие исследователи предпочитают использовать интегративный подход, сочетая различные теории и методы для комплексного анализа гибридности. Объединение различных теоретических подходов позволяет глубже исследовать гибридность в дискурсах.

В рамках современных научных исследований всё чаще поднимается и активно обсуждается тема гибридности дискурса, которая представляет собой сложное и многосоставное явление. Так, Т.В. Дубровская акцентирует внимание на

том, что гибридность дискурса – это «не стилевое смешение, а смешение на уровне способов осуществления социально значимых действий, обусловленное определёнными социальными факторами» [Дубровская, 2010, с. 26]. В этом контексте В.А. Гапутина подчёркивает, что «гибридный дискурс определяется как дискурс, образовавшийся в результате взаимопроникновения двух типов дискурса, каждый из которых модифицирует, дополняет и оформляет специфические черты другого, и при этом обнаруживает устойчивость» [Гапутина, 2019, с. 52].

Следует отметить, что понятие гибридной конструкции было введено в научный оборот исследователями ещё в XX веке. В частности, русский философ языка М.М. Бахтин подробно исследовал и описал концепцию совмещённых высказываний, подчёркивая, что это «высказывание, которое по своим грамматическим (синтаксическим) и композиционным признакам принадлежит одному говорящему, но в котором в действительности совмещены два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два языка, два смысловых и ценностных кругозора» [Бахтин, 2012, с. 57]. Можно сказать, исследования гибридности дискурса открывают новые горизонты для анализа сложных взаимодействий между различными типами дискурсов и их влияния на формирование социально значимых коммуникаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что «гибридизация» дискурса современного коммуникативного пространства проявляется в нескольких ключевых аспектах:

1) в интеграции различных типов: гибридный дискурс характеризуется объединением элементов разных типов, что создаёт новые формы выражения и позволяет эффективно достигать разнообразных коммуникативных целей;

2) в модификации исходных дискурсов: в процессе гибридизации дискурсы взаимодействуют и адаптируются друг к другу, модифицируя свои первоначальные характеристики, и это взаимодействие приводит к формированию нового, более сложного и многослойного дискурсивного пространства;

3) в адаптивности к разным контекстам: гибридный дискурс обладает гибкостью и способностью адаптироваться к различным социальным и

культурным контекстам, эта адаптивность делает его эффективным инструментом коммуникации в условиях быстро меняющегося информационного ландшафта.

Следует обратить внимание на точку зрения В.И. Карасика, который рассматривает институциональную природу гибридного дискурса с существованием социальных институтов, осуществляющих популяризацию знаний в определённых тематических сферах [Карасик, 2017, с. 92]. В его работах подчёркивается, что содержание гибридного дискурса представляет собой «предметное поле соответствующей области знаний, а формат – особый тип медийного общения, сориентированного на передачу адаптированной информации для той или иной группы населения» [Там же]. Эта позиция подтверждает идею о том, что гибридный дискурс обладает уникальным «объяснительным» свойством, которое позволяет устанавливать эффективную коммуникацию между социальными институтами и их аудиторией. Такое свойство гибридного дискурса особенно важно в контексте современных медиа, где информация должна быть не только точной и достоверной, но и доступной для широкого круга людей.

В данной работе мы рассматриваем гибридизацию дискурса, выражающуюся в сочетании двух институциональных видов дискурса: политического дискурса и медиадискурса. Как отмечает И.В. Савельева, «благодаря переходу многих дискурсов, в том числе и политического, на интернет-платформу, рождаются новые социальные связи, возникают особые конфигурации коммуникативного пространства, представляющие интерес для лингвистической науки» [Савельева, 2022, с. 6]. Безусловно, процесс гибридизации дискурсов ускорился в эпоху цифровых технологий и Интернета, где большое количество платформ и средств коммуникации предоставляют широкие возможности слияния различных типов информации и стилей выражения. Например, в современных новостных сетях наблюдается смешение традиционных журналистских подходов с элементами блогов, мемов и социальных комментариев. Этот гибридный дискурс становится характерным для современных новостных форматов и влияет как на способы восприятия информации, так и на формирование общественного мнения.

Гибридизация политического дискурса с помощью медиа приводит к появлению новых форм коммуникации и контента. В настоящее время наблюдается активное функционирование таких гибридизированных жанровых форм, как телевизионные и интернет-интервью с политиками, политическое ток-шоу, интернет-блог политиков. Эти и другие жанровые формы становятся всё более популярными и являются одним из значимых средств формирования общественного мнения и политической атмосферы. Эти новые формы коммуникации часто объединяют в себе элементы развлечения, информации и аргументации, что делает их особенно привлекательными для молодого поколения и активной интернет-аудитории.

1.2 Медиатизированный политический дискурс как гибридная форма коммуникации

Дискурс рассматривается в качестве «самостоятельного смыслового поля – некой реальности, которая развивается по определённым символическим законам и соответствует разнообразным ежедневным речевым практикам носителей языка» [Ионова, 2012, с. 164]. В частности, переход политического дискурса на интернет-платформу изменил традиционные способы распространения информации, предоставив новые каналы для широкого коммуникативного взаимодействия в политической сфере. Это ускорило передачу информации, сняло временные и пространственные ограничения, позволив пользователям в реальном времени участвовать в обсуждениях, что способствует расширению связей между различными социальными слоями, формированию новых социальных связей и повышению уровня политического участия по сравнению с традиционными формами дискурса.

В изучении политического дискурса [Базылев, 1998; Баранов, 1991, 1997; Водак, 1997; Казакевич, 1991; Карасик, 2000; Маслова, 2008; Михалева, 2009; Чудинов, 2008, Шейгал, 2000; 蒋春丽 (Цзян Чуньли), 2013; 雷大川 (Лэй Дачуань), 2009; 卢婷婷 (Лу Тинтин), 2011; 孙玉华，彭文钊, 刘宏 (Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао,

Лю Хун), 2015; 田海龙 (Тянь Хайлун), 2002; 杨可 (Ян Кэ), 2016 и др.] учёные достигли значительных результатов, предложив точные методы анализа и интерпретации политического дискурса, исследуя его понятия, функции и влияние на общественное мнение.

В лингвистике термин «политический дискурс» употребляется в двух значениях: «В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Маслова, 2008, с. 44]. Эти два подхода к пониманию политического дискурса отражают разное видение его участников и цели и необходимы для чёткого разграничения при анализе различных аспектов политического дискурса.

В.В. Зеленский выделяет два основных уровня в понимании политики: «Политика определяется как набор некоторых действий, направленных на распределение власти и экономических ресурсов в какой-либо стране или в мире между странами. Этот официальный уровень политики включает в себя средства массовой информации, систему образования и все те социальные институты, которые контролируют явления социальной жизни. Второй уровень политики – личностный, он представляет собой сам способ, которым первый уровень актуализируется в индивидуальном сознании, как он проявляется в личности, в семье, во взаимоотношениях людей, в профессиональной деятельности, а также в восприятии человеком произведений литературы и искусства» [Зеленский, 1996, с. 371]. Такое разделение позволяет исследовать многослойную природу политики и её влияние на различные аспекты человеческой жизни.

А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич представляют свое собственное определение политического дискурса: «Политический дискурс – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освящённых традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6]. Кроме того, политический дискурс рассматривается в настоящее время

как явление политической коммуникации. Это «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов, 2013, с. 9–10]. Китайский учёный Сунь Юйхуа определяет политический дискурс следующим образом: «Политический дискурс – это вербализованная речевая деятельность, выступающая в качестве коммуникативного события, а политический текст является результатом материального воплощения политического дискурса. Любая речевая деятельность в политической коммуникации в конечном итоге может быть сведена к политическому тексту. Исследования, основанные на политическом тексте как основной единице, также могут охватывать политический дискурс и включать как лингвистический, так и политологический подход к его описанию и объяснению» [Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао, Лю Хун, 2015, с. 4]. Путём глубокого изучения концепции политического дискурса мы можем лучше понять сложность политической коммуникации и её влияние на социальные и политические процессы.

Анализ политического дискурса также требует учёта аспекта медиатизированности. Ещё в начале 2000 годов XXI в. Е.И. Шейгал подчёркивала: «Особую роль в бытии политического дискурса играет дискурс масс-медиа, являющийся в современную эпоху основным каналом осуществления политической коммуникации, в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию политического общения с дискурсом масс-медиа» [Шейгал, 2000, с. 33]. В своей книге Е.И. Шейгал представила градацию (рисунок 1), демонстрирующую соотношение между дискурсом масс-медиа и политическим дискурсом в различных жанрах.

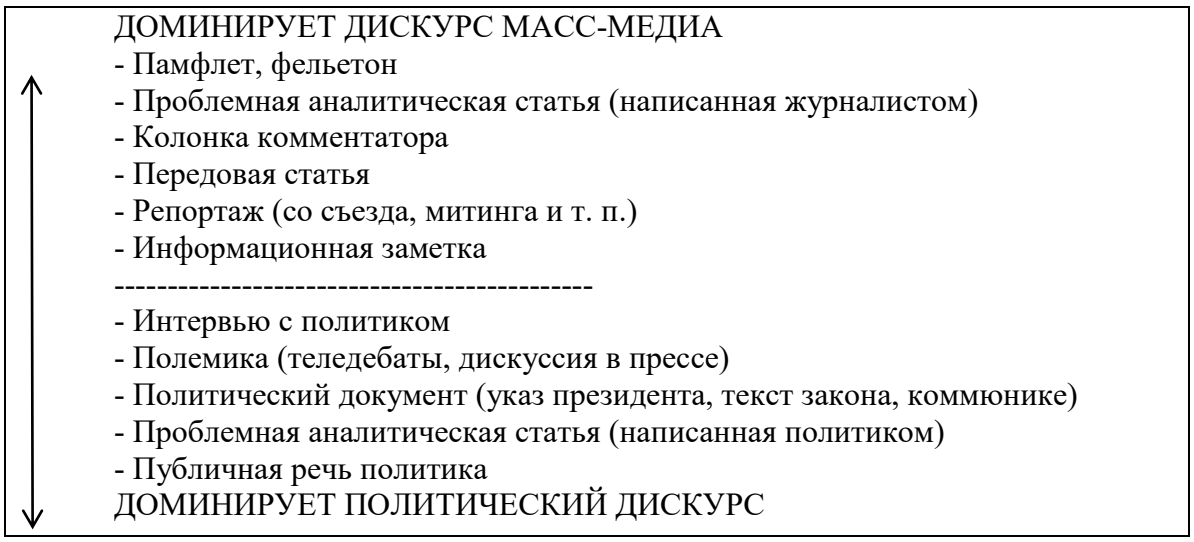

Рисунок 1 – Соотношение политического дискурса и дискурса масс-медиа [Шейгал, 2000, с. 26]

На этой шкале жанры занимают центральное положение в поле политического дискурса по мере уменьшения степени опосредованности, с которой выражается голос политического института или политика, выступающего как представитель этого института и как личность.

В другой концепции современной науки интернет определяется как канал, необходимый для реализации форм «новой искренности» обычного человека, так именно как здесь есть возможности для диалога, принятия, любви, которые невозможно получить в реальности [Баребина, 2024, с. 13], воздействующая функция медиа «детерминирует трансформации коммуникативных практик, что отражается в появлении особых технологий общения». «Одно из таких явлений – новая искренность» [Гладко, 2024, с. 20]. Под «новой искренностью» понимают прежде всего технологии коммуникации, цель которых – привлечь откровенностью самовыражения внимание других людей в публичном пространстве [Иссерс, Герасимова, 2024, с. 32]. Следовательно, «новая искренность так же, как и искренность, – это раскрытие личной информации, при этом если лексема искренность обозначает свойство человека открыто рассказывать о своих чувствах, эмоциях, фактах биографии, имманентно присущее ему, то новая искренность – это модный тренд/технология/метод, которые используются в качестве инструмента

привлечения внимания аудитории как в сфере частной, так и деловой жизни» [Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 198].

Используя модель градации характеристик политического дискурса и дискурса масс-медиа Е.И. Шейгал и концепцию новой искренности медиатизированного политического дискурса, мы разработали модель градации жанров нормативного политического дискурса и медиатизированного политического дискурса (рисунок 2). На схеме демонстрируется активность использования компонентов проявления «новой искренности» в политической коммуникации и показывается, что этот феномен играет разную роль в разных жанровых формах распространения политической информации.

Современная дискурсивная практика отражает изменения в социальной среде и появление новых коммуникационных возможностей.

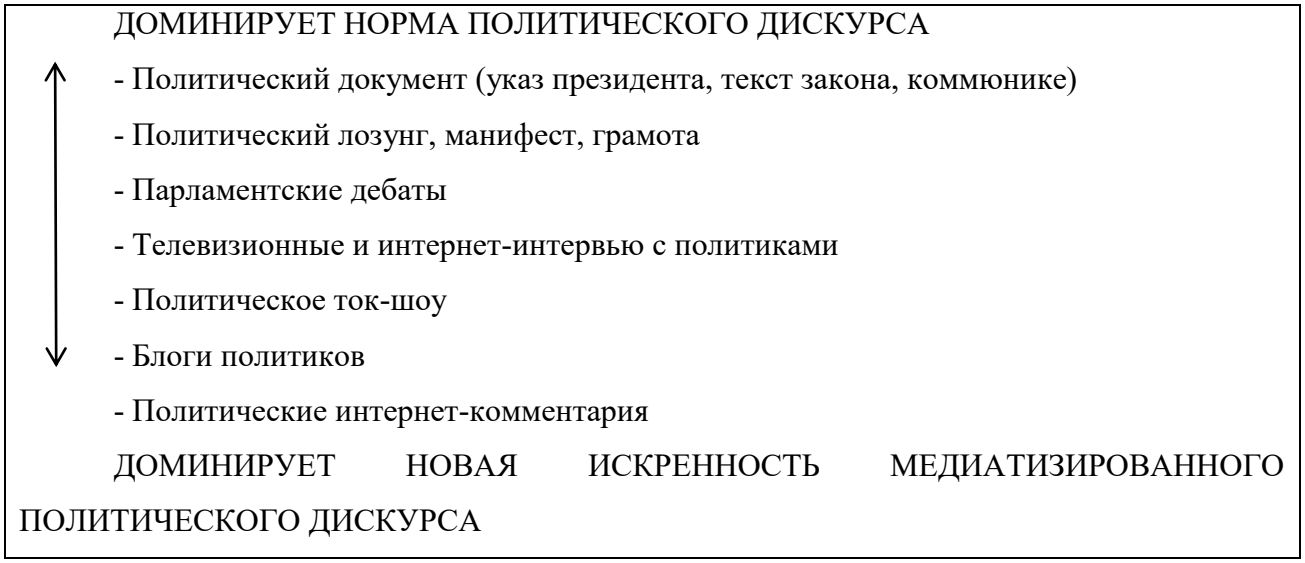

Рисунок 2 – Соотношение жанров нормативного и медиатизированного политического дискурса с позиций проявления черт новой искренности

В современном социальном контексте сетевые взаимодействия способствуют усилению социальных связей, что приводит к переносу политического дискурса, ранее контролируемого определёнными институтами, на открытые медиаплатформы. На этих платформах политический дискурс переплетается с

медиадискурсом, формируя новые социальные связи и создавая уникальную структуру коммуникационного пространства, что актуализирует необходимость изучение этого феномена в рамках дискурсивных исследований.

В контексте этого гибридного пространства, как отмечают М.А. Грачев и С.В. Ионова, «современный политический дискурс тяготеет к расширению политических практик, приобретает всё более разнообразные формы, включая в состав участников новые группы носителей языка, используя широкий спектр каналов, в том числе СМИ и все виды интернет-коммуникации, позволяющие актуализировать и популяризировать, распространять и обсуждать наиболее актуальную информацию» [Грачев, Ионова, 2019, с. 19]. Э.В. Будаев и А.П. Чудинов отмечают, что источниками исследований политического языка чаще всего становится «политический медиадискурс (в том числе пресса, радио, телевидение) и собственно политический (институциональный) дискурс (листовки, парламентские дебаты, выступления на митингах, документы политических партий и др.) в их многообразных разновидностях и пересечениях» [Будаев, Чудинов, 2008, с. 9]. Можно констатировать, что политический дискурс в настоящее время находится под влиянием медиа, что привело к формированию уникальной гибридной формы коммуникации – медиатизированного политического дискурса.

На сегодняшний день в лингвистике существует множество различных подходов как к определению медиадискурса, так и к терминологии, описывающей этот феномен. Наиболее часто употребляются следующие термины: медиадискурс [Анненкова, 2012; Богуславская, 2017; Добросклонская, 2006], медийный дискурс [Кибрик, 2011; Серебренникова, 2011], массмедийный дискурс [Анисимова, 2007], массмедиальный дискурс [Желтухина, 2004; Меграбова, 2009], массово-информационный дискурс [Карасик, 2002; Мрочко, 2006], язык СМИ [Володина, 2008; Демьянков, 2005 и др]. В нашем исследовании мы будем придерживаться термина Т.Г. Добросклонской, которая определяет медиадискурс как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2008, с. 198]. Поскольку в нашем понимании медиадискурс

представляет собой дискурс, функционирующий в сфере массовой коммуникации, важно более подробно рассмотреть данное понятие, учитывая, что «СМИ одновременно являются основным производителем достоверной информации и непреднамеренным источником искаженной или ложной информации» [Трофимова, 2022, с. 19].

Основные характеристики медиадискурса, такие как информативность и суггестивность, тесно взаимосвязаны [Желтухина, 2004, с. 13]. Информативность обеспечивает передачу фактических данных, в то время как суггестивность усиливает воздействие на адресата, направляя его интерпретацию полученной информации в нужное русло. Медиапространство становится той средой, в которой существует медиадискурс в широком его понимании. Разновидности медиадискурса выделяются в зависимости от используемых коммуникативно-информационных каналов и реализуются с помощью разных языковых средств и стратегий. Типы медиадискурса непосредственно связаны с жанрово-функциональными особенностями медиапространства. Выделяются следующие типы медиадискурса:

– по коммуникативным функциям: публицистический дискурс; рекламный дискурс; PR-дискурс;

– по каналам реализации: теледискурс; радиодискурс;

– компьютерный дискурс [Оломская, 2013, с. 252–253].

Данные типы медиадискурса предполагают наличие специфических каналов коммуникативного воздействия. К ним относятся аудио-, визуальный и аудиовизуальный каналы воздействия в медиапространстве. Теледискурсу свойственен аудиовизуальный вид коммуникации, радиодискурсу – аудио, компьютерному дискурсу – аудиовизуальный. Они обладают структурными, стилистическими, композиционно-речевыми особенностями и являются структурными формами «общего социально-речевого контекста эпохи» [Виноградов, 1980, с. 2]. Медиа становятся важной платформой для получения политической информации, выражения мнений и участия в политической деятельности. Как отмечает И.В. Савельева, «медиатизация, затронувшая

практически каждую сферу жизни общества, в значительной степени способствует вовлечению общественных институтов и рядовых граждан в письменную коммуникацию, предметно связанную с общественно-политической проблематикой» [Савельева, 2022, с. 104].

В современных исследованиях, посвящённых изучению взаимосвязи между политическим дискурсом и медиадискурсом, часто встречаются понятия «политический медиадискурс» и «медиатизация политики». Согласно О.Ф. Русаковой и Е.Г. Грибоводу, политический медиадискурс трактуется «как властный ресурс, функционирующий в медийно-коммуникативной политической среде и производящий виртуальную политическую продукцию» [Русакова, Грибовод, 2014, с. 65]. Авторы рассматривают основные черты новостного медиадискурса, дискурса современных информационных войн, выделяют особенности и формы политического фейк-дискурса. Концепт медиатизации политики, по мнению авторов, содержит «широкий спектр смысловых обозначений процесса, сутью которых является перемещение реальной политической жизни в символическое пространство средств массовой информации» [Там же, с. 65]. В связи с этим в нашем исследовании мы используем термин «медиатизированный политический дискурс».

Понятие «медиатизация» (от лат. *mediatus* – выступающий посредником) впервые стало применяться в литературе в конце 70-х гг. XX в. Первоначально термин использовался для описания технико-технологической инфраструктуры, которая направлена на создание, делегирование и усовершенствование средств сбора, хранения и распространения информации и технологий. Затем его трактовка расширилась, вобрав новый коннотационный смысл, а именно – это понятие стало использоваться для обозначения доступа к духовным ресурсам информационного пространства» [Русакова, Грибовод, 2014, с. 71]. Особое значение в современном информационном пространстве приобретает стремительная медиатизация практически всех сфер общественной жизни [Ионова, Ма Юйсинь, 2022, с. 43]. Это подчёркивает, что медиатизация охватывает широкий спектр социальных явлений,

включая политический дискурс, и оказывает значительное влияние на общественное восприятие и взаимодействие с информацией.

При этом, по мнению современных исследователей, понятие «медиатизация» рассматривается, с одной стороны, как новая политическая реальность, а с другой стороны – как социальный процесс, где СМИ выступают «новым социальным институтом, функции которого заключаются в производстве и расширении знаний в самом широком смысле» [Черных, 2011, с. 110].

В. Шульц в своем анализе медиатизации выделяет четыре различных процесса изменений, которые представляют собой различные аспекты этого явления: СМИ расширяют возможности коммуникации, снимает барьеры и ограничения в человеческом общении; СМИ выступают как социальный институт и подменяют собой социальную деятельность; СМИ постоянно взаимодействуют с многообразием «немедийных» процессов и событий в политической и общественной жизни; большинство акторов и субъектов политических и социальных процессов вынуждены подчиняться логике СМИ. Данный аспект играет особую роль в процессах политической коммуникации [Schulz, 2004, с. 98].

При рассмотрении субъектов политических процессов исследователи отмечают отличительные черты медиатизации: профессионализация, лидерство, усиливающаяся негативность и эмоциональность. Данный перечень индикаторов справедлив и для оценки СМИ, поскольку он отражает их влияние на формирование общественного мнения и политические процессы в целом.

И.И. Засурский в начале 90-х годов XX века внедрил в российскую политическую науку и коммуникативистику термин «медиатизация политики», рассматривая «концепт как процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации» [Засурский, 1999, с. 29]. По его мнению, для того, чтобы понять роль СМИ в политической и информационной сферах, необходимо сосредоточиться на технологиях сбора и обработки информации, а также на комплексном анализе средств массовой информации.

Медиатизация политики включает в себя совокупность информационно-коммуникативных процессов и явлений, связанных как с внутренними аспектами политического пространства, так и с его взаимодействием с внешней средой, особенно в рамках медиа: «Политологи и журналисты отмечают, что современное медийное пространство одновременно выступает и как политический актор, и как медиаплатформа, на которой разворачивается политический дискурс, где мы оказываемся ключевыми субъектами или объектами. То есть медиатизация политики, её сращивание со средствами массовой информации приводит к возникновению медиатизированного политического дискурса» [Шейгал, 2012, с. 121]. Таким образом, в текущей дискурсивной практике медиатизированный политический дискурс стал важной частью политической коммуникации, оказывая значительное влияние на формирование общественного мнения и процесс принятия политических решений. Процесс формирования медиатизированного политического дискурса рассмотрен на рисунке 3.

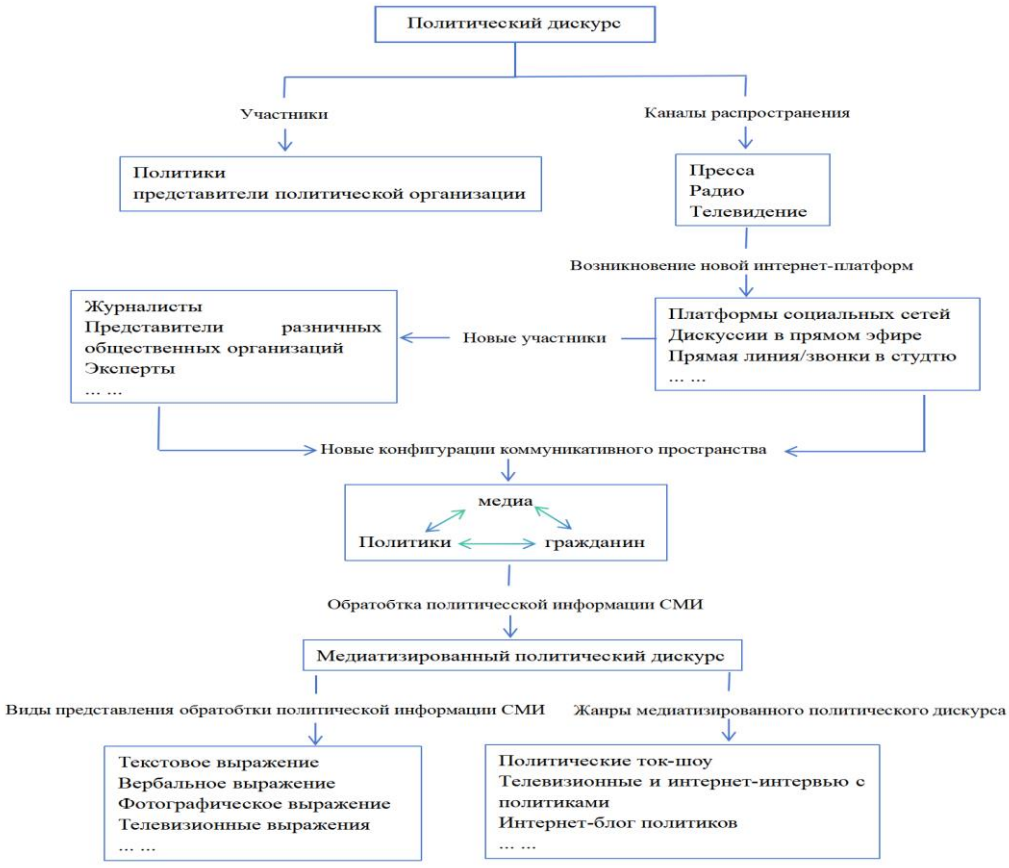

Рисунок 3 – Процесс формирования медиатизированного политического дискурса

Из приведённой диаграммы видно, что процесс распространения политической информации приобретает выраженные медийные характеристики. С развитием разнообразных каналов распространения традиционных медиа (таких, как газеты, радио и телевидение) и новых медиа (таких, как социальные сети, интернет-платформы, сайты, прямые трансляции и онлайн-дискуссии) они вместе формируют сложную экосистему коммуникации. Такое расширение каналов не только расширяет охват политической информации, но и вводит более разнообразных участников, включая журналистов, экспертов, представителей общественных организаций и других, что в свою очередь обогащает формы выражения политического дискурса и содержание его распространения.

В этом процессе производство и распространение политического дискурса постепенно выходит за рамки традиционной модели однонаправленной передачи. Взаимодействие между субъектами дискурса (такими как политики, государственные органы) и общественностью становится значительно более выраженным. Через обработку и воспроизведение политической информации средствами массовой информации, политическая информация обретает новые формы и значения, что приводит к формированию медиатизированного политического дискурса, например, политических ток-шоу, блогов политиков и политических интервью, публикуемых на медийных платформах.

Медиатизированный дискурс политики в терминологии Р. Барта – «энкратический дискурс», т. е. дискурс, основанный на языке массовой культуры (большой прессы, радио, телевидения), а вследствие этого – «в некотором смысле… языке быта; это язык «расхожих мнений (доксы)», и в этом качестве он воспринимается массовым созданием «естественно и натурально» [Барт, 1989, с. 426].

Следовательно, формирование медиатизированного политического дискурса неразрывно связано с высокой степенью развития и широким распространением СМИ в современном обществе. Медиа, выступая как передатчики политической информации и места сбора политических мнений, в значительной мере формируют понимание общественностью политических событий и отношение к ним. Через

медиа политические события быстро распространяются, вызывая широкие дискуссии и привлекая всё большее внимание.

Н. Фэрклоу рассматривает медиатизированный политический дискурс как особый «порядок дискурса», адаптируя этот заимствованный у М. Фуко термин к парадигме критического анализа дискурса. Утверждается, что текст имеет двойную системную соотнесённость: с языковыми системами и с порядками дискурса. Соотношение текст – система в обоих случаях имеет диалектическую природу: текст базируется на системе, но в то же время образует системы и воспроизводит их. Порядок дискурса представляет собой «структурированную конфигурацию жанров и дискурсов, относящихся к определённой социальной сфере» [Fairclough, 1998, с. 145]. Учёный отмечает, что «большинство жанров современного политического дискурса уже не является принадлежностью собственно политического дискурса. Одновременно они являются и жанрами СМИ. Даже такие традиционные жанры собственно политического дискурса, как парламентские дебаты, партийные конференции, международные переговоры и пр., получают облигаторную репрезентацию в СМИ. В то же время жанры политического дискурса, которые изначально возникают в рамках СМИ (политические интервью или прямая линия/звонки в студию), становятся всё более значимыми для политиков. В СМИ стираются грани между профессиональными политиками и другими «медиаголосами»» [Fairclough, 1995].

К числу основных агентов медиатизированного политического дискурса учёный относит профессиональных политиков, журналистов, политиков в нетрадиционном понимании (представители различных общественных организаций и движений), «экспертов» (политические аналитики, учёные-политологи) и «простых людей», «народ» [Fairclough, 1998, с. 148]. Из-за широкого участия медиа границы между традиционным политическим дискурсом и медиадискурсом постепенно стираются, «медиатизированный политический дискурс становится всё более гибридным, объединяя в себе элементы информации, развлечения и общественного воздействия, что затрудняет разграничение между политикой и развлекательным контентом» [Cottle, 2003].

Значимость роли медиа в политическом процессе, необходимость изучения взаимодействия между политикой и медиа в рамках конкретных политических событий и периодов обуславливает актуальность современных исследований, позволяющих определить, как медиатизация влияет на формирование общественного мнения, политическую активность и динамику политической арены.

Таким образом, медиатизированный политический дискурс представляет собой гибридную форму коммуникации на стыке политического и медийного дискурсов. Он расширяет политическую коммуникацию за счёт увеличения числа участников, внедрения новых форматов и интерактивных каналов передачи информации (радио, телевидение, Интернет и др.). В медиатизированном дискурсе появляются новые стилистические и разговорные нормы, а также усиленное использование экспрессивных средств, что в классическом политическом дискурсе ограничено. При этом тематический фокус сужается, концентрируясь на наиболее актуальных и резонансных вопросах современности. Далее рассмотрим гибридные черты медиатизированного политического дискурса

1.3 Гибридные черты медиатизированного политического дискурса

Говоря о дискурсе, мы рассматриваем различные типы коммуникативной ситуации. Российский лингвист В.И. Карасик отмечает, что с позиции социолингвистики можно выделить «два основных типа дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всём богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определённого социального института» [Карасик, 2000, с. 6].

Учёный указывает на то, что для описания конкретного типа институционального дискурса целесообразно рассмотреть его следующие компоненты: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе и ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и

жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы [Карасик, 2000, с. 12].

Для более полного выявления гибридных особенностей медиатизированного политического дискурса необходимо провести анализ политического дискурса, медиадискурса и медиатизированного политического дискурса с разных перспектив, упомянутых выше. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Компоненты политического дискурса, медиадискурса и медиатизированного политического дискурса

Компонент	Типы дискурса		
	политический дискурс	медиадискурс	медиатизированный политический дискурс
Участники	политические партии, представители политических институтов	профессиональные ретрансляторы (журналисты), новостные организации и т. д. непрофессиональные ретрансляторы (пользователи СМИ)	известные политики, элиты значимых общественных организаций, комментатор, политические СМИ, политологи и эксперты, а также непрофессиональные ретрансляторы (пользователи СМИ) и аудитория, имеющая интерес к политическим темам.
Хронотоп	партийный съезд, выборы, пресс-конференция, митинг	новости, интервью, телевизионные шоу, онлайн-платформы, прямая трансляция.	политическое ток-шоу, блог политиков, телевизионные и интернет-интервью (т. е. распространение политической информации через СМИ)
Цели	борьба за власть	сообщение фактов, анализ событий, направление общественного мнения и т. д.	формирование общественного мнения, передача политической информации, воздействие на решения избирателей и т. д.
Ценности	обоснование и отстаивание своего права на власть [Карасик, 2002, с. 238]	актуальность, объективность, справедливость, авторитетность	общедоступный, привлекательность, широкораспространённый, рациональная, эмоциональная, образная передача политической информации, их распространение через медийные каналы.
Стратегии	стратегия показа	аттрактивная стратегия, стратегия театральности и т.д.	стратегия аттракции, убеждения, усиления, смягчения, театральности, и т.д.

Материал (тематика)	политическая идеология, политическая система, политический процесс; международная политика и дипломатия	новостные события, развлекательный контент, реклама и маркетинг, культурные и социальные вопросы и т.д.	политическая пропаганда для продвижения идеологии, обоснования власти и легитимации; международная политика и дипломатия.
Разновидности и жанры	политический документ (указ президента, текст закона, коммюнике), политический лозунг, манифест, грамота	теледебаты, видеоролики, традиционные журналистские материалы, информационные заметки, репортажи, интервью, блоггинг	интервью с политологом, интернет-блог на политические темы, колонка комментатора, политический репортаж (со съезда, митинга и т.д.), информационная заметка, полемика (теледебаты, дискуссия в прессе), политические интернет-комментария.
Прецедентные тексты	политическая документация, доклады, выступления и обращения политических лидеров государств	прецедентные тексты: фразеологизмы, пословицы и поговорки, цитаты, литературные произведения и другие образные единицы.	
Дискурсивные формулы	стандартизиро-ванные выражения, указания, лозунги, призывы и т. д.	информативные клише, заголовки и подводки, постановочные вопросы, эмоциональные конструкции и т. д.	популяризация через мемы и образные единицы, эмоциональные апелляции, интерактивные формулы и т.д.

На основе результатов сравнительного анализа можем сделать следующие выводы о характеристиках медиатизированного политического дискурса, его отличии и сходстве с политическим и медиадискурсом:

1) Участники: политический дискурс преимущественно представлен официальными и полуофициальными структурами с высокой представительностью; медиадискурс – профессиональными новостными агентствами и журналистами, акцентирующими объективность; медиатизированный политический дискурс характеризуется разнообразием участников – от профессионалов до обычных пользователей, что обеспечивает

большую открытость и интерактивность, создавая сложную экосистему распространения информации;

2) Хронотоп: политический дискурс развивается в формальных, ограниченных по времени и месту ситуациях (партийные съезды, собрания); медиадискурс функционирует вне временных и пространственных рамок, используя разные платформы в реальном времени или в отложенном формате; медиатизированный политический дискурс сочетает эти характеристики, обеспечивая высокую интерактивность и открытую коммуникацию, что отражает методы его распространения и взаимодействия с аудиторией;

3) Цели: политический дискурс ориентирован на борьбу за власть и её легитимацию через формализованное общение; медиадискурс – на предоставление фактов, их анализ и формирование общественного мнения с акцентом на объективность; медиатизированный политический дискурс служит связующим звеном, направляя общественное мнение и влияя на избирателей через медийные каналы, при этом ценности сосредоточены на эффективной коммуникации и создании политического имиджа;

4) Стратегия: политический дискурс использует стратегии демонстрации авторитета и легитимизации власти; медиадискурс – стратегии привлечения внимания и театральности; медиатизированный политический дискурс интегрирует обе модели, применяя усиление, смягчение, театральность, убеждение и вовлечение для формирования и направления общественного мнения и воздействия на аудиторию;

5) Материал (тематика): политический дискурс охватывает теоретические и практические политические вопросы, анализ систем и процессов; медиадискурс разнообразен, включая новости, развлекательный и культурный контент с целью удержания внимания; медиатизированный политический дискурс сосредоточен на политической пропаганде, используя медийные инструменты для влияния на восприятие и интерпретацию политической информации;

6) Разновидности и жанры: политический дискурс представлен формальными жанрами – парламентскими дебатами, политическими документами;

медиадискурс – разнообразием медийных форм, включая новостные репортажи, видеоконтент и интервью; медиатизированный политический дискурс сочетает черты обеих сфер, применяя интервью, блоги, колонки и репортажи для формирования общественного мнения и влияния на политические дискуссии через различные медийные платформы;

7) Прецедентные тексты и дискурсивные формулы: прецедентные тексты и дискурсивные формулы медиатизированного политического дискурса сходны с используемыми в медиадискурсе. Политический дискурс опирается на официальные политические документы и авторитетные тексты, акцентируя внимание на записи и распространении политических решений и программ, в то время как медиадискурс и медиатизированный политический дискурс с целью усиления выразительности и привлекательности контента фокусируются на использовании образных единиц, таких как фразеологизмы, пословицы и цитаты.

Таким образом, медиатизированный политический дискурс – это многоуровневая коммуникативная форма, возникающая на пересечении власти и медиа, в которой совмещаются официальность, массовость, образность и интерактивность. Он функционирует как инструмент влияния на интерпретацию политической информации, обеспечивая эмоциональную составляющую, когнитивную доступность и идеологическую направленность публичного восприятия.

Сравнительный анализ показывает, что медиатизированный политический дискурс объединяет черты как политического, так и медиадискурса. В отличие от политического дискурса медиатизированный политический дискурс акцентирует внимание на распространении и взаимодействии через разнообразные медийные платформы, используя элементы медиадискурса, особенно в отношении дискурсивных формул и прецедентных текстов. Хотя медиатизированный политический дискурс и политический дискурс оба сосредоточены на передаче политической информации, они значительно различаются по форме и стратегиям распространения, что делает медиатизированный политический дискурс

уникальным типом дискурса, объединяющим политическую глубину и медийную широту и интерактивность.

1.4 Образность как важная черта медиатизированного политического дискурса

Медиатизированный политический дискурс представляет собой сложный коммуникативный феномен, объединяющий в себе черты традиционного политического дискурса и медиадискурса. В результате анализа высшего понятия медиатизированного политического дискурса можно выделить несколько ключевых характеристик, которые определяют его уникальность и эффективность в передаче политических идей и убеждений. Среди них выделяются следующие:

1) интертекстуальность: термин «интертекстуальность», впервые обоснованный Ю. Кристевой как один из ключевых в теории цитации, обозначает «универсальное свойство текстов и текстуальности в целом и понимается как многомерная связь одного текста с другими текстами в рамках определённого дискурсивного пространства» [Кристева, 2004]. Оно включает процесс порождения вторичных текстов, а вместе с ними порождение новых концептуальных и образных пространств, новые интерпретации смыслов [Ионова, 2006, с. 142]. Медиатизированный политический дискурс часто включает ссылки на другие тексты, цитаты и аллюзии, что создаёт глубину и многослойность сообщения, это позволяет установить связь с предыдущими высказываниями и событиями, усиливая аргументацию и привлекая внимание аудитории;

2) интердискурсивность: интердискурсивность представляет собой синергию нескольких дискурсов, что проявляется в переплетении дискурсивных событий, отличающихся разной интенциональной направленностью и коммуникативной тональностью» [Олизько, 2012, с. 88]. Дискурс пересекается с различными социальными практиками и другими типами дискурсов, что делает его гибким и адаптивным. Например, в тексте могут сосуществовать элементы как институционального, так и неинституционального дискурсов, создавая тем самым богатый и разнообразный контекст;

3) оценочность: оценочность занимает существенное место в жизни человека и соответственно находит свое отражение в языке. Она играет важную роль в формировании общественного мнения о политической информации. Медиатизированный политический дискурс позволяет не только выражать, но и корректировать эти суждения, предоставляя властным структурам обратную связь и возможность подстраиваться под ожидания аудитории;

4) образность: «образность – средство для возбуждения именно эмоционально-оценочного значения» [Телия, 1991, с. 25]. В результате психолингвистических исследований был сделан вывод о том, что «образные компоненты мышления являются не только дополнительными к левополушарным логико-знаковым в процессе построения речи, но и определяющими, ибо именно они ориентируют высказывание на внеязыковую действительность, на индивидуальный личный опыт» [Ротенберг, 1988, с. 125]. Образность занимает важное место в медиатизированном политическом дискурсе, что следует из работ современных учёных, исследующих его различные аспекты и язык, и практически всегда указывающих на наличие образных элементов медиаполитических текстов (см. дальнейшие разделы главы 1 данной работы).

1.5 Образные единицы и их использование в современных дискурсах

Образность как ассоциативность, как особый способ отражения действительности, представляет собой фундаментальное свойство языка и речи [Щербакова, 2013, с. 63]. Ассоциативный (образный) способ оказывается постоянным элементом речемыслительной деятельности вообще и «оценка этого факта обозначила в лингвистических исследованиях последних лет поворот к общеязыковому аспекту изучения образного отражения действительности» [Илюхина, 1999, с. 3]. Специфика значения образной единицы определяется учёными как «двуплановая содержательная структура языковой (лексической) единицы, в которой взаимодействием предметно-понятийного и ассоциативно-образного планов содержания передаётся стереотипное (прототипическое)

конкретно-чувственное представление о называемом явлении посредством метафорического воплощения признаков этого явления» [Юрина, 2005, с. 131]. Образными признаются «мотивированные слова с ассоциативно выраженным мотивировочным признаком слова, внутренняя форма которых метафорична» [Блинова, 1983, с. 5], также выделяются лексические единицы «полуобразные» (мотивированные слова не с метафорической внутренней формой, мотивировочный признак у этих единиц выражен прямо), «слова с потенциальной образностью» (немотивированные слова, которые могут стать образными в процессе метафоризации) и необразные слова (немотивированные и не имеющие возможности для вовлечения в процесс метафоризации с целью приобретения статуса образной единицы).

Образные единицы, такие как метафоры, образные сравнения, фразеологизмы и другие активно используются в медиатизированных дискурсах и позволяют создавать образные ассоциации, передавать эмоциональную оценку сообщаемой информации и привлекать внимание адресата, а также делать сложные концепции более доступными для понимания аудиторией. В политическом дискурсе частотно использование образности с целью акцентирования внимания на определённых проблемах и ценностях. В медиадискурсе образы могут быть использованы для воздействия на адресата с целью формирования общественного мнения, выражения идентичности или привлечения внимания к определённой теме. Помимо этого, образные единицы могут быть использованы как средство установления социальных связей и преодоления культурных и языковых барьеров. Они могут быть эффективными включениями в межкультурный диалог и способствовать взаимопониманию, так как образы могут быть универсальными – понятными для людей разных культур и языковых сообществ.

В данном разделе используются обоснованные на базе трудов классической русской лингвистики определения образности и образных средств, которые применимы для целей данного исследования.

1.5.1 Образные сравнения и метафоры

Когда в сознании носителя языка возникает образ предмета, сформированный через переосмысление другого объекта, можно говорить об образности речи. В образных выражениях всегда присутствует основа для переноса значения. Основные элементы языкового образа включают наглядность, картинность, визуальное восприятие и эмоциональную оценку. Основные средства создания языковой образности – это образные сравнения и метафора.

Метафора является не только языковым феноменом, но и когнитивным явлением. Под оболочкой языка она несёт в себе наше глубокое понимание мира и культурную идентичность, и через взаимодействие языка и образов формирует наше восприятие и реакцию на реальность. В дискурсе метафора выступает не только как основной инструмент для передачи идей говорящего, но является эффективным средством воздействия на восприятие слушающего. Метафора выполняет текстообразующую функцию и направляет внимание читателя или слушателя в определённое русло понимания.

В лингвистике теория метафоры получила свое развитие в трудах Н.Д. Арутюновой [1978, 1979], В.Г. Гака [1988], Г.Н. Скляревская [1988], В.Н. Телия [1988], Lakoff G., Johnson M. [1985] и др. В.Н. Телия утверждает, что «в метафоре происходит не простое уподобление (типа сравнения), а своего рода “перетасовка” признаков в процессе интеракции основной сущности и двух вспомогательных признаков, актуализирующихся в “буквальном значении”, и признаков, ассоциируемых с представлением о референте этого значения, рассматриваемом, однако, с точки зрения метафоры и ее цели» [Телия, 1988, с. 46]. Метафора рассматривается учёным как «механизм, который приводит во взаимодействие и познавательный процесс, и эмпирический опыт, и культурное достояние коллектива, и его языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственно не воспринимаемые объекты и сделать наглядной невидимую картину мира – создать ее языковую картину, воспринимаемую за счёт вербально-образных ассоциаций составляющих ее слов и выражений» [Телия, 1988, с. 180]. Таким

образом, метафора является не просто риторическим приёмом, а фактически отражением глубокой связи между языком и мышлением, становится своеобразным мостом между языком и мышлением, превращая абстрактные понятия в конкретные и наглядные образы.

Если рассматривать функционирование метафоры в синхронном срезе, то значимым становится противопоставление метафор по принципу «живая» – «стёртая». Противопоставление «живой» и «стёртой» метафор [Гак, 1988; Скляревская, 1988] осуществляется в синхронном срезе. Переход «живой» метафоры в разряд «стёртой» (генетической) может быть связан с изменениями в первичных значениях слова. В.Г. Гак фиксирует несколько этапов в этом процессе. «Если в результате функционирования слова оказывается забытым прямое значение слова, но сохраняются синонимические связи со словом, выражающим данное значение в рамках прямой номинации, то бывшая метафора продолжает оставаться экспрессивным средством языка (например, медлить – волынить). Если же в результате исторических изменений метафора не только утрачивает первичное значение, но и начинает выступать в функции прямой номинации объекта, то она переходит в разряд этимологических (например, слов *глаз* “часть тела” утратило первичное значение “шарик” и вытеснило слово *око*)» [Гак, 1988, с. 15–17]. Этот переход от «живой» метафоры к «стёртой» метафоре раскрывает динамический процесс функционирования метафор в языке, а также отражает эволюцию и историческое развитие языка.

Стёртая метафора – «общепринятая метафора, образный характер которой утратился под влиянием её частого использования в речи: *ножка стула, дождь идёт* и т. д. Такого рода метафорические обороты прочно вошли в национальный язык и настолько общеупотребительны, что в повседневной речи их метафорическая основа не ощущается говорящими» [Поспелов, 1988, с. 299]. Г.Н. Поспелов полагает, что «стёртые метафоры используются, во-первых, для описания природных явлений: *дождь идёт, снег лежит, день хмурится* и т.д. Во-вторых, они передают душевные переживания человека: *горе гнетёт, нашла тоска, надежда угасла*. В основе вышеуказанных видов стёртых метафор лежит

олицетворение. Такие метафоры имеют мифологическое происхождение и отражают ранние представления человека о мире, в частности о явлениях неживой природы, как о неких живых существах, наделённых признаками, схожими с человеком или животными. В-третьих, с развитием абстрактного мышления возникает особый вид стёртых метафор, «в которых те или иные отвлечённые явления и процессы отождествляются по принципу сходства с явлениями и процессами материальной жизни»: *цепь доказательств, поток происшествий* и т. д.» [Поспелов, 1988, с. 300]. Из-за слишком высокой частоты использования она трансформировалась из выразительного риторического средства в устойчивое выражение в повседневном общении, и образная основа метафоры постепенно утрачивается.

Стёртым метафорам и метафорам-формулам противопоставляются *живые (образные, поэтические) метафоры*. Живая метафора – тип метафоры, в основе которой находится образность, создаваемая автором в результате сравнения понятий, имеющих, с точки зрения автора, схожие черты. Такого рода метафоры в наибольшей степени апеллируют к воображению, сознанию и эмоциям собеседников. Как отмечает Ш. Балли, живые метафоры «способны вызывать в воображении картину, которую каждый дополняет на свой лад»; «это образ чувственный, конкретный, он будит воображение и будит картину»» [Балли, 2001, с. 227]. В целом стёртые метафоры и живые метафоры представляют собой два различных состояния метафоры в языке: первые – это метафоры, которые постепенно утратили свою образность в процессе использования и стали устойчивыми языковыми выражениями; вторые сохраняют первоначальную образность метафоры, продолжают обладать сильной выразительностью и большим эмоционально-воздействующим потенциалом.

Н.Д. Арутюновой предложена функциональная классификация метафор. Исходной для метафоры признается функция характеризации, т. к. классическая метафора – это образная метафора, к которой «прибегают в поисках образа, способа индивидуализации или оценки предмета» [Арутюнова, 1978, с. 334]. Это означает, что метафоры способны создавать яркие и запоминающиеся образы, которые

помогают воспринимать и осмысливать информацию, обогащая наше понимание предметов и явлений. Однако, по мнению Н.Д. Арутюновой, «метафора может выполнять не только характеризующую, но и номинативную, когнитивную функции. Так, к номинативной метафоре прибегают в поисках имени для некоторых классов предметов, и она практически не выходит за рамки идентифицирующей лексики (рукав реки, швейная игла)» [Арутюнова,1979, с. 159]. Это подводит к мысли о том, что метафоры не только создают образность, но и способствуют расширению лексического запаса языка. Л.О. Чернейко полагает, что «номинативная метафора создаёт не образные значения слова, а самостоятельные слова-омонимы. Созданный омоним представляет собой мотивированное, производное слово с самостоятельным свободным значением» [Чернейко, 1997, с. 229]. Это подчёркивает значимость метафор как инструмента, который позволяет языку развиваться и адаптироваться к новым условиям. «Когнитивная метафора присуща признаковой лексике (острый ум), формируется на основе сдвига в сочетаемости соответствующих слов и связана с “присвоением объекта чужих признаков, свойств и состояний”» [Арутюнова, 1978, с. 335]. Таким образом, классификация функций метафор, предложенная Арутюновой, не только предоставляет теоретическую основу для изучения метафор, но и открывает новые перспективы для более глубокого понимания разнообразия и сложности языка. Путём исследования различных функций метафор мы можем лучше понять, как язык выполняет свою роль в общении и как использование метафор обогащает речь говорящего или пишущего.

Уточняя описанную выше классификацию, Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1979, с. 147–173] выстраивает свою типологию метафор. При этом автор связывает роль метафоры в современном языке с выполняемой синтаксической функцией:

1) «номинативная («идентифицирующая») метафора (собственно генетическая), составляющая «ресурс номинации, а не способ нюансировки смысла» (именно поэтому слово «освобождается» от образности, присущей переносному значению): *быки моста, колодезный журавль* и пр. Видимо, это происходит ещё и потому, что метафора этого типа наглядна, следовательно,

«отвечая акту употребления, она, однако, не производит вспышки, представляющей предмет в новом, преображающем его свете. Она не подсказывает, а указывает» [Арутюнова, 1979, с. 159];

2) образная метафора, связанная с позицией предиката, её источником становится идентифицирующее имя: «метафора в этом случае есть ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации или оценки предмета, смысловых нюансов, а не в погоне за именем» [Там же, с. 160]: *дубина, лопух, дуб – о человеке;*

3) когнитивная (признаковая) метафора, «возникающая в результате сдвига сочетаемости предикатных слов (переноса значения)» и представленная в основном прилагательными и глаголами, а также отглагольными существительными [Там же, с. 168]: *острое зрение, шёпот деревьев, улыбка судьбы;*

4) генерализующая метафора, определяемая автором классификации «как конечный результат когнитивной метафоры», «стирающая в лексическом значении границы между логическими порядками и стимулирующая возникновение логической полисемии»: *сухой человек, блестящий учёный* [Там же, с. 168].

Функциональный подход позволил В.Н. Телия разграничить когнитивную (по Е.О. Опариной – концептуальную) и образно-эстетическую метафору [Телия, 1988б, с. 190; Опарина, 1988, с. 65]. Когнитивная метафора ориентирована на создание «новых концепций в области обозначения “непредметного мира”. Данную метафору можно считать гипотетической когнитивной моделью, имея в виду её основную функцию – создание новых понятий» [Телия, 1988б, с. 193–194]. Образная метафора, на основе которой формируется оценочная и оценочно-экспрессивная метафора, в основном «выполняет образно-эстетическую функцию. Именно данная метафора более всего текстоцентрична, т. е. это так называемый языковой материал, которым рисует мир автор произведения» [Телия, 1988б, с. 198].

Следовательно, когнитивная метафора – это метафора, в которой экспрессивная функция снижена. Она служит не для выразительности, а для номинации и обозначения. Такие метафоры уже не используются для привлечения

внимания, воздействия или украшения речи. В рамках нашего исследования интерес представляют только образные метафоры.

Теоретическое исследование сравнений в лингвистике началось в 60-х годах XX века. Одним из первых учёных, обративших внимание на этот феномен, был В.В. Виноградов. Он интерпретировал сравнения как уникальную категорию фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность определяется традиционными национальными характеристиками образа, его точностью, визуальной реалистичностью и выразительной мощью. По мысли В.В. Виноградова «образное» слово не составляет сущности образа; однако в нём есть «свернутая» форма того, что является элементарной моделью образной мысли. Эта модель – сравнение». Сравнение обращено не только и даже не столько к словам, скользко к действительности, предметам. «Образное сравнение оперирует далёкими предметами, намеренно берёт их из самых разных областей. Значение его всплывает не прямо через слово, хотя и посредством слова, но из отражения одного предмета в другом» [Виноградов, 1963, с. 104]

В лингвистике и литературоведении о сравнении написано много, но-функции его в произведении как средства образности определены недостаточно полно» [Федоров, 1985, с. 55]. В словарях лингвистических терминов приводится следующее: «Сравнение. 1. англ. *Comparison*, фр. *comparaison*, нем. *Vergleich* [-ung], исп. *comparacion*. Понятия равенства – неравенства, большей или меньшей степени качества, находящие выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии. 2. англ. *simile*, фр. *comparaison*, нем. *Gleichnis*, исп. *simil*. Фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [Ахманова, 2004, с. 449–450].

«В русском языке значительную группу сравнительных оборотов составляют фразеологические сравнения: *знать как свои пять пальцев; как с гуся вода; жить как кошка с собакой* и др. Содержание их мотивировано. В таких сравнениях выделяются три элемента: субъект сравнения, т. е. предмет, который сравнивается; объект сравнения, т. е. предмет, служащий для сравнения; основание для сравнения

(признак сравниваемых предметов). Сущность сравнения, таким образом, состоит в сопоставлении двух или нескольких названных предметов, явлений, действий, качеств, имеющих близкие или одинаковые признаки» [Федоров, 1985, с. 55]. «Сравнение обладает модальностью, оно не нейтрально: в нём передаётся авторское отношение к изображаемому, его чувство. И вместе с тем ассоциации, которые возникают при восприятии сравнений, говорят значительно больше, чем простое, логически расчленённое описание. Сравнение, передающее образ и отношение к нему, – не самоцель, а действенное средство возбудить деятельность воображения читателя в том направлении, которое важно для писателя» [Федоров, 1985, с. 56].

В.М. Мокиенко высказывает следующую точку зрения: «Сравнение – один из важнейших способов познания действительности, краткий образный способ мышления. Путём сравнения человек издавна постигал окружающий мир: сопоставление неизвестного или малоизвестного с известным и хорошо знакомым – один из древнейших и надёжнейших способов наименования. В нашей повседневной жизни, когда нам не хватает точного слова или обозначения кого-либо или чего-либо, мы чаще всего прибегаем именно к сравнениям» [Мокиенко, 2008, с. 4]. «Более того, сравнение – это не просто способ наименования окружающей действительности, но яркое средство её оценки. Оно экспрессивно, наглядно и образно характеризует человека, явления природы и повседневные ситуации. Именно образность и яркость позволяют предпочесть экономное и точное сравнение длинному и расплывчатому описанию» [Мокиенко, 2008, с. 4]. В словарях В.М. Мокиенко различаются следующие типы русских народных сравнений:

1) «образные сравнения, ставшие активно употребительными и кодифицированными литературным языком, напр.: *смотреть бирюком, голодный как волк, гол как сокол* и т. п.

2) яркие, меткие выражения регионального масштаба, напр.: *яросл. ходить как Акулина* (о ходящей в плохой, небрежной одежде женщине), *пек. зырить (зырять) как вор на ярмарке* (о воровато поглядывающем по сторонам), и др.

3) современные просторечные и жаргонные образные сравнения, напр.: мол. жарг. *как два байта переслать* (о совершении чего-л. без труда, просто, быстро и сразу), *шустрый как вода (водичка) в унитазе (из унитаза)* (об очень крикливом, бойком, шумном, излишне энергичном человеке) и т. п.» [Мокиенко, 2008, с. 7–8].

«Образное сравнение может строиться и на сближении понятий о явлениях, предметах, не имеющих одинаковых или сходных признаков. Важно при этом, чтобы образное содержание, выраженное сравнением, открывало читателю какую-либо новую сторону предмета» [Федоров, 1985, с. 59].

Большинство образных сравнений описывается по единой последовательной и детализированной композиции:

1) Вокабульное выражение.

2) Стилистическая характеристика (употребительность, сфера распространения, экспрессивно-стилистическая квалификация).

3) Точное и полное толкование значения.

4) Точная паспортизация источника.

5) Объяснение истории и этимологии, толкование непонятных (особенно диалектных, иноязычных или жаргонных) слов, входящих в оборот [Мокиенко, 2008, с. 8].

Н.Д. Арутюнова, исследуя различия между метафорой и сравнением, отмечает, что «метафора лаконична, она избегает объяснений и обоснований. Метафора сокращает речь, сравнение её распространяет» [Арутюнова, 1999, с. 354]. Исследования показывают, что метафорическое использование языка несёт в себе не только семантическую глубину, но также может формировать определённые культурные представления и социокультурные нормы. Метафора и образное сравнение становятся неотъемлемой частью языкового общества, активно взаимодействуя с ментальностью в социокультурном контексте, формируя образы в мышлении носителей языка.

Таким образом, метафора и образное сравнение представляют собой средство трансфера мнения, которое не только разъясняет смысл субъективных предположений, но и создаёт образные аналогии для более ясного понимания.

Метафора и образное сравнение вербализируют признаки, которые объединяют сравниваемые объекты, подтверждая точку зрения говорящих. Однако стоит отметить, что выбор метафор и образных сравнений в публичных высказываниях не случайны: они направлены на вызов эмоционального отклика у аудитории, а также на убеждение через силу яркого языкового образа.

1.5.2 Фразеология

Если образ трактуется как лингвистическое явление, т. е. двустороннее семантическое единство, объединяющее буквальные и переосмысленные значения, то при таком понимании нам представляется убедительным общепринятое понимание внутренней формы как образа, который лёг в основу наименования объекта, познаваемого человеком.

Фразеологические единицы (ФЕ) представляют собой специфические знаки, которые определяются своей внутренней особенностью – образностью (по терминологии В.Н. Телии – образным основанием ФЕ). Образность возникает, когда один объект отражается в другом или представляется через него. Фразеологизм, возникающий в результате семантического переноса, позволяет интегрировать один объект в контекст другого. Метафоризация может осуществляться не только на основе непосредственного сходства (различных характеристик объектов), но и через аналогию, что позволяет метафоризации развиваться на разных уровнях абстрагирования от реальных объектов.

Образность, как проявление метафоричности, представляет собой сосуществование ассоциативно связанных признаков культурных реалий в рамках ФЕ. Образность – не только «семантическое свойство языкового знака, его способность выразить определённое внеязыковое содержание» [Лукьянова, 1986, с. 56], но и характеристика, связанная с культурным контекстом языка, которая служит основой и мотивацией для трансформации ФЕ.

Как характеристика ФЕ, образность проявляется в их способности вызывать в сознании наглядные представления. Эти представления помогают индивиду

воспринимать как конкретное, так и логическое содержание этих единиц. Это обуславливает двуплановость смысла ФЕ. Образное значение реализуется в структуре, которая сочетает предметно-понятный (обобщенный чувственно-наглядный образ) и ассоциативно-образный уровни лексической единицы.

Иными словами, образные фразеологизмы характеризуются наличием ярко выраженной внутренней формы и считаются мотивированными. У современных носителей языка такие ФЕ вызывают ощущение связи между прямым и переносным значениями, что способствует их сильному эмоциональному восприятию при использовании.

Термин «фразеология» (от греч. *phrasis* – оборот речи, выражение, *logia* – сборник, собрание) впервые был использован немецким филологом Микаэлом Неандером в 1558 году для обозначения латинских переводов речевых оборотов и выражений древнегреческого оратора Исократа [Солодуб, 2002, с. 171]. В начале XX века в европейской лингвистике появились несколько исследований, которые сыграли значительную роль в становлении фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины. В 1909 году вышла работа выдающегося швейцарского лингвиста Шарля Балли «Traité de stylistique française», где он рассматривал вопросы типологии словосочетаний французского языка, уделяя особое внимание степени устойчивости связей между компонентами этих словосочетаний. Ш. Балли среди словосочетаний выделял «неделимые, неразложимые по смыслу обороты: 1) фразеологические группы (могут употребляться и в прямом, и в переносном значении); 2) фразеологические единства (в прямом значении не употребляются)» [Балли, 1905, 1961].

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русской науке относится к 40-м годам XX века и неразрывно связано с именем академика В.В. Виноградова и его фундаментальным трудом – «Современный русский язык. Грамматическое учение о слове» [Виноградов, 1938], а также более поздними его работами: «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» [Виноградов, 1946]; «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» [Виноградов, 1977]. Он переработал теорию Ш. Балли и дал

синхронную классификацию фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности и наметил пути и аспекты дальнейшего изучения фразеологизмов. В трудах В.В. Виноградова были определены ключевые понятия фразеологии, а также поднят вопрос о её объеме и задачах. В 1950-х годах основное внимание уделялось изучению сходства и различия между фразеологизмом и словом, а также словосочетанием. Основные вопросы фразеологии в этот период сводились к определению критериев фразеологичности и уточнению классификации фразеологизмов [Виноградов, 1946, 1963]. Начиная с конца 1950-х годов наметилась тенденция к системному подходу в решении проблем фразеологии, были начаты работы по описанию структурно-семантической организации фразеологических единиц [Ахманова, 1957; Смирницкий, 1956]. В 1960-е годы активно развивались собственно фразеологические методы исследования, которые основывались на системно-уровневом анализе языковых фактов и дистрибутивном анализе [Архангельский, 1964; Кунин, 1972]. В это время также велись исследования, посвящённые систематизации фразеологического состава языка [Чернышева, 1964; Шанский, 1969] и его историческому развитию [Мокиенко, 1980; Попов, 1976; Федоров, 1985]. Значительное внимание было уделено сравнительно-типологическому исследованию фразеологического состава различных языков [Ройзензон, 1968] и вопросам описания фразеологизмов в словарях [Бабкин, 1970; Молотков, 1978]. Также разрабатывались новые методы исследования, как направленные на определение фразеологии как науки о сочетаемости лексем [Копыленко, Попова, 1978], окказиональность фразеологизмов [Петрова, 1984; Третьякова, 2010 и др.] и образность фразеологизмов [Третьякова, 2010; Филоненко, 2004; 刘永红 (Лю Юнхун), 1993; 谢盛根 (Се Шэнгэнь), 1991 и др.], так и в аспекте номинации [Гак, 1959; Телия, 1996]. Изучение семантики фразеологизмов и закономерностей их употребления в языковых процессах активно развивается, что связано с общей тенденцией роста интереса к разработке моделей языкового синтеза.

В современной лингвистике термин «фразеология» рассматривается в широком и узком смысле. На современном этапе развития фразеологии все теории

могут быть сведены к широкому [Архангельский, 1964; Виноградов, 1977; Копыленко, 1978; Телия, 1996; Шанский, 1969; 史式 (Ши Ши), 1979 и др.] и узкому [Молотков, 1978; Жуков, 1967; Федоров, 1985; 黄伯荣 (Хуан Божун), 廖序东 (Ляо Сюйдун), 2017; 向光忠 (Сян Гуанчжун), 1982 и др.] пониманию фразеологии. Основные критерии узкого и широкого понимания фразеологии: 1) структурно-семантический (характеристика по степени семантической слитности); 2) структурно-грамматический (грамматическая форма); 3) функциональный [Глотова, Бекоева, Цакалиди, 2019, с. 19].

При широком понимании главными признаками фразеологических единиц считаются не целостность значения, а воспроизводимость и устойчивость значения, состава и структуры (причём устойчивость трактуется как мера ограничения сочетаемости). При широком подходе «единицы предикативного характера включаются во фразеологическую систему, так как подобные единицы, как правило, имеют целостное образно-экспрессивное значение, которое может быть мотивированным (единства) или немотивированным (сращения)» [Глотова, Бекоева, Цакалиди, 2019, с. 20]. Китайский учёный 史式 (Ши Ши) отмечает, что чэнъюй – это фразеологическое выражение или короткое предложение, которое длительное время используется в языке, имеет установленную форму и устойчивую структуру, смысл которого нельзя понять, исходя только из буквального значения [Ши Ши, 1979, с. 3–4]. Он подчёркивает, что будь то сехоуюй (пословицы или лозунги с политическим оттенком), если они используются как чэнъюй в письменной речи, их можно называть фразеологизмами. Однако такая точка зрения слишком расширяет границы чэнъюев и не соответствует современному пониманию китайских чэнъюев в их традиционном значении.

При узком подходе за пределы фразеологии выводятся устойчивые обороты предикативного характера (пословицы, поговорки, крылатые выражения и т. д.), но учитываются паремии, имеющие целостное обобщенно-переносное значение. Как можно заметить, при таком подходе «фразеологическая единица отождествляется со словосочетанием или с сочетанием служебного слова со знаменательным»

[Глотова, Бекоева, Цакалиди, 2019, с. 20]. Китайские учёные 黄伯荣 (Хуан Божун) и 廖序东 (Ляо Сюйдун) считают, что чэнъюй – это устойчивые выражения, характеризующиеся целостностью, устойчивостью и изысканностью стиля, обладающие богатым значением и письменным колоритом [Хуан Божун, Ляо Сюйдун, 2017, с. 249]. Схожую точку зрения ранее высказывал также 向光忠 (Сян Гуанчжун). В своей работе он определяет чэнъюй как особое устойчивое словосочетание, которое отличается как от свободных словосочетаний, так и от специализированных терминов [Сян Гуанчжун, 1982, с. 8]. В качестве итога можно заключить, что теория узкого понимания китайских чэнъюй склоняется к тому, что их определение основывается на наличии преемственности, устойчивости в употреблении и фиксированной структуре. Также учитывается, обладают ли они книжным стилем и демонстрируют ли в своей стилистике изящество. При этом к чэнъюям не относят устойчивые и широко употребительные выражения, поговорки, пословицы, однако признаётся, что часть чэнъюй имеет связь с этими выражениями, а некоторые из них были преобразованы и сформированы на их основе, что делает границы определения чэнъюй достаточно четкими.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под ред. В.Н. Ярцевой В.Н. Телия указывает на важное свойство фразеологизма – устойчивость. Предлагается следующее определение: «Фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [Ярцева, 1990, с. 559].

Типологией фразеологизмов занимались как российские, так и зарубежные лингвисты, но до сих пор среди учёных по классификации фразеологических единиц (далее – ФЕ) нет единого мнения. В нашей работе мы будем подробно рассматривать классификацию ФЕ В.В. Виноградова. Переработав теорию Ш. Балли, основанную на степени внутренней неразложимости и ослабления

самостоятельных значений компонентов фразеологизмов, В.В. Виноградов выделяет три группы ФЕ [Виноградов, 1977, с. 140–161]: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Классификация В.В. Виноградова дополняется четвёртым видом фразеологических сочетаний, называемым Н.М. Шанским фразеологическими выражениями. Речь идёт о словосочетаниях, все компоненты которых не только семантически членимы, но и обладают свободным значением. Основной характеристикой фразеологических выражений является их воспроизводимость, они используются как готовые речевые единицы, имеют постоянный лексический состав и определённую семантику, например: *счастливые часов не наблюдают; быть или не быть; свежо предание, а верится с трудом.* Пословицы, поговорки, афоризмы и крылатые выражения относятся к таким фразеологическим единицам. Их отличительной чертой является оформленность в качестве законченного предложения [Шанский, 1996, с. 69].

В настоящем исследовании предлагается провести анализ понятия «фразеология» в его узком понимании, согласно классификации, предложенной В.В. Виноградовым. Этот подход включает в себя тщательное изучение трёх ключевых категорий: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Кроме того, нами будут рассмотрены пословицы, поговорки и другие фразеологические конструкции, являющиеся паремиями и прецедентными феноменами.

1.5.3 Паремиология

Паремиология как наука считается более старой наукой, чем фразеология. В XII–XIV веках паремиология была развита во Франции, где разграничение пословицы и поговорки производилось на семантическом уровне [Леднева, 2015, с. 33]. Паремиология – учение о паремиях, отличающихся от других средств выразительности метафоричностью, образностью и эмоциональной насыщенностью. Паремиология стала объектом обширных исследований,

включающих рассмотрение данных единиц с точки зрения структурных, семантических, прагматических аспектов.

Термин «паремия», его классификация и функциональные аспекты активно изучались многими исследователями [Аникин, 1957; Даль, 1957; Пермяков, 1988 и др.]. Отдельно отметим исследования, посвящённые процессам интеграции и ассимиляции паремиологических единиц в иноязычных пространствах [Колошиц, 2015; Мокиенко, 1980 и др.]. Кросс-культурное изучение иноязычных пословиц в функциональной парадигме выполнено О.В. Николаевой [Николаева, Чэнь Шумей, Панина, 2017]. Несмотря на обширные исследования, остаются нерешёнными вопросы, связанные как с точным определением паремии, так и с установлением границ паремиологического фонда конкретного языка. В этой связи в ряде исследований были сделаны попытки разграничения терминов.

Под термином «паремия» большинство современных исследователей понимает афоризмы народного происхождения, прежде всего пословицы и поговорки [Алефиренко, 2009, с. 240]. При узком понимании паремиями считаются только пословицы и поговорки, поскольку именно они выполняют функцию «нравоучения» и могут претендовать на статус выразителей «народной мудрости» [Там же, с. 243]. В этом процессе пословицы и поговорки существуют не только как устойчивые языковые конструкции, но и несут в себе богатую образность, то есть с помощью краткого выражения создают яркие зрительные или психологические образы, которые помогают слушателям или читателям более живо понять их глубокий смысл.

В последние годы лингвистические исследования акцентировали внимание на анализе паремий в различных дискурсах. Современные лингвистические исследования активно изучают использование паремий в различных типах дискурса, от научно-популярного и делового до публицистического и художественного. Это позволяет не только глубже понять специфику каждого дискурса, но и выявить общие закономерности использования устойчивых выражений в коммуникации. Например, исследования показывают, что в деловом дискурсе паремии часто используются для создания позитивного имиджа

компании и установления доверительных отношений с клиентами, в то время как в публицистике они служат средством манипуляции общественным мнением и выражения авторской позиции. Диссертации «Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе» [Натхо, 2017], «Функциональные свойства паремий-трансформов в англоязычном публицистическом дискурсе» [Антонова, 2012], «Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса» [Сидорков, 2003] и «Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке» [Константинова, 2012] вносят существенный вклад в понимание использования и роли паремий в различных коммуникативных контекстах.

В существующей литературе по вопросу о разграничения пословиц и поговорок не сложилось единого взгляда на критерии разграничения этих единиц. Пословицы и поговорки имеют ряд существенных различий в содержании, структуре и семантике.

Лингвистический энциклопедический словарь даёт следующее определение пословицы: «Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного). Пословица выражает суждение (исключение составляют пословицы, имеющие побудительный смысл – «Готовь сани летом, а телегу зимой»), который, строго говоря, суждением не является» [ЛЭС, 1990, с. 389]. Поговорка – краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее в отличие от пословицы только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение: «*Насильно мил не будешь*», «*В тесноте, да не в обиде*», «*Коса – девичья краса*» и т. п. [ЛЭС, 1990, с. 379].

Пословицы и поговорки выражают глубокую жизненную философию или наставление с помощью лаконичного языка, их содержание часто передаётся через яркие образы. В.И. Даль также разграничивал пословицы и поговорки в смысловом плане и давал им следующие определения, ставшие классическими: «Пословица – коротенькая притча… Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и

пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми…, как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки» [Даль, 1984, с. 13]. По мнению В.И. Даля: «Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без осуждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка только заменяет прямую речь окольную, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает» [Даль, 1984, с. 14].

Пословицы и поговорки схожи по форме, однако образность поговорок больше проявляется в живом описании повседневных явлений. В.П. Аникин вслед за В.И. Далем определил поговорку как «широко распространённое образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, к которым они близки по форме своей, поговорки лишены прямого обобщённого поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления» [Аникин, 1957, с. 14].

В.П. Жуков за основу разграничения пословиц и поговорок берёт наличие или отсутствие переносного смысла. Исследователь отмечает: «Под пословицами в широком смысле мы понимаем краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченные предложения. Под вторыми понимаются краткие народные изречения, имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченные предложения» [Жуков, 2000, с. 11]. Это различие подчёркивает двойственность пословиц: они не только передают информацию на буквальном уровне, но и через образ выражают глубокие культурные и моральные содержания.

Н.М. Снегирев считал, что пословица отличается от поговорки, во-первых, законченностью формы и мысли; во-вторых, тем, что отличается по содержанию. Учёный писал: «Пословица содержит в себе важную для жизни истину, поговорка

же создаёт намёк, уподобление, сравнение, общеупотребительный оборот языка» [Снегирев, 2014, с. 28]. Эта точка зрения показывает важность паремий в национальной культуре: они не только являются носителями языка, но и символом мудрости.

Н.Ф. Алефиренко указывает: «Пословицы – это устойчиво воспроизводимые в речи афоризмы фольклорного происхождения, имеющие как образную, так и “безобразную” структуру значения, характеризующиеся эквивалентностью суждению, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста» [Алефиренко, 2009, с. 248]. Учёный отмечает: «Поговорками считаются устойчивые выражения, не эквивалентные суждению. Поговорки не обладают семантической независимостью от внешнего контекста, и их функционирование во многом обусловлено способностью украшать и разнообразить речь» [Алефиренко, 2009, с. 249].

Китайские учёные 武占坤 (У Чжанькунь) и 马国凡 (Ма Гофань) считают: «Пословицы – это простые и лаконичные, живые и выразительные рифмованные фразы или короткие предложения. Они часто употребляются в устной речи, широко используются и передаются среди народа, являясь своего рода “готовыми выражениями”, которые отражают жизненный опыт или чувства людей» [武占坤 (У Чжанькунь), 马国凡 (Ма Гофань), 1980, с. 3]. 王德春 (Ван Дэчунь) отмечает: «Поговорка – это один из видов фразеологизмов, наряду с чэнъюями (устойчивыми выражениями), пословицами, идиомами, иносказаниями и афоризмами. Поговорки – это распространённые, устоявшиеся выражения, которые используются в основном в разговорной речи. Они легко понимаются и часто включают в себя образные метафоры [Ван Дэчунь, 1997, с. 146].

Г.Л. Пермяков выделил семь основных прагматических функций паремий, или семь основных практических целей, ради которых употребляются пословицы: «Первая – моделирующая функция. Суть её заключается в том, что обладающая ею пословица даёт словесную (или мыслительную) модель (схему) той или иной жизненной (или логической) ситуации. Вторая – поучительная функция. Все пословицы обладают одним общим свойством – служить средством обучения

каким-то нужным вещам. Третья – прогностическая функция. Её основная суть – в предсказании будущего. Четвёртая – магическая функция. Основная суть магической функции состоит в том, чтобы словами вызвать нужные действия, навязать другим людям свою волю. Пятая – негативно-коммуникативная функция. Смысл изречений, обладающих этой функцией, заключается в том, чтобы, сказав что-либо, ничего при этом не сообщить, или же уйти от (нежелательного) ответа, или отвести довод собеседника. Шестая – развлекательная функция. Из самого названия функции следует, что пословица используется для развлечения слушателей. Седьмая – орнаментальная функция. По мнению многих учёных, это одна из основных функций всех типов народных изречений. Её суть заключается в украшении речи» [Пермяков, 1988, с. 88–89].

Работы вышеупомянутых авторов вносят значительный вклад в развитие паремиологии и открывают новые перспективы для дальнейших исследований. С учётом вышесказанного мы определяем паремиологические единицы следующим образом: пословица (кеп-сöс) – это изречение назидательного характера, имеющее буквальное или переносное значение, двухчастную или более сложную синтаксическую структуру. Это распространённые, устоявшиеся выражения, которые используются в основном в разговорной речи. Они легко понимаются и часто включают в себя образные сравнения. Поговорка (укаа-сöс) – это изречение оценочного характера, имеющее буквальное или переносное значение и одночастную синтаксическую структуру.

Важным в рамках целей исследования представляется определение сходства и различий в понимании пословиц и поговорок в русском и китайском языках. Результаты нашего анализа приведены в таблице 2.

Из таблицы видно, что паремии характеризуются устойчивостью структуры и семантики. Они обладают законченной формой, часто ритмизированы и метафоричны. Пословицы, в отличие от поговорок, имеют назидательный характер и выражают обобщённые истины или советы, например, *тише едешь – дальше будешь*. Поговорки же описывают конкретные явления или действия, но также

могут нести в себе глубокий смысл, например, *лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*.

Таблица 2 – Сходства и различия между пословицами и поговорками

Критерий сравнения	Пословицы		Поговорки	
	в Китае	в России	в Китае	в России
Происхождение	Происходят из народной устной традиции, отражают накопленные народом знания.		Стереотипные фразы, создаются народом на базе жизненного опыта.	
Структурные особенности	Законченные предложения (простые или сложные), имеющие вывод в конце.		Фразы, которые могут представлять собой как законченные предложения, так и словосочетания.	Представляют собой законченные предложения.
Функции и характеристики	Имеют поучительный и назидательный характер.		Не выполняют дидактическую функцию, представляют собой лишь эмоциональное образное выражение, живо передают смысл.	
Выражение суждений	Выражают целое суждение (за исключением пословиц побудительного характера, которые суждениями не являются).			Выражают часть суждения.
Формальные особенности	Обладают ритмической формой, имеют рифму.			Не имеют ритмических особенностей.
Жизненный опыт и обобщение	Отражают ситуации из реальной жизни через их обобщение.		Точно описывают конкретные явления жизни, но не обладают обобщающим значением, буквальны.	

Синтаксическая структура паремий разнообразна: они могут быть построены как простые предложения (*тише едешь – дальше будешь*), так и представлять собой сложные предложения (*что посеешь, то и пожнёшь*). Характерной особенностью многих паремий является параллелизм – повторение одинаковой или сходной синтаксической структуры в разных частях изречения (*делу время, потехе час*).

Ритмическая организация также играет важную роль в структуре паремий. Многие из них обладают рифмой (*любишь кататься – люби и саночки возить*) или созвучиями (*век живи – век учись*), что делает их запоминающимися и легко воспроизводимыми.

В данной работе рассматриваются пословицы и поговорки в качестве паремий, обладающих целостным обобщенно-переносным значением, что позволяет выделять их как особую разновидность фразеологизмов. В целом отметим, что паремии характеризуются стандартностью, клишированностью,

устойчивостью, воспроизводимостью, лаконичностью и образностью. Общей для паремий является кумулятивная функция: отражение многовекового опыта, быта, обычаев и уклада жизни, а также накопленной веками мудрость народа.

1.5.4 Прецедентные феномены

Прецедентные феномены представляют собой события, явления или символы, которые благодаря своей значимости и выдающемуся характеру становятся ключевыми точками в общественном сознании. Эти феномены, будучи погружёнными в культурную, историческую и социальную среду, приобретают дополнительный смысл и становятся образными единицами, способными воплощать в себе важные для нации значения и будить ассоциации. Прецедентные феномены привлекают внимание исследователей таких ведущих отраслей языкознания, как лингвистика текста [Радбиль, 1999; 王臻 (Ван Чжэнь), 2011; 杨岚 (Ян Лань), 2018 и др.], лингвокультурология [Костомаров, Бурвикова, 1994; Слышкин, 1999; 彭文钊 (Пэн Вэньчжао), 2006; 赵爱国 (Чжао Айго), 2006 и др.), когнитивная лингвистика [Багаева, 1997; Гудков, 2003; Захаренко, 1997; Красных, 2002 и др.], прецедентный феномен в преподавании иностранных языков [Смыкунова, 2003; 刘宏 (Лю Хун), 2003 и др.] Несводимость прецедентных феноменов к традиционным единицам языка и их популярность в различных типах дискурса обуславливают сложность и востребованность исследований, посвящённых данной тематике [см. работы Голубевой, 2010; Ивановой, Чанышевой, 2014; Немировой, 2011 и др.].

В современных исследованиях прецедентных феноменов в различных дискурсах выделяются несколько областей исследований. Так, прецедентные феномены в качестве средства выразительности в речи политиков занимают особое место в политическом дискурсе. Внимание лингвистов сосредоточено на бытовании прецедентных феноменов в президентском дискурсе [Ворожцова, 2007; Нахимова, 2007 и др.], использовании прецедентности в блогах политиков [Фокина, 2016], критическом дискурсивном исследовании прецедентности

[Катышев, 2019], а также на отдельных функциях прецедентных феноменов в политическом тексте [Полякова, 2011]. В то же время прецедентные феномены активно используются в медиадискурсах. Эта область их использования также изучается многими лингвистами. Внимание учёных привлекает функционирование прецедентных феноменов в газетном дискурсе [Блинова, 2006], в рекламном дискурсе [Кушнерук, 2006], в СМИ [Былевский, 2016; 苏娅 (Су Я), 2005]. Кроме того, Е.Ю. Попова и Е.В. Поветьева исследуют прецедентные феномены в современном художественном дискурсе [Попова, 2012; Поветьева, 2014], А.А. Габец определяет функции прецедентных феноменов в деловом дискурсе [Габец, 2016] и т. д. Эти исследования важны для понимания и анализа прецедентных феноменов в современных дискурсах в целом и их роли в формировании коммуникативной практики.

В России исследование теории прецедентных феноменов в лингвистике берёт свое начало от изучения прецедентного текста. Термин «прецедентный текст» впервые был введён Ю.Н. Карауловым в рамках доклада «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности», который он представил на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году.

Ю.Н. Караулов определяет «прецедентные тексты, как 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 216]. По мнению Ю.Н. Караулова, «прецедентные тексты не только включают художественную литературу в виде мифов, преданий, устно-поэтических произведений, библейских текстов, устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т. п.), но и публицистические произведения историко-философского и политического звучания, имеют хрестоматийность (общеизвестность) и реинтерпретируемость» [Караулов, 1987, с. 216–217]. В то же время он выделяет три способа существования и обращения прецедентных текстов:

1) натуральный способ, при котором текст в первозданном виде доходит до читателя или слушателя как прямой объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии; 2) вторичный способ, предполагающий трансформацию исходного текста в иной вид искусства или его цитирование в статьях, рецензиях, исследованиях; 3) семиотический способ, когда обращение к оригинальному тексту даётся намёком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты. В этом случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения» [Караулов, 1987, с. 217].

Концепция прецедентного текста Ю.Н. Караулова вызвала большой интерес в российских научных кругах. Учёные дополнили и разъяснили понятие прецедентных текстов с разных позиций, выдвинули «текстовые реминисценции» [Супрун, 1994], «прецедентное высказывание» [Костомаров, Бурвикова, 1994], «прецедентное имя» [Гудков, 2003; Захаренко,1997; Красных, 2002], «прецедентную ситуацию» [Красных, 2002] и ряд новых терминов.

Столкнувшись с проблемами сложной терминологии и слишком широкой концепции прецедентного текста, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко и другие учёные объединили теории этнопсихолингвистики и лингвокультуры, обозначив, что такие термины, как «прецедентное имя» (ПИ), «прецедентное высказывание» (ПВ), «прецедентный текст» (ПТ) и «прецедентные ситуация» (ПС) в совокупности можно именовать «прецедентным феноменом» (ПФ). В.В. Красных детализирует «это определение и относит к числу прецедентных феноменов следующие единицы: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных, 2002, с. 44–45].

В данной работе мы придерживаемся классификаций Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, И.В. Захаренко, которые делят прецедентные феномены на четыре структурные единицы: прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентную ситуацию (ПС). Эти единицы взаимосвязаны, поскольку при актуализации одной из них в сознании носителей одной ментальной базы могут активизироваться и другие.

Прецедентная ситуация (ПС) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, *Ходынка, Смутное время*) или непрецедентный феномен (например, яблоко, соблазнение, познание, изгнание – как атрибуты одной ситуации) [Красных, 2002, с. 47]. Перцепция прецедентных ситуаций обычно включает в себя конкретные знания ситуаций и общий опыт национальной культуры, который существует в форме знаний, символов и определённой системы оценки.

Прецедентный текст (ПТ) – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества; обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания и прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (*«Евгений Онегин», «Война и мир»*), тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т. д. [Красных, 2002, с. 48]. Прецедентный текст представляет собой непрерывное целостное и последовательное символьное образование, имеющее ценностное значение для определённой культурной группы.

Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (например, *«Обломов», «Тарас Бульба»*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям

языка и выступающей как прецедентная (например, *Иван Сусанин, Колумб*), как имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определённых качеств (*Моцарт, Ломоносов*) [Гудков, 2003, с. 149]. Прецедентное имя обладает особенным статусом, поскольку его роль в отражении ценностей и социальных норм поведения конкретной языково-культурной общности выделяется по сравнению с другими видами прецедентных феноменов.

Прецедентное высказывание (ПВ) – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само ПВ как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка. К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, *Не спится, няня!, Кто виноват? и Что делать?, Ждём-с!*), а также пословицы (например, *Тише едешь – дальше будешь*) [Красных, 2002, с. 48–49]. Из этого следует, что структура и содержание репродуцируемых прецедентных высказываний связаны с прецедентным текстом или с прецедентной ситуацией; значение прецедентного высказывания не ограничивается простым накоплением смысла; оно является копированием и применением уже существующих в народной культуре высказываний, и его когнитивная область намного шире, чем просто информация о себе, что позволяет ему многократно воспроизводиться в речи членов языково-культурного сообщества.

Использование прецедентных феноменов основывается на культурном наследии, общекультурных знаниях, которые имеет каждый из собеседников, то есть на сходстве в когнитивном диапазоне, который присущ членам определённого этноса, языка и культуры. И говорящему, и слушателю без дополнительных пояснений и разъяснений понятно, что имеется в виду при использовании прецедентного феномена в любом контексте.

1.5.5 Просторечия и бранные выражения

Изучение просторечий и бранных выражений в контексте современной политической медиакоммуникации особенно актуально. Образные единицы, как правило, обладают двуплановой семантикой: их переносное значение актуализируется в зависимости от контекста и основывается на образной мотивации. При рассмотрении бранной и просторечной лексики внимание сосредотачивается исключительно на тех единицах, которые демонстрируют метафорическую или метонимическую природу. Так, например, лексема *идиот* в своей первоначальной семантике обозначает клиническое психическое расстройство, однако в обыденной коммуникации функционирует как экспрессивное определение девиантного или нерационального поведения. Аналогичный механизм реализуется в употреблении таких слов, как *харя, трепаться, балда, жрать, околеть, загибать (в значении «лгать»)*, где сниженная лексика приобретает вторичный образный смысл и выполняет оценочную функцию. Эти образные единицы, часто используемые в современных дискурсах, представляют собой уникальные средства выражения речевой агрессии, эмоций, акцентирования внимания на определённых аспектах содержания сообщения. Просторечные и бранные выражения часто применяются для передачи интенсивных эмоций, таких как гнев, возмущение или восторг. Это обусловлено тем, что такие выражения обладают более мощной эмоциональной нагрузкой по сравнению с литературными словами и фразами.

В современной лингвистике проблема просторечия хорошо изучена. Учёные уделяют особое внимание различным аспектам, таким как определение социально-речевого статуса просторечных форм [Миронов, 1981; Сорокин, 1949 и др.]. Просторечие часто трактуется как один из вариантов общенационального языка [Блинова, 1974; Скворцов, 1996 и др.]. Взаимодействие просторечных форм с другими разновидностями языка также исследуется [Бельчиков, 1980; Ходакова, 1978 и др.] наряду с рассмотрением просторечия как исторического явления в

развитии русского языка [Виноградов, 1977; Левин, 1958 и др.]. Исследования китайских учёных о просторечии в основном сосредоточены на его определении, классификации, прагматике и сложностях перевода и восприятия просторечия при изучении китайского языка как иностранного. Это исследования просторечия [陈原 (Чэнь Юань), 2000; 范晋豪 (Фань Цзиньхао), 2016; 方梦之 (Фан Мэнчжи), 2004; 高俊杰 (Гао Цзюньцзе), 2014 и др.]; исследования классификации просторечия [李文中 (Ли Вэньчжун), 1993; 王伯浩 (Ван Бо Хао), 2000]; исследования прагматики просторечия [李文中 (Ли Вэньчжун), 1993 и др.]; исследования сложностей перевода и восприятия просторечия при обучении китайскому языку как иностранному [高俊杰 (Гао Цзюньцзе), 2014; 高艳 (Гао Янь), 2018 и др.]. В целом, исследования китайских учёных также находятся на стадии изучения эволюции просторечия, межкультурных аспектов и его преподавания. Однако, несмотря на обширные исследования, просторечие как средство выразительности в контексте современной политической медиакоммуникации остается недостаточно освещённым. Необходимо более глубоко изучить влияние используемых просторечных форм на восприятие адресатом политической информации и роль просторечия в трансляции политической информации в целом.

Во «Французско-русском словаре» В.Г. Гака и К.А. Ганшиной слова, выражения и обороты, относящиеся к просторечным, могут иметь пометы арго, бран. (бранное слово), груб. (грубое слово), перен. (в переносном значении), презр. (презрительно), прост. (просторечие), разг. (разговорное слово) [Гнусина, 2006, с. 18]. «Просторечие – одна из форм национального языка, наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком; вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык; имеет наддиалектный характер. Просторечие, в отличие от говоров и жаргонов, – общепонятная для носителей национального языка речь» [ЛЭС, 1990, с. 402].

В конце XVIII – начале XIX веков происходит синтез книжных и просторечных элементов, что приводит к формированию разговорного или устного варианта русского литературного языка. Эти элементы начинают активно

проникать в письменную речь; это приводит к тому, что границы просторечия, которые всегда были размытыми и неопределёнными, начинают постепенно сужаться. Таким образом, «под просторечием понимается: а) разновидность общенационального языка, единицы которого являются диалектными по происхождению, утратившие связь с территориальными говорами, в рамках литературного языка сниженные в стилистическом отношении, грубоватые, грубо-фамильярные, получившие название простонародные языковые единицы; б) разговорная речь (простая речь), занимающая промежуточное положение между простонародными языковыми единицами и литературной речью, использующаяся в литературном языке с целью сообщить ему разговорный характер» [Войлова, 2000, с. 18–19]. Просторечия могут смешиваться, так как они являются частью разговорной речи, которая не подвергается строгой стандартизации или нормированию.

В лингвистике просторечие представляет собой важное поле для изучения языковых особенностей и их изменений. Оно включает элементы всех языковых уровней и служит интересным примером того, как язык эволюционирует и адаптируется в разных сферах общения. «В просторечии представлены единицы всех языковых уровней; на фоне литературного языка просторечие выявляется в области ударения (ср. «про́цент» – лит. «проце́нт»), произношения (ср. [мʌγа́з’ьн] – лит. [мъгʌз’и́н] (магази́), морфологии (ср. «выбора́» вместо лит. «вы́боры», «хо́чут» вместо лит. «хотя́т»), лексики, фразеологии, словоупотребления («ложить» вместо «класть», «обратно» в значении «опять»). Особенно отчётливо своеобразие просторечия проявляется в употреблении элементов литературного языка (ср. «по телевизеру показывают»), в грамматическом и фонетическом оформлении слов общего словарного фонда («тапочек», «опосля», «здеся» вместо «тапочка», «после», «здесь»). Для просторечия характерны экспрессивно «сниженные» оценочные слова с гаммой оттенков от фамильярности до грубости, которым в литературном языке есть нейтральные синонимы (ср. пары «шарахнуть» – «ударить», «дрыхнуть» – «спать», «драпануть» – «убежать»)» [ЛЭС, 1990, с. 402]. Таким образом, изучение просторечия предоставляет ценную информацию о том,

как в языке переплетаются различные стилистические и функциональные элементы, что в свою очередь помогает глубже понять динамику языковых изменений и их влияние на общественную коммуникацию.

В современной лингвистической литературе нередко используется термин «просторечная лексика», при этом его использование сопровождается определённой неоднозначностью. В кратком справочнике по современному русскому языку под редакцией П.А. Леканта просторечная лексика рассматривается как «область неграмотной речи, целиком находящаяся за пределами литературного языка и не представляющая собой единой системы: *мамаша, одежа, хворый*… Также просторечная лексика – это слова, имеющие яркую сниженную стилистическую окраску. Эти слова составляют две группы: 1) обиходно-бытовое просторечие, слова, входящие в литературный язык и имеющие сниженную (по сравнению с разговорными словами) экспрессивно-стилистическую окраску: *балбес, дохлятина, толстопузый* и др.; 2) грубая, вульгарная лексика, находящаяся за пределами литературного языка: *сволочь, стерва, харя* и др.» [Касаткин, Клобуков, Лекант, 1995, с. 37]. Таким образом, просторечная лексика играет значительную роль в социолингвистическом контексте, предоставляя ключевые элементы для изучения различий между литературным и разговорным языками, а также их взаимодействием.

Гао Цзюньцзе отмечает, что просторечие – это непристойный, оскорбительный и уничижительный язык, используемый говорящим для выражения сильных негативных эмоций [高俊杰 (Гао Цзюньцзе), 2014, с. 5]. Учёный классифицирует просторечие с прагматической точки зрения следующим образом:

- просторечие уничижительного типа: при использовании этой лексики, сравнивая человека с животными или призраками или называя его предметами, подчёркивается унижение и подавление оппонента. Примеры: «*хуже собаки и свиньи*» (猪狗不如 / Чжу гоу бу жу), «*черепаха, которая спрятала голову в панцирь*» (缩头乌龟 / Со тоу у гуй), «*человек, а ведёт себя, как собака*» (人模狗样/ Жэнь мо гоу ян) и т. д.

- просторечие проклинательного типа: она происходит от традиционного языкового культа, когда люди придавали словам магическое значение, надеясь через язык получить защиту от богов. Со временем такой язык превратился в средство проклятий и присяг, способное навлечь беду. Примеры: «*кара небесная, воздаяние за грехи*» (天打雷劈 / Тянь да лэй пи), «*умереть мучительной смертью, сдохнуть*» (不得好死 / Бу дэ хао сы) и т. д.

- просторечие табуированного типа: это слова, которые люди не могут, не осмеливаются или не хотят произносить по каким-либо причинам. Хотя табуированная лексика и грубая лексика отличаются, при использовании табуированной лексики для нападения на других она превращается в грубую. Примеры: «*твою мать*» (他妈的 / Та ма дэ), «*тунеядец*» (饭桶/ Фань тун), «*слепец*» (瞎子 / Ся цзы) и т. д.

- просторечие дискриминационного типа: в языке проявляются различные формы дискриминации – по полу, социальному статусу, внешности, профессии, возрасту, расе и т. д. Примеры: «*тигрица* (также обр. о злой, рассвирепевшей женщине)» (母老虎 / Му лао ху), «*японские черти*» (日本鬼子 / Жи бэнь гуй цзы), «*сопливая девчонка, соплячка*» (黄毛丫头 / Хуан мао я тоу) и т. д. [高俊杰 (Гао Цзюньцзе), 2014, с. 5–7].

Таким образом, просторечие можно рассматривать как народно-разговорный язык, который является важным вариантом общенационального языка. В качестве устного выражения просторечие представляет собой некодифицированную сферу языка, то есть область языка, не подчиняющуюся официальным языковым нормам. Просторечие обладает наддиалектным характером, что означает его выход за пределы определённых говоров и жаргонов. Оно существует в каждом языке и является коммуникативно значимым для всех его носителей.

Некоторые просторечные слова имеют помету «*бранное*». Бранные слова – это часть просторечия, связанное с непристойностью. Их взаимосвязь можно отобразить на следующей схеме (рисунок 4).

Бранные слова можно классифицировать по нескольким основным критериям.

По степени экспрессивности:

– мягкие бранные слова. Эти выражения обладают относительно низким уровнем экспрессивности и могут использоваться в повседневной речи без риска вызвать серьёзное осуждение. Такие слова не вызывают серьёзного осуждения со стороны окружающих и могут восприниматься как часть разговорной нормы. В некоторых случаях они могут служить своеобразными заменителями более грубых слов, позволяя говорящему выразить свое недовольство или разочарование, не прибегая к чрезмерной агрессии. Примеры таких слов включают «*чёрт*», «*блин*», «*чёрт возьми*».

Рисунок 4 – Соотношение просторечия и бранных слов

– сильные бранные слова. Обладают высокой степенью экспрессивности и агрессивной коннотацией. Их использование обычно ограничено неформальными ситуациями и часто вызывает негативные реакции. Такие слова могут служить инструментом для выражения крайнего раздражения, гнева или презрения. В неформальной обстановке они могут восприниматься как средство усиления эмоционального воздействия на собеседника, но при этом они нередко провоцируют негативные реакции, такие как осуждение или ответная агрессия. Примеры таких слов включают «*сука*», «*тварь*», «*гад*».

По функции в речи:

– эмотивные. Эти слова используются для выражения сильных эмоций, таких как гнев, разочарование или удивление. Они часто выступают в качестве междометий или эмоциональных вставок. Эмотивные бранные слова могут использоваться в момент внезапного эмоционального всплеска, когда говорящему

необходимо быстро и ярко выразить свои чувства. Примеры таких слов включают «*ёлки-палки*», «*ё-моё*».

– оскорбительные. Основная функция этих слов – унизить, оскорбить или выразить презрение к собеседнику. Оскорбительные слова часто используются в качестве вербального оружия в спорах или конфликтах, где эмоциональная напряжённость достигает своего пика. Примеры таких слов включают «*дурак*», «*идиот*», «*скотина*».

По происхождению:

– исконно русские. Эти слова имеют древние корни, восходящие к праславянскому языку, и сохраняют свою актуальность в современном русском языке. Исконно русские бранные слова часто несут в себе историческую или мифологическую составляющую, что придаёт им особую значимость и эмоциональную насыщенность. Примеры включают «*чёрт*», «*бес*».

– заимствованные. Ряд бранных слов был заимствован из других языков и адаптирован к русской фонетике и морфологии. Заимствованные бранные слова часто несут в себе элементы чуждой культуры, что делает их использование особенно выразительным и иногда даже экзотичным. Примеры включают «*бастард*» (от англ. «bastard»), «барахло» (от тюрк. «barak»).

Бранные выражения занимают особое место в современной политической медиакоммуникации, где они могут использоваться в различных формах и контекстах, служа инструментом манипуляции общественным мнением или для выражения политических позиций.

Использование бранных слов различается по следующим критериям:

– прямое использование: политики, стремящиеся продемонстрировать свою искренность, близость к народу или эмоциональную вовлечённость, могут использовать бранные слова в своих выступлениях или в социальных сетях. Такие выражения помогают им выделиться, подчеркнуть свою позицию или вызвать у аудитории эмоциональный отклик;

– косвенное использование: в некоторых случаях политики могут использовать эвфемизмы или аллюзии, чтобы намекнуть на нецензурные

выражения. Это позволяет сохранить баланс между агрессивностью и приемлемостью, избегая прямого нарушения речевых норм. Косвенное использование бранных слов может создавать эффект скрытого послания, которое понимается только определённой частью аудитории, что усиливает его воздействие;

– цитирование и пересказ: политики и медиа часто прибегают к цитированию или пересказу бранных выражений, высказанных другими лицами, что позволяет им передать определённое послание без прямого нарушения собственных речевых норм. Этот метод позволяет дистанцироваться от агрессивной риторики, сохраняя при этом её эмоциональный заряд.

Просторечие и бранные выражения занимают важное место в медиатизированной политической коммуникации. Они помогают выражать эмоции, создавать образы или передавать отношение говорящего к обсуждаемому предмету. Просторечие часто связано с неформальной обстановкой, где строгие языковые нормы могут быть смягчены или полностью игнорированы. В результате просторечие играет значительную роль не только в общении, но и в создании определённой атмосферы, выражении социальной идентичности и демонстрации принадлежности к конкретной группе.

В медиатизированном политическом дискурсе, имеющем свойство публичности, не могут использоваться сильные бранные и оскорбительные слова, однако просторечные и разговорные формы, сниженные лексемы и устойчивые обороты, элементы жаргонов входят в устную речь участников ток-шоу, текстов социальных сетей и блогов, интерактивные беседы.

Образные метафоры в современных дискурсах функционируют как мощный инструмент переноса значений и создания образов. Они визуализируют абстрактные концепции и делают сообщения более запоминающимися. Свойственная метафорам универсальность и способность к адаптации позволяет говорить об этих образных единицах как о неотъемлемой части дискурсивной практики. Образные сравнения обогащают язык, придавая тексту эмоциональность и выразительность, уточняют смысл высказывания и улучшают его восприятие.

Фразеологизмы являются важным элементом культурного наследия, их употребление диверсифицирует политический дискурс. Использование фразеологизмов в политическим дискурсе с целью передачи сложных концепций в сжатой форме, а также для установления эмоциональной связи между говорящим и аудиторией является эффективным риторическим приёмом. Более того, использование фразеологизмов позволяет говорящему обращаться к общепринятым стереотипам и ожиданиям аудитории, усиливая воздействие высказывания.

Прецедентные феномены обладают особым статусом в сознании сообщества, так как представляют собой общепринятые образцы поведения, идеи или символы. Их использование в дискурсе позволяет говорящему обращаться к общепринятым стереотипам и ожиданиям аудитории, усиливая воздействие высказывания. Просторечие и бранные слова отражают аутентичность и разнообразие языковой практики. Они могут использоваться для подчёркивания эмоциональной окраски высказывания, для создания определённого стиля общения и формирования образа автора.

В целом разнообразие образных единиц и их использование в современных дискурсах свидетельствует о богатстве языкового наследия и его способности адаптироваться к изменяющимся условиям и потребностям общества.

Выводы по 1 главе

Современный политический дискурс тяготеет к расширению политических практик, приобретает всё более разнообразные формы. Медиатизация политики, её сращивание со средствами массовой информации приводит к возникновению медиатизированного политического дискурса.

Медиатизированный политический дискурс становится всё более гибридным, объединяя в себе элементы информации, развлечения и общественного воздействия, что затрудняет разграничение между политикой и развлекательным

контентом, границы между традиционным политическим дискурсом и медиадискурсом постепенно стираются.

Медиатизированный политический дискурс представляет собой гибридную форму коммуникации, возникающую на пересечении политического и медийного дискурсов, расширяющую возможности передачи и обсуждения политической информации. Большинство жанров современного политического дискурса уже не является принадлежностью собственно политического дискурса, одновременно они являются жанрами СМИ.

Специфика этого дискурса состоит: а) в сужении поля политической тематики (обсуждение только актуальных политических и общественных ситуаций); б) в расширении состава участников коммуникативных ситуаций (политики, учёные, эксперты, журналисты, представители общественных организаций) и состава целевой аудитории; в) в использовании интерактивных форм непосредственного или опосредованного взаимодействия между участниками; г) в расширении каналов передачи политической информации; д) в расширении дискурсивных и стилистических норм использования языка.

Медиатизированный дискурс политики основан на языке массовой культуры и отчасти на «языке быта» (по Р. Барту), по своим целям он должен воспринимается массовым созданием как естественный и привычный разговор. Данный вид дискурса обладает разнообразными формами проявления, объединяя в себе различные традиционные и современные коммуникативные стратегии, тактики, способы и средства передачи специальной информации в доступной форме.

Образность играет ключевую роль в медиатизированном политическом дискурсе, так как способствует повышению степени убедительности и значимости сообщения, выполняет воздействующую функцию, что важно в условиях конкуренция за внимание зрителей, слушателей и читателей. Хотя образные средства традиционно ассоциируются с воздействием на эмоционально-чувственную сферу, они также обладают когнитивным потенциалом. Образные единицы участвуют в структурировании и категоризации знаний, что позволяет воспринимать и оценивать информацию в доступной форме. Современные

лингвистические исследования образных средств языка и речи демонстрируют тенденцию к изучению этих единиц в наиболее актуальных социальных контекстах – в СМИ и политическом дискурсе.

Образность, как ассоциативный способ отражения действительности, реализуется через метафоры, образные сравнения, фразеологизмы, прецедентные феномены и другие средства, что позволяет политическому дискурсу адаптироваться к специфике медиасреды. Образная репрезентация понимается как использование одного из вербальных способов передачи сложных идей и оценок через образные единицы языка, речи, текста.

Образные репрезентации могут изучаться на основе системы образных единиц языка и речи, используемых в ходе дискурса. Инвентарь образных единиц, актуальных для текстов медиаполитического дискурса, включает образные сравнения, метафоры, фразеологизмы, паремии, прецедентные единицы, просторечия и бранные выражения образного происхождения.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗНЫХ ЕДИНИЦ В МЕДИАТИЗИРОВАННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В современном коммуникативном пространстве, где политическая информация передаётся через многочисленные каналы, образные единицы играют важную роль в формировании политических сообщений и воздействии на аудиторию. В данной главе рассматриваются особенности использования образных единиц (образных сравнений, метафор, фразеологизмов, паремиологических единиц, прецедентных единиц, просторечий и бранных выражений образного происхождения) в различных жанрах медиатизированного политического дискурса: в политических ток-шоу, в телевизионных интервью с политиками, в интернет-блогах политиков. Обосновывается аттрактивная сущность образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе, устанавливаются их функции и влияние на восприятие политической информации. Обосновывается способность образных единиц вызывать образование новых образов, формировать образные пространства, усиливать и трансформировать политическую информацию.

2.1 Процедура и методы исследования материала

В медиатизированном политическом дискурсе политики активно используют образные единицы для создания выразительных и эмоциональных эффектов. В данной главе применяется описательный метод, включающий наблюдение и систематизацию материалов, с целью выявления способов репрезентации пяти типов образных единиц в контексте медиатизированного политического дискурса.

Методом семантического и стилистического анализа в данной работе были установлены особенности образных единиц, извлечённые приёмом сплошной выборки из массива анализируемого материала – высказываний и текстов (525 единиц) различных жанров медиатизированного политического дискурса в России и Китае. Методом контекстуального, семантического и стилистического анализа

исследовались новостные сообщения, реакции на них и комментарии в форме текстов (334 единицы).

Для проверки гипотезы о способности образных единиц привлекать внимание при чтении политических текстов был проведён эксперимент с применением метода айтрекинга. Результаты эксперимента позволили оценить, в какой мере такие единицы способствуют эффективной передаче сложных специальных идей, активизируют восприятие информации, усиливают её информационную и аксиологическую значимость, а также влияют на особенности её восприятия аудиторией.

Айтрекинг позволяет изучать процессы восприятия, преобразования и использования зрительной информации посредством определения направленности взора, областей интереса, когнитивных стратегий изучения текста, изображений, оценки сложности объекта восприятия и др. [Барабанщиков, 2015]. Главным достоинством использования технологии айтрекинга является объективность результатов анализа, так как зрачок глаза совершает рефлекторные движения, которыми человек не может управлять, что исключает влияние испытуемого на итоги исследования. Наибольший эффект айтрекинг даёт в совокупности с традиционными методами исследования, включёнными опросами и интервью [Розова, Абабкова, 2023, с. 149].

Для исследования были отобраны тексты из современного политического дискурса: 14 текстов содержали образные единицы и были отнесены к «основному» блоку; 5 «контрольных» текстов не содержали средств выразительности и были включены для получения контрольных значений параметров движений глаз. Для каждого «основного» текста была создана модифицированная версия, где образные единицы заменяли на максимально близкий по длине, количеству слов и смысловому содержанию текст без образных средств выразительности (список текстов см. Приложение).

В исследовании приняли участие 37 человек (33 женщины, 4 мужчины, средний возраст 20,6±1,9 лет), студенты гуманитарных специальностей, носители русского языка. У каждого участника было нормальное или скорректированное до

нормального зрение. Им была дана инструкция полностью прочитать короткие новостные тексты, которые появятся на экране, и после прочтения всех текстов дать свою оценку этим текстам.

Эксперимент состоял из двух этапов: 1) чтение текстов с параллельной регистрацией движений глаз; 2) ответы на вопросы по запоминанию текстов в онлайн-опросе.

1. Этап чтения с регистрацией движений глаз.

Отобранные для эксперимента тексты демонстрировали на экране разрешением 1920x1080 точек диагональю 23 дюйма с расстояния 760 мм от экрана. Тексты располагались в центре экрана с выравниванием по левому краю и занимали от двух до четырёх строк. Участникам предлагалось прочитать тексты в обычном для себя темпе без ограничений по времени. Переключение на следующий текст осуществляли сами участники нажатием левой кнопки мыши. Участникам эксперимента в случайном порядке демонстрировали 5 контрольных текстов и 14 текстов из основного набора. Результаты прохождения испытания испытуемыми отражены в диаграммах, приводимых в разделах работы.

При анализе полученных экспериментально данных (аппаратная фиксация движений глаз) выделяли две области интереса: весь текст и «целевой фрагмент» – образную единицу и заменявший её отредактированный текст. Для анализа было взято время первого полного прочтения текста: от появления текста на экране до фиксации, завершавшей первое прочтение последнего слова в тексте.

2. Этап опроса на вопросы по запоминанию текстов

Сразу после чтения текстов с экрана участники исследования в другой комнате вносили ответы в онлайн-опрос, который содержал вопросы:

– Какие тексты или их фрагменты вам больше всего запомнились? Опишите темы своими словами или напишите запомнившиеся речевые обороты. Если ничего не помните, напишите «нет»;

– Встречались ли вам в эксперименте образные единицы?

Вопросы предполагали свободный ответ испытуемых. На каждый вопрос можно было ответить «Да», «Нет» или «Не уверен(а)». На следующем этапе

количество участников анкетирования было увеличено, что расширило объём эмпирических данных. Целью была проверка влияния факторов версии текста (контрольной, оригинальной, отредактированной) и расположения фиксаций на образных единицах или вне их.

Анализ результатов проведенного эксперимента будет приведён в соответствующих разделах Главы 2 данной работы.

2.2 Образные единицы как способ репрезентации информации в медиатизированном политическом дискурсе

При описании когнитивной природы образа в лингвистике принято рассматривать образные единицы как ментальные репрезентации, т. е. в виде способа, которым «воспринимающему сознанию представлен окружающий мир», «формат кодирования и переработки информации» [Ребеко, 1998, с. 48], это «вербализованный результат восприятия предметного мира» [Алефиренко, 2003, с. 47].

В лингвистике образ рассматривается в качестве части интерпретационного поля сознания, перерабатывающего информацию, содержащуюся в когнитивном чувственном ядре сознания и как часть концепта, где образно-перцептивный компонент является одной из форм репрезентации концептуального знания наряду с понятийным, ценностным, эмоциональным, национально-культурным или другими способами его вербализации [Карасик, Слышкин, Степанов, Стернин].

При обработке информации, которую человек получает через органы чувств, в его сознании формируются ментальные модели – репрезентации. Образные репрезентации обогащают рациональную картину мира иным видом обработки и представления информации, с помощью которого выражается не логика освоения мира, а ассоциации, оценки, эмоции автора высказывания.

Образное поле представляет собой совокупность образных средств, которые обозначают один и тот же денотат [Алефиренко, 2005, с. 112], его единицы связаны с оценочностью и эмоциональностью их семантики, которые закрепляются в

культуре и образуют общий фонд знания в форме образных репрезентаций. Каждая из отобранных лексем репрезентирует лишь фрагмент концепта, а не его целостность. В.П. Москвин также говорит об образе (в том числе художественном) как об образе словесном [Москвин, 2004].

В то же время лингвисты отмечают, что трактовать языковой образ исключительно как троп неправомерно, поскольку в этом случае из поля зрения исчезает большое число образных репрезентаций на основе творческой фантазии, созданные в ходе речевой или текстовой деятельности и формируемых средствами контекста. Автор словаря образных сравнений Н. В. Павлович в число поэтических образов включает фрагменты текста, в которых имеются признаки совмещения семантически несходных понятий [Павлович, 1991, с. 104]. В любом из рассмотренных подходов обсуждается процесс восприятия непосредственно наблюдаемой действительности или виртуальной и художественной реальности и его объективация в образных единицах. В качестве ресурсов создания образности учёные рассматривают любые единицы, обладающие смысловой двуплановостью и потенциальной образностью конкретно-изобразительной лексики [Алефиренко 2003; Москвин, 2004].

В теории образа, разработанной А.А. Потебнёй, образ подразумевает свойство человеческого мышления отражать явления в конкретно-чувственных формах и ассоциативных связях. Основным элементом при этом выступает внутренняя форма языковой единицы, связывающая внешнюю, языковую форму и идейное содержание, которая всегда репрезентирует актуальный для общества или культуры признак [Потебня, 1999, с. 26, 125]. По словам В.Н. Телия, система образов, закреплённых в словарном составе языка, фразеологических единицах «служит своего рода нишей для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её национально-культурном опыте и традициях [Телия, 1996, с. 215]. Образы, которые порождаются в тексте, а не хранятся в языке, также всегда рассчитаны на понимание, узнавание, а значит, они также всегда связаны с культурно закреплёнными смыслами.

Данное свойство образной информации и образных репрезентаций позволяет в качестве основы изучения языка современного медиатизированного политического дискурса, рассчитанного на «естественный разговор», рассматривать единицы, специально предназначенные для сохранения культурно значимых образов: фразеологизмов, паремий, просторечий и бранных слов образного происхождения, а также единиц речи, которые являются прецедентными и могут перейти в разряд культурно значимых единиц. Не менее значимой образной единицей выступают фрагменты текста, в которых заложена смысловая двусмысленность и развёрнутая (несловесная) репрезентация информации, выражаемых в конкретно-чувственных формах и ассоциативных связях (данный вид образности рассматривается в последнем параграфе данной работы).

2.2.1 Образные сравнения и метафоры

В работе П. Рикёра о семантических и психологических проблемах метафорического процесса автор подчёркивает: «Метафору можно считать моделью изменения нашего способа смотреть на вещи, способа восприятия мира» [Рикёр, 1990, с. 425]. Этот подход не только акцентирует внимание на структуре языка, но и затрагивает глубокое влияние метафор на мышление и поведение. Далее будут проанализированы три типа образных метафор, частотные для примеров медиатизированного политического дискурса в нашем фактическом материале: метафоры с наименованиями животных, метафоры с наименованиями еды и метафоры, связанные с дорожным движением.

1) Образные метафоры с наименованиями животных

Образные метафоры с наименованиями животных используются в медиатизированном политическом дискурсе для наглядного описания положения и поведения различных стран или лидеров в международных отношениях. Рассмотрим несколько распространённых примеров метафор с животными:

本轮巴以冲突已经成为美国总统选举的一个巨大的变数，是一个**黑天鹅** / Этот конфликт между Палестиной и Израилем уже стал огромной переменной в

президентских выборах в США, это **чёрный лебедь** (Су Сяохуэй, «China's Public Opinion Field», 11.08.2024). Здесь образная метафора «чёрный лебедь» символизирует неожиданное изменение, отражающее риски и вызовы, которые трудно предсказать в международной политике.

他说这个世界上是有**食草动物**，也有**食肉动物**，那如果我们一直做**食草动物**，也就是说欧洲一直是处于这种食物链的底端的话。那么就会被**掠食者**掠食，说至少欧洲要做这个**杂食动物**，这番比喻反映出的是马克龙再次强调的战略自主 / Он сказал, что в этом мире есть как **травоядные**, так и **плотоядные животные**, и если мы всегда будем оставаться **травоядными**, то есть, если Европа будет находиться на нижнем уровне пищевой цепи, то её будут съедать **хищники**. Он сказал, что хотя бы Европа должна стать **всеядным животным**. Эта метафора отражает стратегическую автономию, которую Макрон вновь подчеркнул (Су Сяохуэй, «China's Public Opinion Field», 10.11.2024). Дихотомия хищников и травоядных используется для описания сильных и слабых игроков в международной политике.

在美国看来，这个餐桌其实是一种弱肉强食、丛林法则的具体的体现，美国要做一个**捕食者**，而不是这个被捕猎的对象 / С точки зрения США, этот обеденный стол на самом деле является конкретным воплощением закона джунглей, где действует принцип «слабый становится добычей». США должны быть **хищником**, а не тем, кого ловят (Су Сяохуэй, «Цзиньжи Гуаньчжу», 07.03.2024). В данном контексте образная метафора «хищник» отражает гегемонистское мышление США.

Это и есть готовность и способность выполнять приказы «**слона**», который пока не пошёл, в Вашингтоне и Нью-Йорке ещё «**ослы**-демократы». Но скоро придут «**слоны**-республиканцы», и посмотрим, как «**моськи**» вокруг них будут себя позиционировать (Интервью С. Лаврова программе «60 минут», 25.12.2024). Метафоры и художественные образы в данном примере отсылают к басням И. Крылова, в частности к произведению «Слон и Моська», и подчёркивают антитезу между политическими силами Америки.

Великобритания предложила Дании помощь в расследовании диверсии на «Северных потоках», сообщили в канцелярии премьера. **Борьба лис за права кур** (Мария Захарова, Telegram, 01.10.2022). Здесь лиса представляет Великобританию,

а куры – Данию. Лиса является хищником, а куры – жертвами, и этот образ, основанный на обыденном восприятии отношений между лисой и курицей, ясно передаёт политический смысл.

Отметим когнитивную природу данных образных метафор. Они основаны на ассоциациях между поведением животных и человеческой деятельностью, в частности, в политике, перенося черты, присущие животным (такие как агрессивность, хитрость, хищничество или слабость), на поведение стран, политических лидеров или социальных групп. Основная когнитивная функция таких образных метафор – сделать абстрактные процессы и явления доступными для восприятия через образы, знакомые слушателю.

2) Образные метафоры с наименованиями еды

Образные метафоры с наименованиями еды часто используются в медиатизированном политическом дискурсе для выражения политических интересов, борьбы за ресурсы и международной конкуренции, создавая яркие ассоциации через образы, связанные с пищей и её потреблением. Рассмотрим следующие примеры:

目前在这个乌克兰参加军火论坛有 26 个国家的 165 个军火公司都要抢**蛋糕** / В настоящее время на этом оружейном форуме в Украине участвуют 26 стран и 165 оружейных компаний, которые борются за «кусок **пирога**» (Ду Вэньлун, «China's Public Opinion Field», 14.01.2024). Здесь метафора «пирог» символизирует ресурсы войны или экономические интересы.

美方唯一的出路是回到一个中国原则和中美三个联合公报，而不是以‘**切香肠**’的方式步步蚕食或掏空一个中国政策 / Единственный выход для США – вернуться к принципу «одного Китая» и три совместных китайско-американских коммюнике, а не с использованием метода «**резки колбасы**», шаг за шагом подрывать или опустошать политику «Один Китай» (Интервью Хуа Чуньин, репост «Хуаньцю», 07.08.2022). Через образную метафору «резки колбасы» политическое поведение становится более наглядным и ярким, демонстрируя его тонкую и постепенную эрозию.

Перегрызлись наши самые любимые противники. В буквальном смысле – **за корку чёрствого хлеба** (Дмитрий Медведев, Telegram, 22.09.2023). «Корка чёрствого хлеба» обычно обозначает оставшуюся, не особо любимую часть. Эта образная метафора превращает изначально сложные международные политические споры в нечто более наглядное и повседневное, и трансформирует политическую борьбу Украины и Польши в обычную сцену, где они «сражаются за корку чёрствого хлеба», что усиливает её понятность и драматизм.

Образные метафоры с наименованиями еды позволяют с помощью простых и понятных образов представить сложные политические процессы, такие как борьба за интересы и ресурсы, тем самым помогая общественности лучше понять политические решения.

3) Образные метафоры, связанные с дорожным движением

Образные метафоры, связанные с дорожным движением, часто используются для описания политического курса, дипломатических стратегий или продвижения международных дел. Рассмотрим следующие примеры:

美国在搞两手策略，那么既要控制局势，又不要让战争爆发，这就是目前的这个红海危机，在这么一个微妙的**十字路口** / США проводят двустороннюю стратегию: с одной стороны, пытаются контролировать ситуацию, а с другой – избегают вспышки войны. Это и есть текущий кризис в Красном море, находящийся на таком тонком **перекрёстке** (Ян Сиюй, «China's Public Opinion Field», 14.01.2024).

Образная метафора «перекрёсток» основана на концептуальной ассоциации пространства и выбора. В повседневной жизни перекрёсток – это место, где сходятся пути, и необходимо сделать выбор направления. Эта метафора переносится на абстрактные ситуации, где принимаются важные решения, влияющие на дальнейшее развитие событий. В данном контексте акцентируются такие аспекты, как неопределённость и возможность выбора стратегии политики США.

我们将与各国一道，为止战凝聚共识，为和谈**铺路搭桥** / Мы будем работать с другими странами, чтобы объединить усилия для прекращения войны и

прокладывать мосты для мирных переговоров (Интервью Ван И, репост «Синьхуа», 07.03.2024).

Семантическая структура метафоры «*прокладывать мосты*» включает антонимичные ключевые элементы: соединение (мост символизирует связь между разделёнными сторонами – в данном случае это конфликтующие стороны или страны, участвующие в мирных переговорах) и препятствие (мост подразумевает существование преграды (воды, пропасти), которая должна быть преодолена. В контексте это разногласия, конфликты или политическая напряжённость. Отметим, что в русскоязычной культуре более известен такой вариант метафоры, как «строить мосты», а с глаголом «прокладывать» наиболее употребителен вариант «прокладывать дороги».

Сочетание двух метафор образует сложный образный ряд: «мост» как инструмент соединения и «дорога» как направление, что подчёркивает целеустремлённость и прагматичный подход говорящего. Так, данная метафора визуализирует процесс миротворчества и подчёркивает активную и миролюбивую роль Китая в урегулировании международных конфликтов. Она апеллирует к универсальным ценностям сотрудничества, взаимопонимания и преодоления разногласий, что делает её мощным средством воздействия в медиатизированном политическом дискурсе.

我们希望中欧关系能一路**绿灯**，畅通无阻 / Мы надеемся, что отношения между Китаем и Европой будут развиваться без препятствий, как по **зелёному свету** (Интервью Ван И, репост «Синьхуа», 07.03.2024).

Образная метафора «зелёный свет» опирается на ассоциативную связь с дорожным движением, где зелёный сигнал светофора символизирует разрешение на движение вперёд. В переносном смысле эта метафора используется для обозначения беспрепятственного продвижения, разрешения или одобрения чего-либо. В данном случае метафора акцентирует желание Китая видеть отношения с Европой как конструктивные, лишённые конфликтов и барьеров.

Индия чувствует себя всё более уверенно как будущая глобальная держава, новый **экономический локомотив** (Интервью Дениса Алипова агентству

«ТАСС», 14.03.2024). Семантическая структура метафоры «локомотив» подчёркивает движущую силу Индии в экономических вопросах, мощь и значимость Индии как растущей мировой державы.

Образные метафоры, основанные на концептах дорожного движения, представляют собой когнитивные модели, позволяющие наглядно интерпретировать сложные абстрактные явления, такие как международное сотрудничество, дипломатическая активность и политические преобразования.

Эти метафоры используют образы, знакомые из повседневного опыта, чтобы структурировать восприятие процессов принятия решений как движения по пути, где присутствуют ориентиры (например, «зелёный свет»), препятствия («перекрёсток», «мост») и движущие силы («локомотив»). Семантическая структура таких метафор связана с динамикой, поступательным развитием и преодолением трудностей, что делает их легко воспринимаемыми на концептуальном уровне.

По своей когнитивной функции эти метафоры коррелируют друг с другом, так как объединяются общим тематическим доменом движения, отражающим процесс изменений, поиска решений и достижения целей в политической или дипломатической сфере. Такое единство концептуального основания создаёт возможность для более глубокой интерпретации метафор, демонстрируя их системный характер в языке политического дискурса.

В целом, данные образные метафоры играют важную роль в медиатизированном политическом дискурсе, передавая сложную информацию, формируя общественное восприятие и эмоции. Через метафоры с наименованиями животных, еды и связанные с дорожным движением политический дискурс упрощает восприятие поведения государств, борьбу за интересы и дипломатические отношения, усиливает выразительность языка и его воздействие на общественность.

Образные сравнения (в собранных материалах составляет 5%), хотя встречаются в медиатизированном политическом дискурсе значительно реже по сравнению с метафорами (в собранных материалах составляет 21%), сохраняют

свою значимость как эффективный инструмент воздействия на аудиторию. Их использование позволяет акцентировать внимание на определённых аспектах сообщения, усиливая эмоциональную и когнитивную вовлечённость реципиентов. Структурное оформление таких сравнений отличается использованием специфических языковых элементов, включая «как», «как будто», «подобно», «вроде», «типа», «словно», которые придают высказываниям экспрессивность и способствуют лучшему восприятию передаваемой информации. Рассмотрим следующие примеры:

Мы никогда не любили французов. **Типа лягушатники**, воевали с нами. И вообще эти… п-ры (не пионеры типа). И сейчас убедились в этом. Написал МИД Франции. Удар по Белгороду с применением кассетного боеприпаса – это «право на самооборону». Мразь. ... Уроды (Дмитрий Медведев, Telegram, 03.01.2024).

В данном примере использование образного сравнения «*лягушатники*» в адрес французов представляет собой юмористическое выражение с элементами культурного предубеждения, которое одновременно придаёт высказыванию развлекательный характер.

肯定有两个问题是这个当务之急，一个是这个俄乌冲突，一个就是巴以冲突，因为毕竟这两件事儿都是共和党在竞选的时候用来猛烈批评民主党的这个外交风格的，所以现在可以说当时这个共和党用来打民主党的板子，现在**像回旋镖**一样已经飞回到了共和党身上 / Безусловно, сейчас есть два вопроса, которые являются первоочередными: конфликт между Россией и Украиной, а также конфликт между Палестиной и Израилем. Эти два события республиканцы активно использовали во время избирательной кампании для резкой критики внешнеполитического стиля демократов. Поэтому теперь можно сказать, что та «палка», которой республиканцы били демократов, вернулась к ним, **как бумеранг** (Е Хайлинь, «China's Public Opinion Field», 10.11.2024).

Лексема «*бумеранг*» выступает как универсальный образ для описания последствий политической риторики. Образное сравнение подчёркивает иронию сложившейся ситуации.

Боррель: Китай – настоящий геополитический игрок, в то время как Россия – экономический карлик, она **похожа на заправочную станцию**, у владельца которой есть атомная бомба. В ответ могу сказать следующее... Во-вторых, **ЕС похож на банкрота**, который разорился, перестав заправляться качественным топливом по средствам (Мария Захарова, Telegram, 19.08.2023).

Высказывание Ж. Борреля подчёркивает зависимость экономики России от экспорта энергоносителей, но его образность вызывает ответную реплику Марии Захаровой. Оба примера представляют собой взаимные сравнительные конструкции, усиленные саркастическим подтекстом, которые акцентируют внимание на слабых сторонах противоположных сторон.

Львов – **как лакмусовая бумажка** политического украинства: сейчас именно во Львове сделали платное люксовое бомбоубежище с абонементом в 30,000 (Владимир Рогов, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 01.10.2023).

Это сравнение усиливает критику социальной и политической ситуации на Украине. С использованием научного термина «*лакмусовая бумажка*» создаётся ощущение объективного анализа, что укрепляет воздействие на аудиторию.

Образные сравнения демонстрируют меньшую частотность использования по сравнению с метафорами, однако они оказывают заметное влияние на восприятие и интерпретацию политического дискурса. В проведённом эксперименте практически все образные сравнения были отмечены испытуемыми, их оценочная семантика была однозначно верно интерпретирована ими, в анкетах на запоминание все примеры сравнений имеют высокий индекс запоминания.

В целом, и образные сравнения, и метафоры играют ключевую роль в структурировании политического дискурса, помогая упрощать сложные идеи и формировать устойчивые когнитивные схемы восприятия. Оба приёма способствуют созданию ярких визуальных и эмоциональных образов, которые легко воспринимаются широкой аудиторией.

2.2.2 Фразеологизмы

Образные основания фразеологизмов проявляют себя по-разному, в зависимости от качества образа, и на этом основании И.Ю. Третьякова говорит о прозрачности/непрозрачности фразеологизмов. К фразеологизмам с прозрачной образностью относятся единицы, образ которых может быть представлен, запечатлён в сознании носителей языка. Главной особенностью фразеологической единицы (ФЕ) с непрозрачной образностью является невозможность представить в сознании носителей языка наглядно-чувственный образ, «запечатлеть образ-картинку» [Третьякова, 2010, с. 203]. Основываясь на этом теоретическом подходе, в медиатизированном политическом дискурсе создание образности через фразеологизмы обычно подразделяется на три категории: первая – это фразеологизмы, происходящие из реальных жизненных ситуаций; вторая – фразеологизмы, основанные на мифах, сказках или литературных аллюзиях; третья – фразеологизмы, строящие образы через цепочку действий. Далее остановимся на анализе первой категории фразеологизмов.

Наиболее яркое и ясное представление-образ возникает у носителей языка при восприятии фразеологизмов, основанных на образных ситуациях из реальной жизни. В медиатизированном политическом дискурсе существует множество фразеологизмов, относящихся к этому типу, например:

从更深层次来说，我们会看到现在俄罗斯和西方之间的关系不仅仅是**冰冻三尺，非一日之寒** / На более глубоком уровне мы видим нынешние отношения между Россией и Западом – **метровый лёд не в один день образуется.** (Су Сяохуэй, «China's Public Opinion Field», 14.01.2024). 冰冻三尺，非一日之寒：比喻一种情况的形成，是经过长时间的积累、酝酿的 / «Метровый лёд не в один день образуется» – это метафора ситуации, формирование которой является результатом длительного накопления и созревания [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 105]. Здесь используется для описания сложности отношений между Россией и Западом, что означает, что формирование этих отношений является результатом длительного накопления.

如果ECFA没能继续，台湾经济马上会浮现三个困境.....对已受疫情影响的业者与劳工无疑是**雪上加霜** / Если ECFA (Рамочное соглашение о сотрудничестве) не сможет продолжиться, экономика Тайваня немедленно столкнётся с тремя трудностями... Для предпринимателей и работников, уже пострадавших от последствий пандемии, это, без сомнения, станет **на снег ещё и инеем** (Интервью Хун Сючжу, репост «Хуаньцю», 11.10.2020). 雪上加霜：比喻灾难接连而来，使受害的程度加重 / «На снег ещё и иней» означает, что бедствия идут одно за другим, усугубляя степень страдания [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 1644]. Фразеологизм используется для выражения усиления трудностей, когда дополнительные проблемы только усугубляют существующие.

Британская The Times уже в предвкушении грядущей инаугурации. Главное, все они теперь дружно веселятся над немощностью Байдена. И уже подзабыли, как всего-то год назад вся либеральная пресса Запада **с пеной у рта** доказывала, что Байден ещё ого-го-го как молод, здоров и полон сил для того, чтобы рулить Америкой ещё четыре года. Память подводит либералов (Владимир Корнилов, Telegram, 02.01.2025). Фразеологизм «с пеной у рта» – в крайнем возбуждении, предельно взволнованно, горячо и страстно (доказывать, спорить, утверждать) [Фёдоров, 2008, с. 458] – описывает агрессивное и эмоциональное оправдание Байдена западными СМИ.

Вы понимаете историю Советского Союза, но вот после начала специальной военной операции ряд ставших известными в советское время актёров уехали из России и теперь, в общем, достаточно активно **поливают** нашу страну **грязью** и за рубежом (Евгений Шестаков, «Право знать», 18.03.2023). Фразеологизм «поливать грязью»: см. обливать – незаслуженно оскорблять, порочить, обвинять в чём-либо предосудительном [Молотков, 1978, с. 338] – обозначает несправедливую критику и обвинения в адрес России.

Фразеологизмы, исходящие из реальных жизненных ситуаций, играют важную роль в медиатизированном политическом дискурсе благодаря своей наглядной образности. Образность, эмоциональность и универсальность данных

примеров делают их мощным инструментом для выражения оценки, воздействия на аудиторию и упрощения сложных политических сообщений.

Во втором типе фразеологизмов важным элементом являются образы, вдохновлённые мифами, баснями, классическими литературными сюжетами и другими культурными источниками. Эти выражения опираются на знакомые и яркие образы, которые легко воспринимаются слушателями, создавая тем самым сильное эмоциональное воздействие. Использование таких фразеологизмов позволяет говорящему не только сделать речь более образной и выразительной, но и усилить внимание аудитории, добавив элемент фантастичности и увлекательности. Они помогают передать идеи и ситуации, которые хотя и имеют фантастическую природу, делают высказывание более ярким и запоминающимся. Рассмотрим некоторые примеры:

Перебрасывать всё то, что у них есть, этот **Тришкин кафтан**, они просто не успевают. Это для них крайне, крайне сложно (Владислав Шурыгин, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 01.10.2023). «Тришкин кафтан»: разг. ирон. – такое положение, ситуация, дело и т. п., когда устранение одних недостатков влечёт за собой возникновение новых недостатков. Выражение из басни И.А. Крылова «Тришкин кафтан» (1815 г.). Чтобы починить продранные локти своего кафтана, Тришка обрезал рукава, а для того, чтобы надставить рукава, ему пришлось обрезать полы [Фёдоров, 2008, с. 290]. В данном контексте фразеологизм подчёркивает трудности, с которыми сталкиваются люди, когда их усилия по исправлению чего-то лишь усугубляют положение.

Не секрет, что главным выгодоприобретателем продолжающегося накачивания Киева вооружением является британский ВПК (военно-промышленный комплекс – прим. ТАСС), играющий важную роль в экономике страны. К слову, именно кризисное состояние национальной экономики, как показывают опросы общественного мнения, является «**ахиллесовой пятой»** тори и может стать одной из главных причин их сокрушительного поражения на предстоящих парламентских выборах (Интервью Сергея Беляева агентству «ТАСС», 11.05.2024). «Ахиллесова пята»: слабое, уязвимое место. Образ

фразеологизма соотносится с духовным кодом культуры и восходит к древнегреческому мифу о герое-полубоге Ахиллесе, одном из предводителей греческих племён в Троянской войне [Телия, 2006, с. 25]. Использование этого выражения подчёркивает уязвимость и возможную угрозу, связанную с конкретной ситуацией, что делает его особенно выразительным и мощным для восприятия.

我觉得美国的一些政治家也好，其他人也好，需要更多地了解中国.....他如果对这些毫无了解，而是凭想象甚至凭怀疑，“疑人偷斧”也好，“**杯弓蛇影**”也罢，那就是害了他自己 / Я думаю, что некоторым американским политикам, да и простым людям, нужно больше узнать о Китае... Если они ничего не знают об этом, а полагаются на воображение или сомнения, например, «подозревают, что люди крадут топоры» или «**принимают отражение лука в стакане за змею»** – это вредит только им самим (Интервью Цуй Тянькая, репост «Гуаньча», 04.11.2023).

杯弓蛇影：看见酒杯中所映现的角弓影子而误以为酒里有蛇。比喻疑神疑鬼而自相惊扰 / «Принимают отражение лука в стакане за змею» означает чрезмерные подозрения и самопомешательство, когда человек пугает себя без оснований [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 72]. Фразеологизм появился из трактата «Общий смысл нравов и обычаев» (风俗通义, 195 г. н. э.) периода Восточной Хань. Давным-давно жил-был человек по имени Лэгуан. Ему очень нравилось помогать людям, а также нравилось убеждать людей с помощью здравого смысла. У Лэгуана был хороший друг, они с ним жили на одной улице. Однажды друг пил вино дома у Лэгуана, он увидел в бокале вина маленькую змейку, однако вино уже было выпито, ничего не поделаешь. Тогда ему стало очень некомфортно на душе, и когда он вернулся домой, тут же заболел. Данный фразеологизм указывает на страхи и тревоги, возникающие без реальных оснований.

非方领导人对此予以热烈欢迎和高度评价。他们表示，中非团结抗疫特别峰会的召开正逢其时，增强了非洲国家战胜疫情的信心。中方在非洲最需要的时候“**雪中送炭**”，是真正的朋友 / Лидеры африканских стран тепло приветствовали и высоко оценили это событие. Они отметили, что созыв специального саммита по борьбе с эпидемией в рамках китайско-африканской солидарности пришёлся как раз вовремя и укрепил уверенность африканских стран в победе над пандемией. Китайская сторона «**во**

время снегопада послала уголь» в самый нужный момент, став настоящим другом для Африки (Интервью Чжао Лицзяня, репост «Хуаньцю», 18.06.2020).

雪中送碳：在下大雪的严寒天气里给人送去炭火取暖。比喻在别人遇到困难时给予帮助 / «Приносить уголь для обогрева в сильный мороз и снегопад» – метафора, обозначающая оказание помощи человеку в трудной ситуации [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2003, с. 1644]. История этого выражения связана с императором Тай-цзуном (939-997 гг.). Как-то морозным зимним вечером император, облачённый в роскошную шубу, грелся у огня. Проникнувшись состраданием к простому люду, император поручил чиновникам отнести рис, уголь и тёплую одежду в дома бедняков. Использование фразеологизма подчёркивает своевременность и значимость помощи, оказанной Китаем африканским странам.

Фразеологизмы, основанные на мифах, баснях и культурных источниках, занимают особое место в медиатизированном политическом дискурсе. Согласно собранным материалам, они составляют 33% от общего числа образных единиц. Это объясняется их богатым семантическим потенциалом и культурной значимостью. Благодаря своей устойчивости и знакомости аудитории, фразеологизмы легко воспринимаются, создают яркие и легко запоминающиеся образы, а также усиливают эмоциональное воздействие, что делает их эффективным инструментом в политическом общении.

Третья группа включает фразеологизмы, основанные на динамических действиях, которые представляют собой последовательность или совокупность разнотипных действий. Фразеологизмы данной группы часто используются в медиатизированном политическом дискурсе для создания запоминающихся и эмоционально насыщенных образов. Благодаря своей ироничной или сатирической направленности они позволяют метко описывать поведение, решения или действия политиков и государственных деятелей, усиливая воздействие на аудиторию и привлекая её внимание. Рассмотрим некоторые примеры:

Причём, я смотрю, британские газеты пишут: «Генералы очень довольны тем, что назначили этого человека». Ну, потому что он ничего не понимает в этом деле совершенно, и, соответственно, ему можно **вешать лапшу на уши**. Кто

смотрел фильм «Сержант Билко», когда объясняют, как снаряды летают, – вот так примерно и Шаппсу объясняют (Владимир Корнилов, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 01.10.2023). «Вешать лапшу на уши»: прост. предосуд. – нагло врать, рассказывать небылицы; намеренно вводить в заблуждение кого-либо [Фёдоров, 2008, с. 69]. В контексте этот фразеологизм используется для обвинения оппонентов в манипуляциях, что усиливает ироничный и критический эффект.

Иными словами, исполнять не собираются. А бывшие руководители Германии, Франции прямо сказали уже в наши дни – год-полтора назад, – прямо сказали, честно, на весь мир, что да, они подписывали эти Минские соглашения, но выполнять никогда не собирались. Нас просто **водили за нос** (Интервью Владимира Путина Такеру Карлсону, 09.02.2024). «Водить за нос»: обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного [Фёдоров, 2008, с. 83]. Использование этого фразеологизма акцентирует внимание на недобросовестности оппонентов, что усиливает драматизм высказывания.

所谓“小院高墙”，就是围了一个地方，再把墙越垒越高。这画面让我想到一个中国成语——“坐井观天” / Так называемые «маленький двор и высокая стена» – это ограждение территории с постоянно возводимыми всё более высокими стенами. Эта картина напоминает мне китайский фразеологизм – «**сидеть в колодце и видеть только клочок неба**» (Интервью Цуй Тянькая, репост «Гуаньча», 04.11.2023). 坐井观天：比喻见识短浅，眼界狭窄 / «Сидеть в колодце и видеть только клочок неба» обозначает узкий кругозор и ограниченные взгляды [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 2000]. Данный образ действия фразеологизма демонстрирует метафорическое описание поведения, ориентированного на ограниченные и изолированные взгляды, что особенно ярко подчёркивается в политическом контексте.

Данная категория фразеологизмов активно используется для создания яркой и критической риторики, обеспечивающей эмоциональный отклик аудитории и закрепляющей в её памяти определённые образы действий политиков и групп.

Таким образом, фразеологизмы в медиатизированном политическом дискурсе выполняют важную роль в создании коммуникативной связи с

аудиторией и усилении эмоционального воздействия на неё. Их использование можно рассматривать через призму особенностей, характерных для фразеологизмов. Прежде всего, они обладают яркой образностью, что облегчает восприятие сложных политических концепций и ситуаций. Фразеологизмы обеспечивают когнитивное упрощение и визуализацию абстрактных идей. Более того, эти выражения не только упрощают восприятие, но и эмоционально насыщены, что усиливает их влияние на общественное мнение. Такое сочетание образности и эмоций делает фразеологизмы эффективным инструментом в стратегиях воздействия на аудиторию в условиях современной медиасферы, обеспечивая лёгкость восприятия и глубокое вовлечение слушателей или зрителей.

2.2.3 Паремии

Паремии, включая пословицы и поговорки, занимают важное место в медиатизированном политическом дискурсе. Их сила заключается в структурных особенностях: лаконичность, ритмичность и образность делают их легко воспринимаемыми и запоминающимися. Эти выражения черпают из народной мудрости, что позволяет политикам использовать их для обращения к культурным и социальным ценностям, понятным широкой аудитории. Пословицы и поговорки обладают уникальной способностью быть понятыми без дополнительных разъяснений, поскольку они уже встроены в коллективное сознание.

Политики активно используют паремии для усиления своей аргументации, подчёркивания важных социальных тем или создания ярких образов, которые резонируют с множеством людей. Эти выражения помогают им укрепить свою позицию, делая послания более убедительными и эмоционально насыщенными. Рассмотрим несколько примеров:

Просто вот эти люди, которые там зарисовались в качестве дураков, – исполнители, матрёшки, **дурилки картонные**. Они не понимают, они подписали бессмертный приговор, потому что упомянутые деятели Беслана и всех остальных терактов, – их нет (Дмитрий Кульков, «Право знать», 04.03.2023).

«Дурилка картонная»: о глупом и легкомысленном человеке [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 207]. Эта поговорка в данном контексте используется для уничижительного описания определённой группы людей, лишённых самостоятельности и серьёзности.

Что остаётся на повестке дня между нами и арабским миром, так это палестинский вопрос. И то, что у нас до сих пор достаточно отморозков, которые не понимают, в каком шатком положении мы находимся и что мы положили только на американскую помощь, которая уменьшается и сокращается (особенно в этом вопросе) – **раскачивает лодку** (Яков Кедми, «Право знать», 25.03.2023). «Раскачивать лодку»: расшатывать какие-л. структуры власти, приводя к ослаблению государства [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 557]. Эта поговорка особенно ярко отражает напряжённость в политической ситуации и указывает на недопустимость действий, которые могут привести к негативным последствиям.

他非常清楚的是特朗普一旦胜选以及就任之后，美台之间的关系可能会出现一些变化，民进党当局是有更多的无力感。首先，民进党当局非常担心的是特朗普**狮子大张口** / Он прекрасно понимает, что если Трамп победит на выборах и вступит в должность, отношения между Тайванем и США могут измениться, и власти Демократической прогрессивной партии будут чувствовать себя более бессильными. Прежде всего, власти ДПП очень беспокоят слова Трампа – «**грабёж средь бела дня**» (Су Сяохуэй, «China's Public Opinion Field», 10.11.2024).

狮子大张口：比喻要价或提的条件太高 / «Грабёж средь бела дня» (буквально «львы с открытым ртом»): означает завышенные требования или цену [Вэнь Дуаньчжэн, 2014, с. 405]. Поговорка используется для описания чрезмерно завышенных требований. В данном контексте она отражает беспокойство власти ДПП относительно возможного изменения в отношениях с США и опасений о недостижимости условий, выдвигаемых другой стороной.

“**真金不怕火炼**”，我们也奉劝那些千方百计离间分化中俄的人，任何企图破坏中俄关系的图谋都注定不会得逞 / «**Чистому золоту и огонь не страшен**». Мы также советуем тем, кто всеми способами пытается посеять раздор и разделение между Китаем и Россией: любые попытки разрушить отношения между нашими странами

обречены на неудачу (интервью Чжао Лицзяня, репост «Хуаньцю», 15.06.2021). 真金不怕火炼：真金子经得起烈火烧炼。比喻正确的事物或真正的英雄人物经得住考验 / «Чистому золоту и огонь не страшен»: чистое золото выдерживает сильный огонь. Это пословица, которая подразумевает, что истинно правильные вещи или настоящие герои способны выдержать любые испытания [Вэнь Дуаньчжэн, 2014, с. 530]. Пословица «чистому золоту и огонь не страшен» подчёркивает идею, что истинно прочные вещи, такие как союз между странами, могут выдержать любые испытания. Это высказывание выполняет роль уверенного и убедительного аргумента, подчёркивающего прочность и надёжность российско-китайских отношений.

Таким образом, паремии, обладая краткостью и эмоциональной насыщенностью, помогают лучше понять и усвоить ключевые политические идеи и концепты в медиатизированном политическом дискурсе. Они активно используются для создания эмоциональной окраски, акцентирования внимания на самых важных аспектах международных и внутриполитических процессов, а также для повышения убедительности политических заявлений, что делает их важной частью стратегий воздействия на аудиторию в медиатизированном политическом дискурсе.

2.2.4 Прецедентные феномены

Прецедентные феномены включают прецедентные имена, тексты, высказывания и ситуации, основанные на определённом культурном, историческом или социальном контексте. Эти феномены формируют новые образные выражения посредством переноса изначального значения в новую смысловую плоскость. Они обладают богатой ассоциативностью и являются неотъемлемой частью медиатизированного политического дискурса, усиливая культурную глубину информации и повышая эффективность её распространения. Использование прецедентных феноменов в медиатизированном политическом дискурсе отвечает определённым коммуникационным целям. Ссылка на знакомые

культурные символы и исторические события способствует повышению узнаваемости и эмоциональной насыщенности сообщений.

Прецедентный текст, как первоначально предложенное явление, играет важную роль в передаче информации и вызове отклика. Когда прецедентный текст используется как «код» в общении, он не только соединяет специфическое значение текста, но и указывает на определённый культурный контекст или историческую память. Суть этого явления заключается в том, что автор, ссылаясь на знакомые языковые единицы, такие как классическая литература, политические лозунги, исторические документы или библейские выражения, не только стремится передать информацию, но и вызывает у целевой аудитории определённые ассоциации и эмоциональный отклик.

Когда Крым вернулся в Россию, турки всплеснули руками: по **Кючук-Кайнарджийскому мирному договору** он как раз в Российскую империю и ушёл (Евгений Сатановский, «Право знать», 20.05.2023). В обсуждении вопроса о Крыме исторический документ «Кючук-Кайнарджийский мирный договор» не только усиливает логичность и легитимность высказываний, но и поддерживает соответствующие позиции историческими фактами.

Тварь в зелёном пожелала смерти всем в Кремле. Причём не от своих рук. Кто как умрёт, нам неведомо, ведь **пути Господни неисповедимы** (Дмитрий Медведев, Telegram, 12.05.2023). «Неисповедимы пути Господни» – фраза из Библии. Иносказательно о непредсказуемости судьбы, невозможности всё предвидеть, предусмотреть и т. д. [Серов, 2004, с. 507]. Семантический анализ показывает, что данная фраза имеет двоякий смысл: 1. Буквальное значение указывает на непостижимость и непредсказуемость пути, который определяет высшая сила в лице Господа Бога. 2. Переносное значение подчёркивает неопределённость политической ситуации, в сочетании с резким выражением «Тварь в зелёном пожелала смерти всем в Кремле» контрастирует, создавая эффект напряжённости и скрытой угрозы.

Прецедентные имена указывают на конкретных исторических личностей, географические названия или события, которые несут в себе глубокий

исторический или культурный контекст и способны быстро вызывать определённые ассоциации.

Подуставший Трамп, выдающий банальности типа «Я предложу сделку» и «У меня отличные отношения с…», также будет вынужден соблюдать все системные правила. Войну ему не остановить. Ни за день, ни за три дня, ни за три месяца. А если реально попытается, может стать новым **JFK** (Джон Кеннеди, 35-й Президент США – прим. авт.) (Дмитрий Медведев, Telegram, 03.11.2024). Сравнение с Джоном Кеннеди вызывает исторические ассоциации, усиливая образность и символизм заявления.

Об этом предельно чётко было заявлено вызванному в МИД 31 мая австрийскому послу. Причём тут ситуация со свободой слова в России? Тем более ему было предложено передать в Вену следующее: оставьте российских журналистов в покое, мы не хотим никаких разменов, пусть представители СМИ работают нормально. Но Австрия – конечно, под давлением **«большого брата»** – решила иначе (Мария Захарова, Telegram, 11.06.2024). «Большой Брат» – персонаж романа Джорджа Оруэлла «1984», символизирующий метафорическую критику диктатуры и слежки. Этот термин используется в высказываниях Марии Захаровой для описания дипломатических вмешательств западных стран.

Прецедентные высказывания вызывают у слушателей ассоциации с конкретной ситуацией через повторение известных культурных или исторических фраз.

美方官员不断强调，在疫苗分配问题上应坚持美国第一、美国优先并限制疫苗原材料出口。这让人想起杜甫的一句诗：“**朱门酒肉臭，路有冻死骨**”/ Американские официальные лица постоянно подчёркивают, что в вопросе распределения вакцин следует придерживаться принципа «Америка прежде всего» и ограничить экспорт сырья для вакцин. Это напоминает строчку из стихотворения Ду Фу: «**У богатых ворот запах мяса и вина, на дорогах же кости замёрзших**» (Интервью Хуа Чуньин, репост «Хуаньцю», 14.05.2021). Цитата из стихотворения Ду Фу становится способом выразить несогласие по поводу несправедливого поведения западных стран в распределении вакцин по всему миру.

美国这个杀害了近百万穆斯林、侵犯了数千万穆斯林人权的国家，现在居然信誓旦旦关心起了新疆维吾尔族穆斯林的人权，分明是**黄鼠狼给鸡拜年，没安好心** / США, страна, которая убила почти миллион мусульман и нарушила права десятков миллионов мусульман, теперь вдруг заявляет, что заботится о правах мусульман в Синьцзяне, что **хорёк поздравляет курицу с Новым годом, явно с недобрыми намерениями** (Интервью Хуа Чуньин, репост «Хуаньцю», 14.05.2021). 黄鼠狼给鸡拜年 —— 没安好心：指假装好意，或伪装善良，实则包藏祸心 / «Хорёк поздравляет курицу с Новым годом – явно с недобрыми намерениями» означает: притворяться добрым или скрывать свои злые намерения под маской доброжелательности [Вэнь Дуаньчжэн, 2014, с. 142]. Сехоуюй, использованный в качестве прецедентного высказывания, через юмор и образность проводит аналогию между так называемой заботой США о Синьцзяне и их недобрыми намерениями. Это усиливает сатиричность и выразительность аргументации, делая критику более убедительной и сильной.

Прецедентная ситуация – это стандартизированная, идеализированная ситуация, вызванная прецедентным именем или прецедентным высказыванием и сопровождаемая определённым культурным значением. Она, как правило, берёт своё начало в мифах, народных сказаниях, религиозных легендах, литературных произведениях или исторических событиях конкретного народа. Эти ситуации со временем закрепляются в языковом сознании и системе когнитивных представлений данного народа, приобретая универсальную понятность и эмоциональный отклик в рамках определённой культуры. Использование таких прецедентных ситуаций делает медиатизированный политический дискурс более живым и образным, отражает культурную глубину и одновременно повышает эффективность коммуникации в сложных политических контекстах. Рассмотрим примеры, в которых встречаются прецедентные ситуации.

Вспомните **финансовый кризис 2008-го**, вызванный коллапсом американского рынка недвижимости. Мировая экономика рушилась не один месяц после этого взрыва. Спасать планету предстояло специально созданной для этого «двадцатке». И так каждый раз. Исключительные наделают делов в «прекрасном саду», а «джунглям» мучиться от зловония и убирать за цивилизованными (Мария

Захарова, Telegram, 13.10.2023). Упоминание прецедентной ситуации (кризис 2008-го года) усиливает эмоциональный отклик, одновременно высмеивая модель поведения США.

Отметим, что описание сопровождается негативно окрашенными лексемами, такими как «рушилась», «взрыв», «зловоние», которые создают яркую эмоциональную окраску и подчёркивают катастрофический характер ситуации. Подобное описание формирует у аудитории критическое отношение к действиям США, усиливая обвинительный тон сообщения. Данное высказывание направлено на международную аудиторию, которая, вероятно, также испытывала последствия кризиса 2008 года. Упоминание этого события помогает установить общую платформу для критики США, апеллируя к личному или национальному опыту слушателей. Это усиливает идентификацию аудитории с точкой зрения автора.

美方不能总是用**冷战**视角、零和思维看待这个世界，不能总是说一套、做一套。各国人民的眼睛是雪亮的，中东人民更加清楚，谁站在历史和道义的正确一边一目了然 / США не должны смотреть на мир через призму **холодной войны** и мышления «нулевой суммы», а также не должны говорить одно, а делать другое. Люди всего мира обладают ясным взглядом, а особенно народы Ближнего Востока, которые легко могут увидеть, кто стоит на правильной стороне истории и справедливости (Интервью Ван И, «Аль-Джазира», 26.04.2024).

Холодная война представлена как исторический фон, который вызывает у аудитории ассоциации с эпохой идеологического противостояния, глобальной нестабильности. Эта аллюзия активизирует у аудитории прецедентные знания, формируя представление о сложившейся международной системе как об унаследованной от прошлого. Такой подход подчёркивает, что продолжающееся использование мышления времён холодной войны США воспринимается как ретроградное и не отвечающее современным реалиям.

В медиатизированном политическом дискурсе прецедентные феномены выступают ключевым инструментом создания образности и усиления прагматического воздействия. Прецедентные тексты, имена, высказывания и ситуации благодаря своей интертекстуальной природе обеспечивают глубокую

связь с культурно-историческим контекстом, способствуют актуализации коллективной памяти и культурной идентичности аудитории.

Их гибкое использование позволяет не только интенсифицировать эмоциональный отклик, но и усиливать аргументацию, создавая эффект достоверности и значимости передаваемой информации. Таким образом, прецедентные феномены выполняют важную когнитивно-коммуникативную функцию, способствуя достижению основных целей политической коммуникации – привлечению внимания, убеждению и усилению влияния на аудиторию.

2.2.5 Просторечие и бранные выражения

В медиатизированном политическом дискурсе практикуется использование просторечий и бранных выражений как важных инструментов формирования образности. Просторечия вносят в дискурс элементы неформальности и приближают его к повседневной речи, тогда как бранные выражения усиливают эмоциональную напряжённость и часто используются для выражения негодования или дискредитации оппонентов. Ниже приводится анализ примеров, который демонстрирует, как эти языковые средства формируют образы в конкретных текстах.

Просторечие выделяется яркой экспрессивностью, что придаёт ему эмоциональную насыщенность и делает его более живым. Используемое в разных контекстах, оно часто сочетает черты литературного и разговорного языка, что помогает создать доступное и яркое общение, способное передать тонкие нюансы эмоций и настроений. Рассмотрим примеры:

Напомним, что эффективные системы контроля и управления огнём были разработаны гражданским обществом в 2015 году. Наши **сиганули** в Израиль (Владимир Соловьёв, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 13.10.2022). «Сигать»: прост. прыгать [Ожегов, 1984, с. 621]. Употребление просторечного глагола «сиганули» вместо стилистически нейтральных вариантов, таких как «поехали» или «отправились», вносит в высказывание элементы экспрессии и сниженной

стилистики, что усиливает неформальность тона речи. Этот глагол обладает высокой образностью и динамичностью, создавая эффект стремительности и импульсивности действия. Кроме того, подобное лексическое решение подчёркивает эмоциональную вовлечённость говорящего и способствует формированию неофициального общения с аудиторией. В контексте медиатизированного политического дискурса использование подобных просторечных элементов выполняет функцию сближения с аудиторией, делая высказывание более живым и запоминающимся.

Такой вопрос: а почему он должен интересоваться, в данном случае, спустя полвека почти, чем-то, кроме своих личных карьерных интересов, личных, собственных хотелок? Генри Киссинджер – такой **мужик** (Евгений Сатановский, «Право знать», 20.05.2023). «Мужик»: 1. Крестьянин (в противопоставлении горожанину). 2. В буржуазно-дворянском жаргоне: о невоспитанном, необразованном человеке [Ожегов, 1984, с. 313]. Употребление просторечного выражения «мужик» в данном контексте выполняет сразу несколько функций. Во-первых, оно передаёт уважительное отношение к Генри Киссинджеру, подчёркивая его силу характера и значимость, но делает это в неформальной манере, что сближает говорящего с аудиторией и снижает дистанцию. Во-вторых, использование данного лексического элемента несёт в себе лёгкий оттенок иронии, придавая высказыванию разговорный тон и эмоциональную окраску. Подобная лексическая стратегия характерна для медиатизированного политического дискурса, где просторечные элементы часто используются для усиления экспрессивности, создания образности и поддержания интереса аудитории.

Выборы – возможность обновить власть для развития страны, **наторелые** принципы справедливости, патриотизма, дружбы народов (Геннадий Зюганов, Telegram, 08.09.2023). Употребление просторечного слова «наторелые» в данном контексте служит выразительным средством для создания иронической интонации. Этот лексический выбор акцентирует устоявшийся, привычный характер упомянутых принципов – справедливости, патриотизма, дружбы народов, – но при этом ставит под сомнение их искренность и реальную реализацию. Просторечие

усиливает субъективность оценки и эмоциональную окраску высказывания, формируя у аудитории критическое отношение к затронутой теме.

Бранные выражения используются для создания интенсивного эмоционального эффекта и дискредитации оппонентов. Их грубость привлекает внимание и усиливает поляризацию. Например:

О потребительстве и старых **сволочах**: мы тут Киссинджера уже коснулись (Андрей Сидорчик, «Право знать», 20.05.2023). Бранное слово «сволочи» вводит резкую критику и подчёркивает негативное отношение автора к обсуждаемым персонажам.

Правда, вся эта дешёвая бравада навевает и одну вполне очевидную мысль: при таких мощных «пророчествах» вряд ли у этого **дурачка** есть шансы дожить до старости (Дмитрий Медведев, Telegram, 21.11.2023). «Дурак»: 1. Глупый человек. 2. В старину: придворный или домашний шут [Ожегов, 1984, с. 156]. Автор унижает политика, называя его «дурачком», тем самым ослабляя его авторитет, что затрудняет восприятие высказываний и поступков этой личности серьёзно. Такой тон часто имеет сильную ироничную окраску, используя насмешку для подрыва политического имиджа целевой личности.

Ублюдки из США поставляют ракеты с кассетным зарядом бандеровцам и помогают навести их на цель (Дмитрий Медведев, Telegram, 23.06.2024). «Ублюдок»: 1. о животном. 2. перен. О человеке с низкими, животными инстинктами [Ожегов, 1984, с. 712]. Использование крайне грубого выражения «ублюдки» направлено на усиление антагонизма и эмоциональной напряжённости. Это создаёт образ врага, который должен вызывать отторжение и гнев у аудитории.

Сейчас мы услышали версию, которую Мишель, СНБО и прочие, эта **мразь** всякая украинская, будут там озвучивать, в том числе ссылаясь на выступление на 1 канале (Александр Малькевич, «Время покажет», 06.06.2023). «Мразь»: О ком-н. дрянном, ничтожном [Ожегов, 1984, с. 312]. Бранное слово «мразь» максимально обостряет эмоциональное восприятие, акцентируя презрение к обозначенной группе. Это усиливает эффект разделения на «своих» и «чужих», мобилизуя аудиторию против оппонента.

Насчёт сокращения ядерного оружия, которого добиваются американцы, потому что они проигрывают. Путин ответил коротко: «**Хрен им»** (Ведущий пересказывает выступление В. Путина, «Право знать», 17.06.2023). В.В. Путин дал резкий лаконичный ответ на вопрос о ядерном оружии: «Хрен им». Это бранное выражение не только демонстрирует авторитет автора высказывания, но и подчёркивает силу и непоколебимость его позиции благодаря выразительности интонации.

Просторечия и бранные выражения занимают важное место в медиатизированном политическом дискурсе благодаря своим способам репрезентации. Во-первых, способ использования просторечной лексики заключается в снижении формальности речи и создании эффекта доверительной беседы с аудиторией. Во-вторых, способ применения бранных выражений придаёт высказываниям резкость, эмоциональную насыщенность и экспрессивность, что помогает акцентировать важные моменты и усилить полемический характер речи. Кроме того, эти выражения способствуют созданию ярких и запоминающихся образов, которые легко воспринимаются аудиторией, создавая эмоциональные привязанности или антипатии. Это делает просторечия и бранные выражения не только средством воздействия, но и важным инструментом построения общественных настроений и формирования общественного мнения.

2.3 Особенности применения образных единиц в различных жанрах медиатизированного политического дискурса

Жанры политических ток-шоу, телевизионных и интернет-интервью с политиками, интернет-блогов политиков характеризуются активным использованием образных единиц, что позволяет более эмоционально передавать мнения позицию говорящих и привлекать внимание аудитории. Подобные единицы снижают уровень специализации при передаче политической информации, способствуют вовлечению в обсуждение представителей различных

социальных и профессиональных групп, включая профессиональных политиков, журналистов, учёных и рядовых граждан.

Для анализа этих особенностей применяется метод контекстуального анализа, позволяющий детально описать контексты употребления образных единиц в разных жанрах медиатизированного политического дискурса. Кроме того, количественный анализ используется для статистической обработки данных, что позволяет выявить частотность употребления различных образных единиц и определить тенденции их использования в различных жанрах медиатизированного политического дискурса Китая и России. Отметим, что указанные жанры различаются по форме выражения, что обусловливает вариативность частотности и способов применения образных единиц.

2.3.1 Политические ток-шоу

Политические ток-шоу – телевизионный жанр, который объединяет в себе специфику двух разных видов дискурса: политического и масс-медийного [Дьякова, Каминская, 2018, с. 101]. В рамках этого жанра создаётся уникальная телеплощадка, где гости собираются для обсуждения актуальных политических вопросов, предложенных ведущим. В таких программах участниками политических ток-шоу могут быть: участники обсуждаемых событий; люди, не имеющие прямого отношения к ним, но призванные выразить официальную позицию властей по данному вопросу – политики, депутаты, эксперты (социологи, учёные, юристы, общественные деятели и т. д.); телеведущие, зрители, которые также могут принимать непосредственное участие в обсуждении. Политические ток-шоу имеют зрительскую аудиторию в студии и огромную телеаудиторию. Таким образом, канал политического влияния на адресата в них значительно увеличивается.

Будучи жанром медиатизированного политического дискурса, политические ток-шоу обладают заметными возможностями речевого воздействия на аудиторию. Этот жанр предполагает не только передачу информации, но и дискуссии,

активный обмен мнениями, способствуя формированию динамичного политического диалога. Возможности медиакоммуникации расширяют потенциал использования политиками языковых средств, позволяя им выходить за пределы терминологии, стилистики и норм политического выражения, привлекая в качестве вспомогательных инструментов средства речевой экспрессии, образность, речевую эмоциональность, которые привлекают внимание аудитории и оставляют глубокие впечатления от услышанного.

В России политические ток-шоу имеют чёткое концептуальное определение. Эти программы включают еженедельные или ежедневные выпуски новостных передач, благодаря которым зрители могут следить за политическими событиями как внутри страны, так и за её пределами, а также получать глубокий анализ от экспертов и самую актуальную информацию. Среди известных программ можно выделить «Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьёвым», «Право знать», «Большая игра» и «60 минут». Эти программы широко популярны в России благодаря ярким дебатам и высококачественному анализу новостей, что привлекает аудиторию, интересующуюся российской и международной политикой. В рамках данного исследования были выбраны три представительных политических ток-шоу: «Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и «Право знать». Для анализа были изучены девять выпусков этих программ. Видео каждого выпуска было преобразовано в текстовый формат, и с помощью метода сплошной выборки отобрано 113 текстов, содержащих образные единицы.

В отличие от России, в Китае нет программ, полностью аналогичных политическим ток-шоу, однако существуют схожие по формату программы – аналитические передачи по актуальным событиям. Эти передачи освещают основные национальные и международные новости. Эксперты и правительственные чиновники, приглашённые для объяснения предыстории событий, анализируют их развитие и обсуждают возможные последствия. Однако подобные программы не включают элементы дебатов. В данном исследовании были выбраны две типичные программы: первая в Китае новостная аналитическая передача «Конвергентная журналистика» – «China's Public Opinion Field», а также

программа «Цзиньжи Гуаньчжу», выходящая на международном китайском канале (CCTV-4). Было проанализировано девять выпусков этих программ, с помощью метода выборки получено 64 текста, содержащих образные единицы.

Таким образом, в политических ток-шоу России и Китая было собрано в общей сложности 177 текстов, содержащих образные единицы. Эти тексты включают пять типов образных единиц, рассмотренных в данном исследовании, всего 240 единиц. На рисунке 5 представлены доли каждого типа образных единиц в политических ток-шоу двух стран, что позволяет выявить особенности в образной выразительности медиатизированного политического дискурса России и Китая.

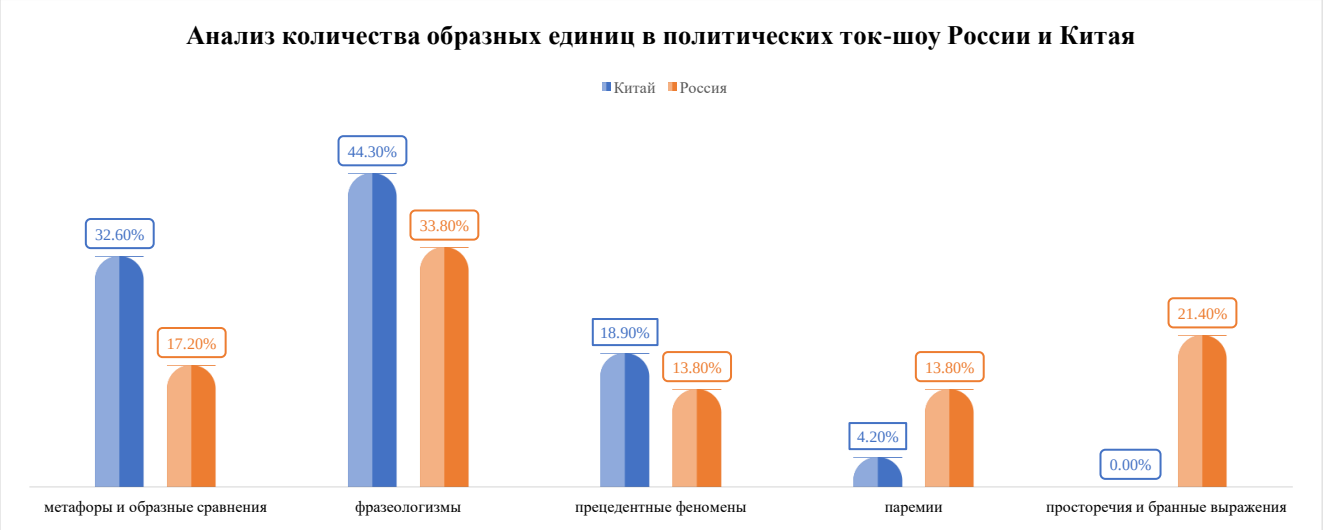

Рисунок 5 – Анализ количества образных единиц в политических ток-шоу России и Китая

На основании представленных данных можно заметить, что фразеологизмы наиболее часто используются участниками китайских политических ток-шоу, составляя 44.2% от общего количества образных единиц. Это свидетельствует о том, что фразеологизмы, являясь важным языковым инструментом китайской культуры, широко применяются для усиления убедительности политических высказываний и демонстрации культурной глубины. Например:

9 月 28 日，台当局首艘自行研制的潜艇下水，命名为海昆号，台当局对其大肆炒作。对此，外交部、国防部在同一天都进行了回应。中国国防部新闻发言人吴谦表示，这是**螳臂当车**，

终将会自取灭亡，想要阻止解放军进入太平洋更是**痴人说梦** / 28 сентября тайваньские власти спустили на воду первую самостоятельно разработанную подводную лодку, названную «Хайкунь». Тайвань активно раздувает шумиху вокруг этого события. Представитель Министерства обороны Китая У Цянь заявил, что это похоже на то, как «**богомол плечом задерживает колесницу**», что в конечном итоге приведёт к самоуничтожению. Делать попытки помешать Народно-освободительной армии Китая выйти в Тихий океан – всё равно что «**разговаривать с чудаком во сне**» (Ведущий пересказывает выступление У Цяня, «China's Public Opinion Field», 01.10.2024). 螳臂当车：比喻不自量力 / «Богомол плечом задерживает колесницу»: пытаться сделать непосильное [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 1406]. 痴人说梦：原指对傻子说梦话而被傻子当成真话。现用来讥讽那些天真幼稚的说法 / «Разговаривать с чудаком во сне»: изначально выражение означало говорить с глупцом во сне. Сейчас оно используется для насмешки над наивными и незрелыми высказываниями [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 237].

最后对伊朗会有一个比较大的作用，另外他还讲一件事儿呢，就是引发内战，因为这个胡塞武装和也门政府军一家一半，**井水不犯河水** / Хуситские вооружённые силы и армия правительства Йемена находятся в противостоянии – «**колодезная вода речной не помеха**» (Ду Вэньлун, «China's Public Opinion Field», 14.01.2024). 井水不犯河水：互不干扰 / «Колодезная вода речной не помеха»: не мешать друг другу [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 785].

爱国者（导弹）根本就够不到，你说拿着朝鲜说事儿，他更多的是这个**明修栈道，暗度陈仓** / Патриот ЗРК вообще не могут достичь цели, а когда говорят о Северной Корее, это скорее «**на виду чинят деревянные мостки, а на самом деле скрытно заходят в Чэньцан**» [Тэн Цзяньцюнь, «Цзиньжи Гуаньчжу», 25.04.2024).

明修栈道，暗度陈仓：比喻以明显的行动迷惑麻痹对方，暗中采取另一行动以达到某种目的 / «На виду чинят деревянные мостки, а на самом деле скрытно заходят в Чэньцан»: совершать явные действия, чтобы запутать и усыпить бдительность противника, при этом тайно предпринимать другие шаги для достижения определённой цели [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 998].

我们现在要关心的是特朗普的极限施压会不会**殃及池鱼**，会不会这个胁迫正在致力于和伊朗改善关系的中东阿拉伯国家跟美国一道，那么去调整自己的外交政策，站在美国的一边去反对伊朗 / Сейчас нас следует задуматься о том, не приведёт ли экстремальное давление Трампа к тому, что «пожар в городе» (**когда пожар в городе, даже рыбе в пруду приходится плохо**) затронет арабские страны Ближнего Востока, которые стремятся улучшить отношения с Ираном, и не заставит ли их пересмотреть свою внешнюю политику, чтобы объединиться с США и выступить против Ирана (Е Хайлинь, «China's Public Opinion Field», 10.11.2024).

城门失火，殃及池鱼：为救城门的失火，取用护城河里的水，护城河干了，致使鱼遭了殃。比喻无辜被牵连而遭受灾祸或损失 / Когда пожар в городе, даже рыбе в пруду приходится плохо: чтобы потушить пожар у городских ворот, используют воду из защитного рва, в результате чего ров высыхает, а рыба страдает. Это фразеологизм обозначает невинных, которые оказываются втянутыми и подвергаются бедствиям или ущербу [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 228].

包括网友所关注到的为什么布林肯的中东行程是**抱薪救火**，因为美国是要转移自己的压力 / Включая внимание пользователей сети к тому, почему поездка Блинкена на Ближний Восток – это «**тушить огонь охапкой хвороста**», потому что США пытаются снять с себя давление (Су Сяохуэй, «China's Public Opinion Field», 14.01.2024). 抱薪救火：比喻解决问题的方法不对，反而使后果更严重 / «Тушить огонь охапкой хвороста» означает, что метод решения проблемы неправильный и в результате ситуация становится ещё более серьёзной [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 70].

Таким образом, фразеологизмы, как наиболее часто используемые образные единицы в китайских политических ток-шоу, не только помогают политикам передавать свои взгляды, но и способны через яркие и образные выражения вызывать эмоциональные реакции у зрителей. Эти краткие и выразительные языковые средства делают сложные политические вопросы более наглядными и понятными, а также усиливают эмоциональную окраску и создают определённую атмосферу.

Образные сравнения и метафоры составляют значительную часть (32,6%) образных единиц, используемых в медиаполитических программах, что указывает на стремление участников китайских политических ток-шоу делать сложные концепции более выразительными и наглядными. Например,

包括英国自己承认自己现在在乌克兰派驻地面人员去，哪怕是当教官，这种可能性都不大。这个沙普斯可能只是作为这次访问的时候释放的一个**烟雾弹** / Это включает в себя маловероятность того, что Великобритания сама признаёт, что она сейчас отправляет наземный персонал на Украину, даже в качестве инструкторов. Шаппс может быть использован в качестве **дымовой завесы**, которая будет выпущена в связи с этим визитом (Е Хайлинь, «China's Public Opinion Field», 01.10.2024).

国台办发言人朱宏莲表示，民进党当局此举暴露出他们妄图推高两岸对立对抗，甘当外部势力**棋子**，致广大台湾同胞安危而不顾的险恶用心 / Пресс-секретарь Государственного совета Китая по делам Тайваня Чжу Хунлянь заявила, что действия властей ДПП раскрывают их намерение усугубить противостояние между двумя берегами Тайваньского пролива, стать **пешками** внешних сил и игнорировать безопасность широких слоёв тайваньских соотечественников ради своей злонамеренной цели (Ведущий пересказывает выступление Чжу Хунлянь, «China's Public Opinion Field», 01.10.2024).

这次布林肯访华，中美在沟通的时候再次强调台湾问题是中国的内政，这是中美关系的第一条红线，明确我们的底线和红线，所以美国试图**走钢丝**来这个尽可能的扩大自己的战略利益 / Этот визит Блинкена в Китай… Китай и США в общении снова подчеркнули, что вопрос Тайваня является внутренним делом Китая, что является первой красной чертой в отношениях между Китаем и США, чёткой нашей нижней и красной чертой, поэтому США пытаются **идти по этому канату** как можно дальше, чтобы расширить собственные стратегические интересы. Су Сяохуэй, «China's Public Opinion Field», 28.04.2024).

美国对台军售往往也只希望的是美国所谓的武装台军，把这个台军打造成**刺猬**，来使这个解放军在台海地区采取行动的时候遭遇更多的阻碍 / Американские продажи оружия Тайваню также часто направлены на то, что США называют вооружением тайваньской армии и превращением её в ежа, чтобы НОАК сталкивалась с большим

количеством препятствий при действиях в районе Тайваньского пролива. Су Сяохуэй, «Цзиньжи Гуаньчжу», 07.03.2024).

围绕着哈尼亚被暗杀事件，中东这个报复行动有可能会**像滚雪球**一样从不同方向逐渐展开/ Вокруг убийства Хании ответная акция на Ближнем Востоке может развиваться, **как снежный ком**, постепенно расширяясь с разных направлений (Ду Вэньлун, «China's Public Opinion Field», 11.08.2024).

Таким образом, примеры таких образных сравнений и метафор, как «дымовая завеса», «пешка внешних сил», «идти по канату», «превращать армию в ежа» и «как снежный ком», позволяют зрителям лучше понять политические ситуации через яркие и запоминающиеся образы. Эти образные единицы не только упрощают восприятие информации, но и усиливают эмоциональное воздействие, добавляя выразительности политической дискуссии.

В российских политических ток-шоу фразеологизмы также становятся наиболее употребляемым средством образности – 33,8%. Этот факт подчёркивает важную роль фразеологизмов в передаче политической информации. Например:

А вот такой пост от столь влиятельного человека, как Вы, боюсь может только **лить воду на мельницу** сторонников Саакашвили, усиливать во мне любовь к России, но и в какой-то степени подрывать ту дипломатию мягкой силы, о которой у нас много говорят. В общем, простой вопрос (Максим Юсин, «Право знать», 18.03.2023). «Лить воду на мельницу»: кого, чью. Косвенно помогать, содействовать своим поведением, своими действиями и т. п. кому-либо (обычно противной, другой стороне) в чём-либо [Молотков, 1978, с. 227].

Это сам собой происходит процесс или специально, этих самых таких **шутов гороховых**, которые сдают типа Бориса Джонсона, либо такие как Шольцы, которые просто сдают национальный интерес своего государства (Виталий Третьяков, «Право знать», 11.03.2023). «Шут гороховый»: пустой человек; чудак, служащий всеобщим посмешищем [Молотков, 1978, с. 536].

Является ли это, может быть, попыткой западного истеблишмента **вбить** определённый **клин** в отношениях между Россией и Китаем или же действительно в этих отношениях всё не так радужно, как нам кажется? (Малек Дудаков, «Право

знать», 14.01.2023). «Вбить клин»: разобщать кого-либо, делать чуждыми, враждебными друг другу [Молотков, 1978, с. 56].

У нас сейчас, моя лично точка зрения, с Америкой война, а точнее, со всей той большой империей, которую собрала нынешняя политическая Америка из всех, кто оказался достаточно неустойчивым, слабым или кому можно **выкрутить руки** для того, чтобы они не сопротивлялись (Сатановский Евгений Янович, «Право знать», 04.03.2023). «Выкручивать руки»: насильно заставлять повиноваться. Образ фразеол. содержит антропно-физическую (деятельностную) метафору [Телия, 2006, с. 146].

Это практически говорит о том, что на следующий год Украина будет нищей, **как церковная мышь**, у неё нет ничего, и Георгиевна говорит, что местные затраты очень страшные, 3–4 миллиарда нужно как минимум, но кто их даст (Владимир Скачко, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 13.10.2022). «Беден как церковная мышь»: об очень бедном человеке [Фёдоров, 2008, с. 384].

Как и в китайских программах, употребление фразеологизмов в российских политических ток-шоу помогает сделать сложные политические процессы и стратегические взаимодействия более доступными для широкого круга слушателей, а также подчёркивают ключевые моменты политических конфликтов и стратегических маневров.

В отличие от китайских политических ток-шоу, в российских программах значительно выше доля просторечий и грубых выражений (21,4%), что указывает на предпочтение использования более прямых, резких выражений и эмоционально окрашенного языка для вызова реакции зрителей. Например:

Вот они сейчас продолжают тихонько **хапать**, потому что в Белгородской области – там творог, а у тебя всё есть ли, что у них (Юлия Витязева, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 13.10.2022).

Но суть в том, что тогда ООН стала местом, где сталкивались интересы двух держав – Советского Союза и Соединённых Штатов, и никогда там не было международного права. Это всё **придумки**, глупости (Дмитрий Дробницкий, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 13.10.2022).

Мы каждый год официально ведём её на самом высоком уровне, с Турцией объём торговли составляет 6,5 миллиарда долларов. Они показывают нам полтора миллиарда до этих событий. Вакуум, мы **вбухали** 20 миллиардов (Семён Багдасаров, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 13.10.2022).

Вот это, так сказать, драконово семя, которое пошло ещё во власть и которое долго готовилось в 50-е годы. Вот эту всю тему и по этому поводу – ненависть зрела крайне давно. Сейчас там сконцентрировались **подонки** общества, которые оставшееся гражданское населения кошмарят, как говорится (Александр Артамонов, «Время покажет», 06.06.2023).

Глупость, в том числе Шимона Переса, человека безумно наивного, который хотел только хорошего, но было очень хитёр, да интриган. Но старый **дурак** (Евгений Сатановский, «Право знать», 20.05.2023).

Просторечия и бранные выражения, такие как «хапать», «вбухать», «глупости», «подонки» или «старый дурак», создают атмосферу откровенности и бескомпромиссности, что делает обсуждение политических вопросов более прямолинейным и эмоционально насыщенным. Эти элементы языка помогают создавать более острые и яркие политические высказывания, направленные на то, чтобы привлечь внимание и вызвать эмоциональный отклик аудитории. В таком контексте грубые выражения не только усиливают риторическую нагрузку, но и служат инструментом манипуляции общественным мнением, стимулируя поляризацию взглядов и активизацию дискуссий.

Отметим, что прецедентные феномены занимают определённую долю в политических ток-шоу обеих стран (в Китае 18,9%, в России 13,8%), что свидетельствует о том, что обе страны уделяют внимание ссылкам на исторические события или классические примеры для повышения авторитетности своей речи. Например:

Что нам наглядно демонстрировалось, говоря, что вот **Европа – это цветущий сад, а вокруг – джунгли**, либо, не знаю, тайга, по которой лихо ходит человек. Соответственно, это не всё пересказ мирного **Майдана**, **«Миф**

двадцатого века» Розенберга, либо речей **Геббельса** (Александр Камкин, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 13.10.2022).

Какие системы связи, управления? То есть это всё то, что вот собрано, как **Франкенштейн**. Вот этот **Франкенштейн** периодически допускает такие вещи (Владислав Шурыгин, «Время покажет», 05.05.2023).

美国的长臂管辖居然已经伸到体育界了，正所谓**手莫伸，伸手必被捉**。美国的这种做法其实也得到了国际社会的反感和反对 / Американская экстерриториальная юрисдикция, оказывается, уже распространилась на сферу спорта. Как говорится, «**рука не должна быть длинной, а если протянута, то её обязательно схватят**». Такие действия США вызвали недовольство и протест со стороны международного сообщества (Лу Цзянь, «China's Public Opinion Field», 11.08.2024).

对于拜登来说，他会念念不忘的是 **911 事件**之后，小布什的支持率一度飙升到 90%，这就是大选年的诱惑 / Для Байдена важным моментом будет то, что после **событий 11 сентября** поддержка Джорджа Буша-младшего стремительно выросла до 90%, и это стало соблазном выборного года (Су Сяохуэй, «China's Public Opinion Field», 14.01.2024).

Прецедентные феномены играют заметную роль в политических ток-шоу Китая и России, позволяя ораторам опираться на исторические события и культурные образы для повышения убедительности и авторитетности своих высказываний. Их использование способствует не только усилению аргументации, но и созданию общего культурного кода, понятного аудитории.

В целом, использование образных единиц в политических ток-шоу Китая и России отражает культурные особенности и дискурсивные стратегии каждой страны. В китайских политических ток-шоу участники больше внимания уделяют культурному наследию языка и логичности выражений, используя фразеологизмы, образные сравнения и метафоры для усиления воздействия речи, но избегая эмоциональных споров. Эти выразительные средства направлены на выстраивание рациональной и гармоничной картины мира, где используются сдержанные, но мощные образы, чтобы убедить аудиторию в обоснованности политической позиции. Важным элементом является также использование выражений, которые,

несмотря на свою образность, не перегружают речь эмоционально, сохраняя при этом логическую стройность. В российском политическом ток-шоу, помимо указанных характеристик, добавляется эмоциональная напряжённость дебатов и конфликтность с использованием ироничного языка и жаргона для усиления напряжённости программы и привлечения внимания зрителей. Эмоциональная напряжённость и конфликты, выстраиваемые через такие выражения, служат не только для привлечения внимания, но и для создания впечатления динамичного, резкого политического климата. В таких ток-шоу часто используются грубые метафоры и сарказм, что создаёт определённую контрастность между официальными, нейтральными позициями и резкими высказываниями, усиливая поляризацию мнений.

2.3.2 Телевизионные и интернет-интервью с политиками

Политическое интервью может пониматься в широком и узком значении. Обозначение «политическое интервью» в широком аспекте обусловлено его политической тематикой, журналист может вести разговор о политике с любым человеком, мнение которого представляется ему интересным, актуальным. В узком плане политическое интервью-диалог – это разговор журналиста с политиком [Мкртчян, 2004, с, 17]. По мнению автора данного исследования, узкое и широкое понимание термина не противоречат друг другу, а лишь подчёркивают свойство гибридности политического интервью. Важно отметить, что гибридность этого жанра позволяет ему сочетать черты как информационного, так и аналитического общения.

С одной стороны, интервью может использоваться для передачи общественности актуальной политической информации, а с другой – для обсуждения глубоких социальных и политических вопросов, что делает его универсальным инструментом политической коммуникации. В рамках данного исследования используется понятие «телевизионные и интернет-интервью с политиками» для более глубокого изучения медиатизации политических интервью.

Этот формат включает беседы политиков с журналистами в рамках телепрограмм, публикации в журналах и онлайн-изданиях, а также републикации интервью на различных интернет-платформах. Подобное распространение демонстрирует процессы медиатизации, где информация адаптируется и расширяет своё влияние, достигая более широкой аудитории через различные медиаформаты. Этот жанр обладает повышенным потенциалом воздействия на аудиторию. В процессе интервью политики имеют возможность шире использовать потенциал своей речи, жесты и интонацию, чтобы эмоционально воздействовать на слушателей и формировать необходимые говорящему оценки, мнения и впечатления. Кроме того, использование этого медиажанра позволяет формировать образ политиков, оказывать влияние на общественное мнение и способствовать налаживанию продуктивного диалога с обществом. Осознание возможностей, предоставляемых этим жанром, становится важным аспектом для политиков, журналистов и общества в целом.

В данном разделе собраны тексты – 101 фрагмент – телевизионных и интернет-интервью с политиками. Количество используемых образных единиц – 139. Если сравнивать количество текстов с числом образных единиц, то в телевизионных и интернет-интервью с политиками частота использования образных единиц относительно ниже, чем в политических ток-шоу и блогах политиков. Из 101 фрагмента 53 были взяты из российских телевизионных и интернет-интервью с политиками, в качестве источников были выбраны эксклюзивные интервью для ТАСС, а также интервью с Такером Карлсоном. 48 текстов были взяты из китайских телевизионных и интернет-интервью с политиками, включая интервью в «Хуаньцю шибао», «Гуаньча» и Al Jazeera, а также переведённые и опубликованные интервью политиков на сайте «Хуаньцю шибао», «Синьхуа», «Жэньминь». Кроме того, в определении автором исследования понятия «политик» учитываются и дипломаты, поэтому в анализ были включены тексты некоторых пресс-конференций и брифингов, которые также относятся к категории телевизионных интервью с политиками. Источниками этих текстов стали опубликованные материалы на платформах «Синьхуа»,

«Жэньминь» и «Хуаньцю». На рисунке 6 показана доля использования образных единиц в текстах телевизионных и интернет-интервью с политиками.

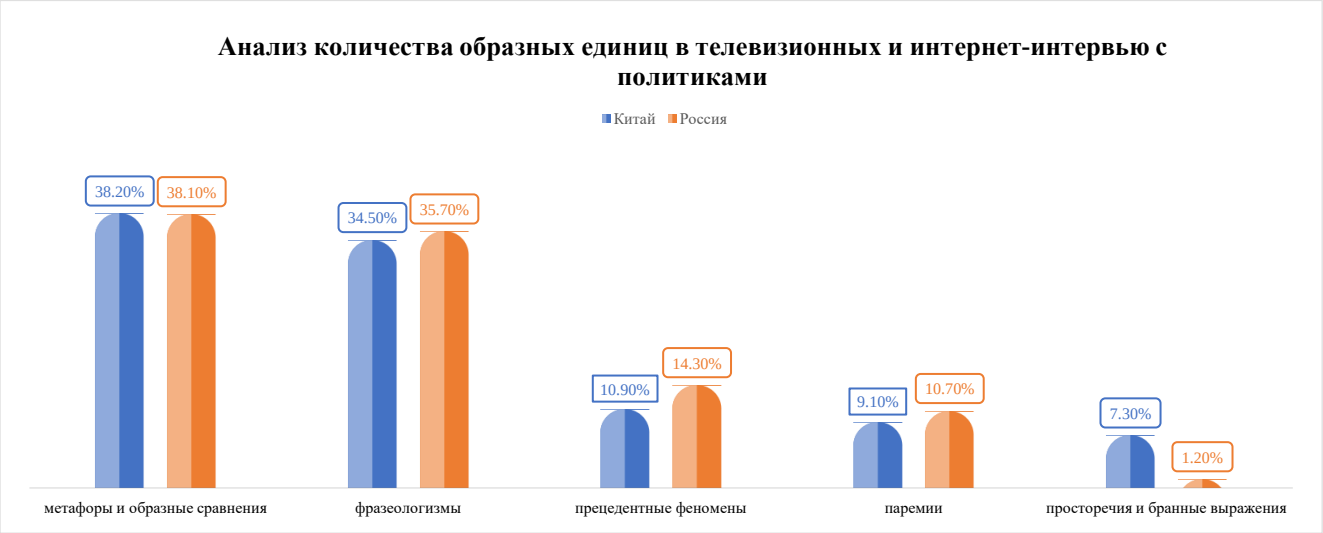

Рисунок 6 – Анализ количества образных единиц в телевизионных и интернет-интервью с политиками

Анализ данных показывает, что в китайских и российских телевизионных и интернет-интервью с политиками образные сравнения и метафоры, фразеологизмы занимают доминирующее положение, их использование значительно выше, чем у других типов образных единиц. Это показывает, что в китайских и российских телевизионных и интернет-интервью с политиками метафоры и образные сравнения, фразеологизмы, как образные единицы, широко используются для усиления выразительности и влияния политической речи. Например:

Исторически США во внешней политике стремились создать какие-то проблемы, а затем смотреть, могут ли они «**поймать рыбу в мутной воде**» (Интервью С. Лаврова Т. Карлсону, 06.12.2024). «Ловить рыбу в мутной воде»: извлекать для себя пользу из чьих-либо затруднений, корыстно пользоваться какими-либо неурядицами, беспорядками, неясностью обстановки [Фёдоров, 2008, с. 350].

Прочность российско-индийских отношений стоит как **кость в горле** у Запада. Но ничего поделать с этим он не может (Интервью Дениса Алипова

агентству «ТАСС», 14.03.2024). «Кость в горле»: кто-либо или что-либо мешает, досаждает в чём-либо [Фёдоров, 2008, с. 317].

Они в принципе согласились, но тем менее всё равно против этой площадки. Вы понимаете, получается так, что **находит коса на камень**: что Сирия, Дамаск, что сирийская оппозиция – они отвергают те площадки, которые предлагаются (Интервью Александра Лаврентьева агентству ТАСС, 14.11.2024). «Нашла коса на камень»: столкнулись непримиримые стороны, различные взгляды, интересы, характеры и т. п [Фёдоров, 2008, с. 316].

中方的立场归结起来一句话，就是劝和促谈。一年来，我们没有**袖手旁观**，从不**火上浇油**，更反对**趁火打劫** / Позиция Китая сводится к одной фразе: содействовать миру и способствовать переговорам. В течение года мы не **сидели сложа руки**, никогда не **подливали масла в огонь** и тем более не выступали против того, чтобы **пользоваться чужим пожаром для грабежа** (Интервью Ван И, «Жэньминь жибао», 22.02.2023). 袖手旁观：把双手插在袖子里，在一旁观看 / «Сидеть сложа руки» означает засунуть руки в рукава и наблюдать со стороны [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 1631]. 火上浇油：往火上浇油，使火更旺，比喻使人更加恼怒或使事态更加严重 / «Подливать масла в огонь» означает сделать огонь ещё сильнее; это метафора, обозначающая действие, которое вызывает ещё большее раздражение у людей или усугубляет ситуацию [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 677]. 趁火打劫：趁人家失火的时候去抢人家的东西。比喻在别人遇到危难之时乘机捞取好处 / «Пользоваться чужим пожаром для грабежа» означает воспользоваться ситуацией, когда у кого-то случился пожар, чтобы украсть его имущество. Это метафора, которая описывает извлечение выгоды из бед или трудностей других людей [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 219].

81%的美国民众认为美国民主面临来自国内的严重威胁，这再次说明失去民众支持的美式民主早已是**无源之水，无本之木** / 81% американцев считают, что демократия в США сталкивается с серьёзной угрозой внутри страны, и это снова подтверждает, что потерявшая поддержку народа американская демократия уже давно «**как река без истоков, как дерево без корней**» (Интервью Чжао Лицзяня, репост «Хуаньцю», 03.12.2021). 无源之水，无本之木：比喻没有基础的事物 / «как река без истоков, как

дерево без корней»: метафора, означающая вещи, не имеющие основы [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 1535].

Вот несколько примеров использования образных сравнений и метафор в телевизионных интернет-интервью с политиками:

台湾本来是一只受大家欢迎的“**和平鸽**”，为何要成为“**刺猬**”？为何要挑起战争 / Тайвань изначально был любимой «**голубкой мира»**, почему же он стал «**ежом»**? Почему он должен провоцировать войну (Интервью Хун Сючжу, «Хуаньцю жибао», 11.10.2020).

赵立坚同时指出，中美在具体领域的合作不是“**温室里的花朵**”，必然与整体中美关系息息相关 / Чжао Лицзянь также отметил, что сотрудничество Китая и США в конкретных областях не является «**цветком в теплице»**, оно неизбежно связано с общей картиной китайско-американских отношений (Интервью Чжао Лицзяня, репост «Хуаньцю», 28.01.2021).

Мир хочет строить отношения по-другому. Он хотел бы оставаться на принципах международного права. Но коль скоро Вашингтон, как какой-то маньяк из собственного же голливудского кино, то с газонокосилкой, то с пилой, то с каким-то топором всё изничтожает, соответственно, мир вынужден искать новые формы взаимодействия. И эти формы такие, как БРИКС, а не такие, как НАТО (Интервью М. Захаровой агентству «ТАСС», 08.09.2024).

Тенденции развития мира и мировой экономики такими являются, о которых сейчас сказал, и это неизбежно. Это будет происходить и дальше: **как солнце встаёт** – помешать невозможно, надо к этому приспособиться (Интервью Владимира Путина Такеру Карлсону, 06.12.2024).

Кроме того, прецедентные феномены и паремии широко используются, и через цитирование исторических событий или социальных обычаев можно усилить достоверность и убедительность аргументации. Например:

Для этого нужно общаться с журналистами, [будь они] из недружественных стран или из дружественных, из мейнстримовых СМИ или оппозиционных, или объективных, сохраняющих именно традиции журналистики. Нужно каждый раз смотреть, о ком идёт речь и, исходя из эффективности, принимать

соответствующее решение. Но, безусловно, есть СМИ, которые себя абсолютно дискредитировали. Мы долго и много об этом говорили. И началось это отнюдь не с 2022 года. [Мы] всех предупреждали, что это за **волк в овечьей шкуре** (Интервью М. Захаровой агентству «ТАСС», 09. 06.2024). Крылатое выражение «волк в овечьей шкуре»: из Библии. В Евангелии от Матфея (гл. 7, ст. 15) сказано: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». Иносказательно: о лицемере, о коварном человеке, который притворяется добрым, благодушным [Серов, 2004, с. 135].

Но Россия не могла не поднять голоса за сербов, потому что сербы – это тоже особая, близкая к нам нация, православная культура и так далее. Ну такой многострадальный народ в течение поколений. Ну не важно, а важно то, что Ельцин высказался в поддержку. Что сделали Соединённые Штаты? В нарушение международного права, Устава ООН начались бомбардировки Белграда. Соединённые Штаты **выпустили этого джинна из бутылки** (Интервью Владимира Путина Такеру Карлсону, 09.02.2024). Крылатое выражение «выпустить джинна из бутылки»: из сборника арабских народных сказок «Тысяча и одна ночь». Иносказательно: своими неразумными действиями положить начало неуправляемому и очень опасному процессу [Серов, 2005, с. 164].

我还是要强调，“民意如流水，**水能载舟，亦能覆舟**”，民心是有可能随之改变的 / Я всё же хочу подчеркнуть: Общественное мнение подобно воде – «**вода может нести лодку, а может и перевернуть её**», и настроения людей могут со временем измениться (Интервью Хун Сючжу, репост «Хуаньцю», 11.10.2020). «Вода может нести лодку, а может и перевернуть её» происходит из трактата «Сюнь-цзы. Правление царя». Китайский император (с 627) династии Тан – Ли Ши-минь (храмовое имя – Тай-цзун) часто использовал эту фразу, чтобы наставлять окружающих, и со временем она стала его «крылатым выражением».

美国是个很大的国家，“**林子大了什么鸟都有**”，有各种各样的人，也有各种观点，这本身并不奇怪。但是你如果仔细看一下，你会发现那些非常极端的反华的人根本就没来过中国，他不知道真实的中国是什么样子的，也不了解中国的历史、中国的文化、中国的老百姓在想什么，他就完全从主观出发 / Америка – большая страна, и, как говорится, «**в большом**

лесу всякие птицы водятся». Там есть самые разные люди и самые разные мнения, и это само по себе неудивительно. Но если вы посмотрите внимательнее, то заметите, что многие из тех, кто крайне негативно настроен к Китаю, никогда даже не бывали в этой стране. Они не знают, какой Китай на самом деле, не понимают его истории, культуры, а также того, что думают простые китайцы. Их мнение полностью основывается на субъективных суждениях (Интервью Цуй Тянькая, репост «Гуаньча», 04.11.2023).

俗语《林子大了，什么鸟都有》:指树林大了，有益鸟也就有害鸟，有善鸟也就有恶鸟，各种各样的鸟儿都有。比喻人多了，少不得就有邪恶的人 / Поговорка «в большом лесу всякие птицы водятся»: означает, что в большом лесу есть как полезные птицы, так и вредные, как добрые, так и злые, встречаются самые разные птицы. Это метафора, подразумевающая, что среди большого количества людей неизбежно будут встречаться и порочные [Вэнь Дуаньчжэн, 2014, с. 283].

И это не произошло, потому что была, опять же, видимо, **фига в кармане**. Они не собирались это делать. Они выматывали наши возможности. Они бесконечно ставили условия, мы бесконечно под них подстраивались. А на самом деле, видимо, они не собирались давать нам безвизовый режим, полагая, что политически им это не нужно. И не допуская, чтобы мы действительно становились некой единой общностью, пространством для туризма, для передвижения и так далее (Интервью Марии Захаровой «ТАСС», 17.06.2023). Поговорка «фига в кармане»: 1. О полном отсутствии денег, материальных средств. 2. О трусливой, обычно не высказанной угрозе, возражении кому-л. или несогласии с кем-л. [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 700]. Эти образные единицы служат эффективным инструментом для аргументации и вовлечения аудитории.

В отличие от политических ток-шоу и блогов политиков, в телевизионных и интернет-интервью с политиками реже используются просторечия и бранные выражения. Политики обычно опираются на рациональный анализ, логические аргументы и объективные данные, чтобы подкрепить свои взгляды, что помогает повысить их доверие и убедительность. В таком формате общения политики склонны использовать более точную и корректную лексику, избегая негативных

последствий от резких высказываний. Однако в случаях выражения крайнего гнева также могут быть использованы эмоционально окрашенные лексемы. Например:

И что теперь? Спустя 80 лет находятся буквально эти самые бесславные **ублюдки**, которые вспоминают, как они говорят, «старый добрый люфтваффе», его военный боевой опыт, и думают о том, как снова принести беду, страшную трагедию людям, над которыми их предки глумились 80 лет назад (Интервью Марии Захаровой агентству ТАСС, 05.03.2024).

Таким образом, образные сравнения и метафоры, а также фразеологизмы являются важными средствами выражения в телевизионных и интернет-интервью с политиками, подчёркивая значимость образных выражений в политической коммуникации.

Они не только помогают передавать информацию, но и вызывают эмоциональный отклик у аудитории, усиливая влияние политической речи. Прецедентные феномены и паремии обладают глубоким культурным и историческим значением и также нашли своё место в речи, в то время как использование оскорблений ограничено влиянием общения в неформальном стиле.

Данное исследование помогает глубже понять различия в языковых стилях политических интервью в Китае и России и раскрывает, как медиатизированный политический дискурс может влиять на восприятие и эмоциональные реакции публики через использование образных единиц.

2.3.3 Интернет-блог политиков

Блог (англ. *blog*, от *web log* – сетевой журнал или дневник событий) – небольшой интернет-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи, изображения или мультимедиа, с очень простой системой управления и возможностью обратной связи с читателями, т. е. для блогов характерна возможность публикации отзывов («комментариев», «комментов») посетителями [Евсюкова, Гермашева, 2015, с. 234]. Блоги также предлагают «возможность получить немедленный отклик на размещаемую информацию,

сокращая дистанцию общения и стирая грань между приватной и публичной коммуникацией» [Карасик, 2018, с. 164], что способствует активному расширению многообразных форм политических практик. В связи с этим изменяются привычки аудитории в потреблении информации: всё меньшее количество людей используют традиционные СМИ. Блоги, как представители новых медиа» [Богуславская, Богуславский, 2017, с. 52] – это канал политической коммуникации, который обычно доступен для любого пользователя Интернета и характеризуется высокой скоростью распространения информации, активной обратной связью, публичностью и особым характером передаваемой информации.

Интернет-блог, как жанр компьютерного дискурса, может рассматриваться как разновидность медиадискурса. Интернет-блоги политиков, в свою очередь, затрагивают актуальные политические темы, формируют общественное мнение и активно участвуют в процессах политической коммуникации. Таким образом, блог можно считать жанром медиатизированного политического дискурса, поскольку он совмещает в себе медийную форму существования и политическую тематику. В контексте блогов на политические темы использование образных единиц способствует увеличению экспрессивности и привлекательности текста, что делает его более выразительным. Кроме того, такой подход помогает прояснить сложные политические события, что делает взгляд автора более понятным для читателей.

Блоги российских политиков в основном активны на платформе «Telegram». В рамках данного исследования были собраны тексты (71 фрагмент), содержащие 116 образных единиц. В то же время среди китайских политиков только дипломаты ведут свои блоги, которые преимущественно публикуются на зарубежных платформах социальных сетей. Тем не менее, эти блоги с образными выражениями также вызвали широкий интерес со стороны отечественных и зарубежных СМИ. Данные для настоящего исследования были собраны из блогов китайских политиков, опубликованных за последние пять лет на платформах таких сетей, как «Синьхуа», «Жэньминь», «Хуаньцю», «Тэнсюнь» и «Гуаньча». Всего было проанализировано 23 текста, содержащих 30 образных единиц. Несмотря на относительно небольшое количество текстов китайских политиков, они имеют

определённую ценность для исследования образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе. На рисунке 7 представлена доля использования образных единиц в блогах российских и китайских политиков.

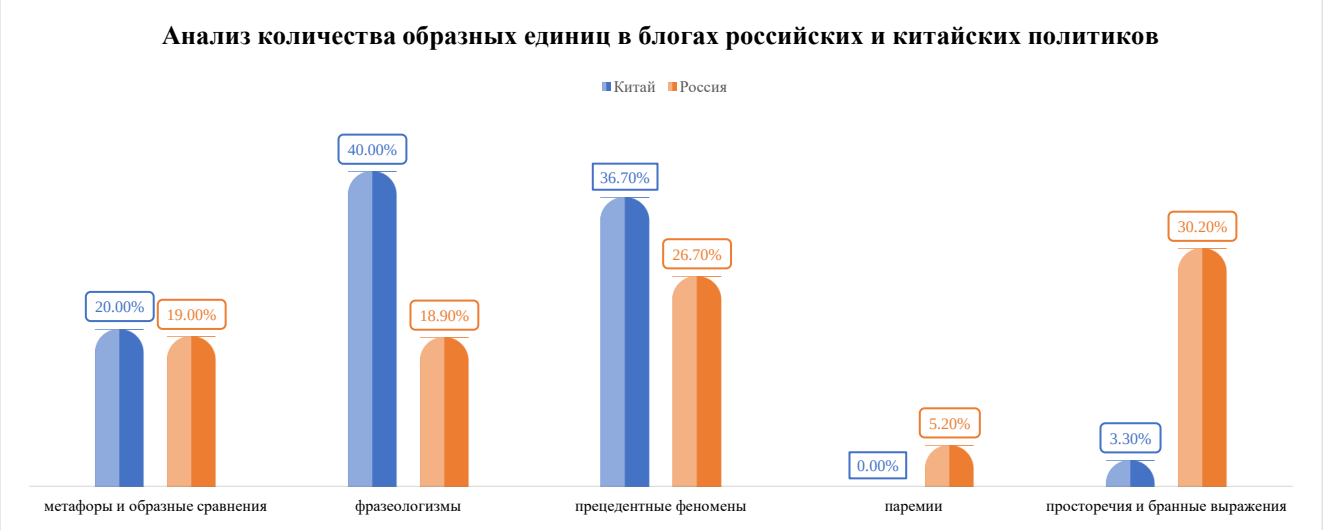

Рисунок 7 – Анализ количества образных единиц в блогах российских и китайских политиков

Анализ показывает, что в блогах китайских и российских политиков метафоры и образные сравнения, фразеологизмы, а также прецедентные феномены являются тремя наиболее часто встречающимися образными единицами. Это свидетельствует о склонности политических блогов к использованию выразительных языковых средств для передачи информации. Паремии используются относительно редко, причём в блогах китайских политиков они не обнаружены, что, возможно, связано с небольшим объёмом собранного корпуса. Примечательно, что просторечия и бранные выражения в российских блогах занимают наивысший процент среди трёх жанров, что объясняется особенностями блогов как прямого и индивидуализированного медиума коммуникации. Далее рассмотрим, как эти образные единицы используются в блогах политиков.

В блогах китайских и российских политиков доля использования метафор и образных сравнений примерно одинакова (20% в китайских блогах и 19% в российских). Посредством метафор и образных сравнений сложные политические

концепции или политики могут быть представлены в простой и понятной форме. Например, рисунки 8, 9:

如果你唯一的工具是**锤子**，那么所有东西看起来都像**钉子**” / Если твой единственный инструмент – это молоток, то всё вокруг будет казаться гвоздями (Блог Хуа Чуньин, репост «Синьхуа», 04.03.2024).

Рисунок 8 – Сообщение Хуа Чуньин в ответ на заявление министра торговли США Джины Раймондо

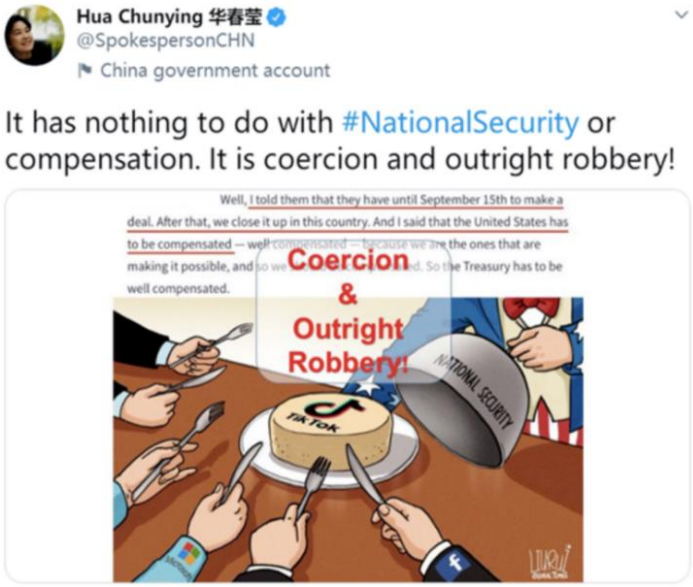

Рисунок 9 – Блог Хуа Чуньин, перепечатанный на сайте «Хуаньцю» из зарубежных социальных сетей

这（指 TikTok 收购案）与国家安全或者补偿无关。这是胁迫和公然抢劫”／Это (имеется в виду сделка с TikTok) не имеет отношения к национальной безопасности или компенсации. Это шантаж и откровенный грабёж (Блог Хуа Чуньин, репост «Хуаньцю», 03.09.2020). Метафора «TikTok – торт» вызвала появление новой образной единицы – прецедентного высказывания. Один из пользователей сети в своём комментарии так процитировал «знаменитую» фразу госсекретаря США Майка Помпео: «**Мы лжём**: TikTok представляет угрозу национальной безопасности. **Мы обманываем**: Нет, я не могу показать вам доказательства. **Мы воруем**: TikTok должен быть продан нам, иначе его заблокируют».

Опять отличился своей мудростью Боррель. На сей раз он назвал Россию **экономическим карликом**, заправочной станцией с атомной бомбой (Григорий Карасин, Telegram, 19.08.2023).

Как инструмент передачи политической информации, политики в блогах также часто используют фразеологизмы и прецедентные феномены для усиления воздействия своих высказываний. Эти образные выражения не только делают политическую речь более яркой и запоминающейся, но и помогают политикам выразить чёткую позицию по сложным вопросам. Например:

Значение **событий 1993 года** в том, что нужно извлекать уроки из своих ошибок и не повторять их. А если эти ошибки будут повторяться, то расплата будет очень-очень тяжёлой. До сих пор ещё мало у кого есть понимание, что следствием **ошибок и преступлений 1990-х** стала система, которая привела Россию туда, где мы сегодня находимся (Григорий Явлинский, Telegram, 22.09.2023).

蓬佩奥在尼克松总统图书馆的讲话表明他想把自己塑造成21世纪的**杜勒斯**，在一个全球化的世界对华搞新的**十字军东征**。他的所作所为形象地展现了什么叫‘**蚍蜉撼树**’／Речь Помпео в библиотеке президента Никсона показывает, что он хочет представить себя как Джон Фостер **Даллес** XXI века, начав новый **крестовый поход** против Китая в глобализированном мире. Его действия наглядно демонстрируют, что такое «**Муравей пытается пошатнуть большое дерево»**. Сейчас настало время для всех миролюбивых людей во всём мире встать и остановить его, прежде чем он причинит миру ещё больший вред (Блог Хуа Чуньин, репост «Гуаньча»,

27.07.2020). 蚍蜉撼树：蚂蚁想摇动大树。比喻力量很小而想动摇强大的事物，不自量力 / «Муравей пытается пошатнуть большое дерево»: это метафора для обозначения людей, которые не имеют большой силы и пытаются повлиять на масштабные вещи, не осознавая своих возможностей [Большой словарь чэнъюев Синьхуа, 2013, с. 1071].

Недопустимо кормить негодяев, **поливающих грязью** Россию, перечисляя им деньги за счёт наших граждан (Вячеслав Володин, Telegram, 05.03.2024). «Поливать грязью»: см. обливать. Незаслуженно оскорблять, порочить, обвинять в чем-либо предосудительном [Молотков, 1978, с. 338].

Режим Киева терпит поражения, подаяния дают, но как-то неохотно. Правда, разошёлся Сунак в претензиях на наши замороженные активы. Сначала хотят **наложить лапу** на проценты, а затем и вообще воровски присвоить сами российские активы (Григорий Карасин, Telegram, 25.02.2024). «Наложить лапу»: захватывать, присваивать что-либо [Фёдоров, 2008, с. 393].

В блогах российских политиков использование просторечий и бранных выражений становится уникальной чертой передачи политической информации, отражающей высокую степень индивидуальности и эмоциональной свободы. По сравнению с традиционными официальными каналами общения, блог предоставляет политикам более открытое пространство, позволяя им выражать свои мнения более прямолинейно и остро, а также взаимодействовать с читателями. Такой способ общения не только разрушает формальность и скованность языка, но и предоставляет политику возможность создавать более яркий и индивидуализированный публичный имидж, что, в свою очередь, усиливает его влияние в обществе.

Польская **мразь** по имени «Дуда» предложила пристрелить Россию, как бешеного зверя. И кто-то ещё надеется на переговоры с такими **ублюдками**? Нет смысла. И патрона на такое **говно** жалко. В XVII веке просто привезли бы эту **тварь** на Красную площадь и люто казнили четвертованием. Но мы гуманисты. Отомстим по-другому (Дмитрий Медведев, Telegram, 23.06.2023).

Выродки, совершившие этот чудовищный теракт, должны быть уничтожены (Вячеслав Володин, Telegram, 22.03.2024).

Всё это говорит о том, что политические элиты США за десятилетия **поднаторели** в умелом отвлечении внимания от резонансных преступлений и во всяческих инсценировках (Мария Захарова, Telegram, 24.03.2024).

Количество руководящих **идиотов** в натовских странах растёт. Один новоиспечённый **кретин** – министр обороны Британии – решил перенести английские курсы подготовки украинских солдат на территорию самой Украины (Дмитрий Медведев, Telegram, 01.10.2023).

В целом, блоги политиков представляют собой важную и открыто доступную платформу для распространения медиатизированной политической информации, где характеризуется ярко выраженная, порой резкая манера речи. Этот медиа-формат отличается особой гибкостью, позволяя политикам свободно выражать свои мысли и эмоции, что способствует более непосредственному и откровенному общению с аудиторией. В отличие от традиционных средств массовой информации, блоги политиков предполагают активное взаимодействие с читателями, которые могут оставлять комментарии, задавать вопросы и высказывать свое мнение. Это создаёт двустороннюю коммуникацию, усиливая демократичный характер политической дискуссии и позволяя политикам не только доносить свои идеи, но и прислушиваться к общественному мнению.

В данном разделе подчёркивается, что медиатизированный политический дискурс представляет собой уникальную разновидность политического общения, которая формируется через активное взаимодействие политических институтов, средств массовой информации и граждан на медиаплатформах. Особое внимание уделено анализу жанров медиакоммуникации, таких как телевизионные и интернет-интервью с политиками, политические ток-шоу и интернет-блоги. Эти жанры служат ключевыми площадками для реактивной дискурсивной практики, где политики вступают в диалог с обществом, а пользователи выражают свои мнения и реагируют на актуальные события. Исследование показало: основная цель телевизионных и интернет-интервью – это передача информации и выражение

политической позиции. Такие тексты обычно фокусируются на рациональности, ясности и краткости, стремясь предоставить зрителям точную информацию о политике или политических взглядах. Из-за формальности интервью политические фигуры в таких дискурсах склонны использовать сдержанный язык, чтобы обеспечить передачу информации без излишних образных средств. Поэтому использование образных единиц в таких текстах относительно невелико. В отличие от этого, в текстах политических ток-шоу и блогах язык чаще опирается на эмоциональный отклик и развлекательность, образный язык широко используется для усиления эмоционального выражения и привлечения внимания зрителей, что приводит к более частому использованию образных единиц в таких текстах.

2.4 Аттрактивная сущность образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе

В данном параграфе рассматриваются образные единицы как средство привлечения внимания и влияния на восприятие аудитории в политической коммуникации. Образность в этом контексте рассматривается как способ концептуализации, основанный на восприятии признаков объекта, при котором ведущую роль играет зрительное восприятие [Гольдберг, 2013, с. 64]. С использованием метода регистрации движений глаз (айтрекинга) анализируется, как образные единицы привлекают внимание аудитории и выполняют роль аттракторов смысла в медиатизированном политическом дискурсе. Видеорегистрация движений глаз (айтрекинг) является эффективным инструментом в задачах исследования процессов зрительного восприятия текста с экрана [Берлин Хенис и др., 2023, с. 123]. Цель исследования – выявить механизмы привлечения внимания и определить, какие характеристики способствуют их заметности и фокусировке внимания адресатов. Гипотеза заключается в том, что тексты, содержащие образные единицы, значительно сильнее привлекают визуальное внимание читателей, что проявляется в более длительном времени фиксации и большем количестве фиксаций. Эта гипотеза основана на том, что

образные единицы, будучи инструментом восприятия, обычно усиливают привлекательность текста за счёт ярких выразительных средств, что стимулирует более интенсивную когнитивную обработку. Результаты эксперимента необходимы для того, чтобы определить, в какой степени такие языковые конструкции могут выступать в роли смысловых и перцептивных аттракторов, способствующих усилению воздействия политического сообщения.

Аттрактивная сущность образных единиц проявляется в их способности привлекать и удерживать внимание, что, в свою очередь, способствует реализации следующих аспектов: а) эффективной передаче специальной информации; б) активизации восприятия информации; в) усилению информационной и аксиологической значимости; г) регулированию восприятия информации аудиторией. Это делает их важным инструментом в медиатизированном политическом дискурсе, позволяя формировать общественное мнение и укреплять определённые идеологические установки. Рассмотрим подробнее указанные выше аспекты.

1) Эффективная передача специальной информации.

Аттрактивная сущность образных единиц, проявляющаяся в их способности захватывать внимание, тесно связана с когнитивными механизмами восприятия. Благодаря визуальной выразительности и концептуальной наглядности такие единицы делают сложную или абстрактную информацию более доступной для понимания. Их способность упрощать интерпретацию позволяет воспринимать информацию быстрее и эффективнее.

С помощью эксперимента айтрекинга было проверено влияние факторов версии текста (контрольный, оригинальный, отредактированный) и расположения фиксаций в целевом фрагменте или вне его. Оказалось, что оба этих фактора значимо влияют на длительность фиксаций: версия и расположение – они взаимодействуют. Различия проявились следующим образом: в основных текстах длительность фиксаций на целевом фрагменте значимо выше, чем на остальном тексте (239,8±75,2 мс и 226,1±66,0 мс соответственно). Для отредактированных и контрольных текстов эти показатели не различались и практически совпадали с

таковыми для текста вне целевого фрагмента в основных текстах (отредактированный – 227,5±68,6 мс и 225,3±66,9 мс; контрольный – 229,1±70,5 мс и 226,0±66,5 мс соответственно). Таким образом, эффект удлинения фиксаций не распространялся вне целевого фрагмента текста в основных текстах (рисунок 10).

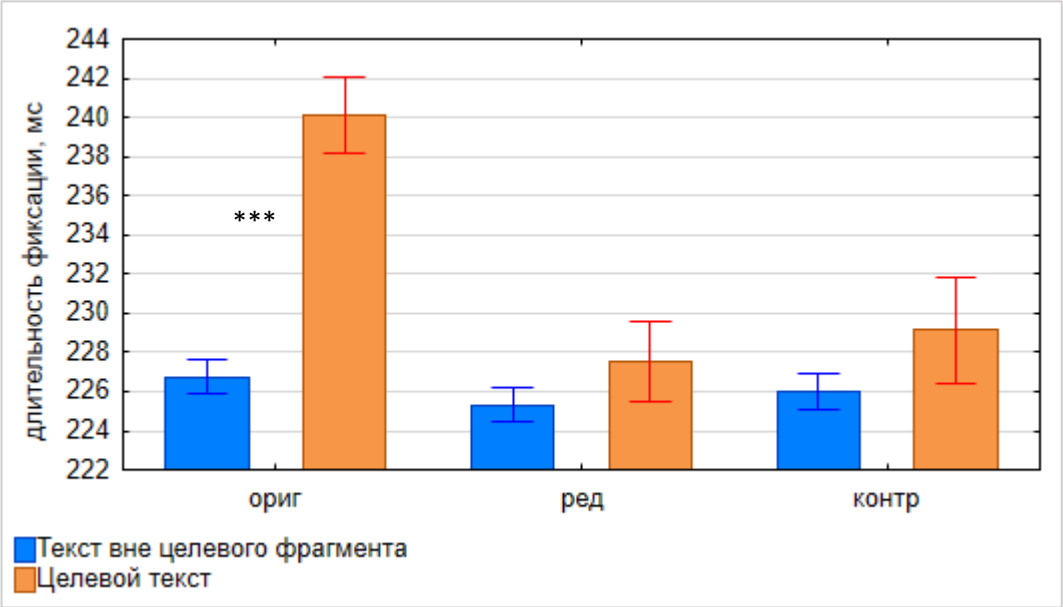

Рисунок 10 – Средние значения и стандартные ошибки среднего длительности фиксаций на целевых фрагментах и вне них для текстов разных версий. Ориг. – оригинальные тексты с образными единицами, ред. – оригинальные тексты с отредактированными образными единицами, контр – контрольные текст без образных единиц. *** – значимые различия между средними, $p < 0{,}001$

Проведённый анализ показывает, что в целом «оригинальные» образные единицы привлекают больше внимания для восприятия и обработки, что проявлялось в увеличении длительности фиксаций на них. Такое увеличение длительности фиксаций свидетельствует о том, что читатели инвестируют в эти фрагменты больше визуального внимания и когнитивных усилий, что способствует более глубокому и тщательному усвоению сложной и специализированной информации в тексте.

Кроме того, этот эффект мог быть выражен в разной степени, для индивидуальных текстов по результатам попарных сравнений версий каждого

текста по отдельности он значимо проявился в текстах о10 и о13 (рисунок 11). Контрольные словосочетания и модифицированные «нейтрализованные» метафоры для участников были неразличимы: они привлекали одинаковое количество ресурсов, что говорит об успешной «нейтрализации».

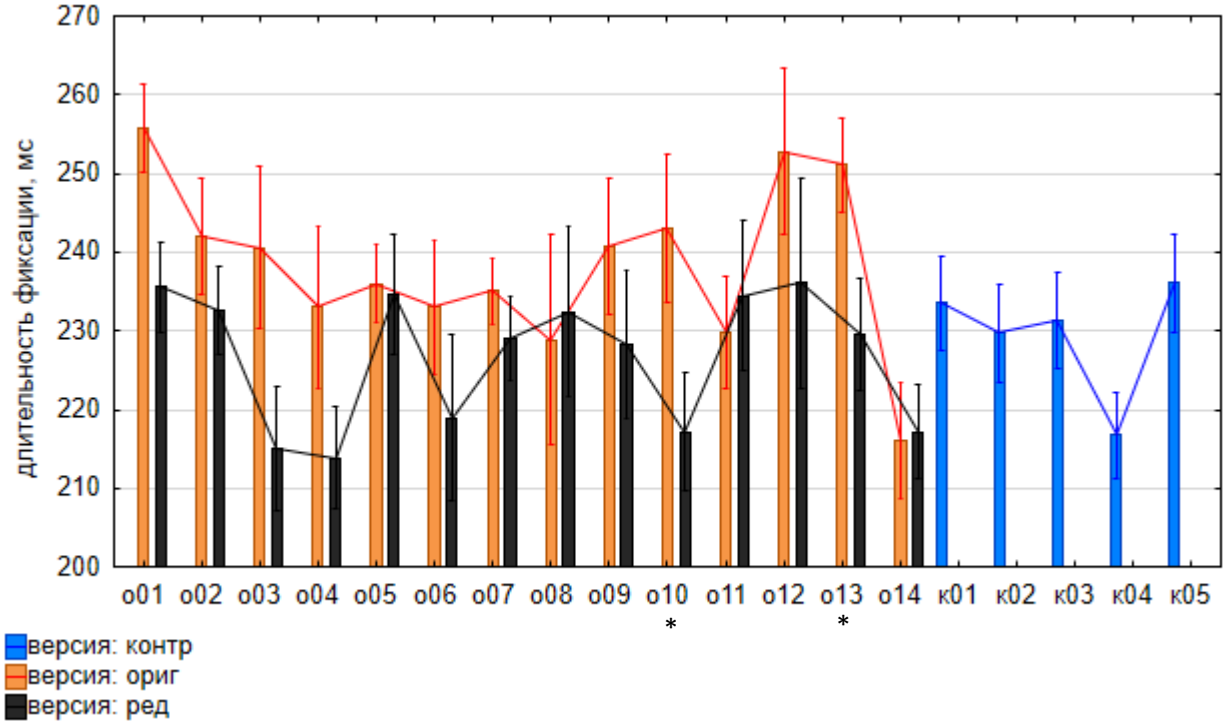

Рисунок 11 – Средние значения и стандартные ошибки средней длительности фиксаций на целевых фрагментах всех текстов по отдельности. Обозначения текстов: о01-о14 – основные тексты, к01- к05 – контрольные тексты. Ориг – оригинальные тексты с образными единицами, ред – оригинальные тексты с отредактированными образными единицами, контр – контрольные тексты без образных единиц. * – различия средней длительности фиксаций оригинальной и отредактированной версий значимо различаются, $p < 0{,}05$

Усиление когнитивной обработки в итоге приводит к улучшению запоминания информации. Результаты анкетного опроса подтверждают это.

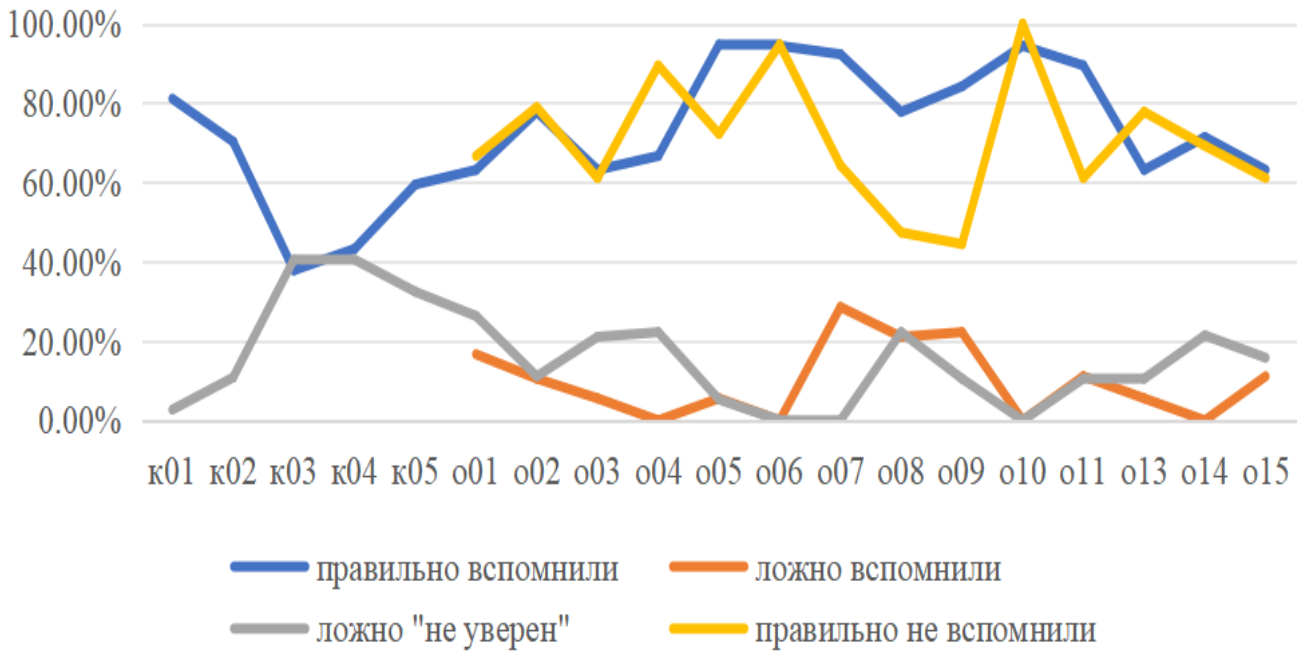

Рисунок 12 – Результаты онлайн-опроса по запоминанию текстов для экспериментального исследования. ориг. – оригинальные тексты с образными единицами, контр. – контрольные текст без образных единиц

Испытуемые после чтения текста демонстрировали высокий уровень точного воспроизведения образных выражений – таких как «дал дрозда» (94,44%), «дремучесть “дурналистики”» (94,74%), «лягушатники, … п-ры (не пионеры типа)» (92,31%) и «мрази и т. д.» (94,44%) – свидетельствует о высокой аттрактивности и мнемонической эффективности этих единиц. Таким образом, образные выражения не только привлекают внимание, но и укрепляют память.

Полученные экспериментальные данные подтверждают высокую эффективность образных единиц в передаче информации как на уровне когнитивной обработки, так и на уровне запоминания.

Показательным примером является выступление министра иностранных дел Китая Ван И на Мюнхенской конференции по безопасности 14 февраля 2025 года. В своей речи о китайско-американских отношениях он использовал прецедентные единицы, насыщенные традиционными культурными образами: 中国有句古话：“天行健，君子自强不息”。中国还有句话说得很形象，“他强任他强，清风拂山岗；他横任他横，明月照大江”/ В Китае есть древняя поговорка: «Как небо сохраняет свою силу в

постоянном движении, так и человек добродетельный неустанно стремится к самосовершенствованию». Так цитата из «Книги перемен» символически выражает идею стратегической автономии Китая и устойчивости к внешнему давлению.

Другое образное высказывание – «Пусть сильный поступает по-своему – мы остаёмся спокойны, как лёгкий ветерок, ласкающий холмы…» – заимствовано из китайского романа Цзинь Юна и с помощью природных метафор передаёт позицию невозмутимости и внутренней силы. Эти выражения обеспечивают сразу несколько коммуникативных эффектов: демонстрацию позиции, эмоциональную регуляцию и усиление культурного воздействия.

Образные единицы в данном контексте обладают высокой степенью семантической компрессии, позволяя в компактной форме передавать сложные политико-культурные смыслы. Они способствуют не только усилению мягкой силы дискурса, но и его международной читаемости и эффективности.

Ярким подтверждением этого являются медиарезонансные заголовки, сопровождавшие высказывания Ван И, такие как: «文化输出再+1！王毅用 3 句古话谈中美关系：外媒可找 DeepSeek 来翻译 / Экспорт культуры снова +1! Ван И использует древние изречения, чтобы говорить о китайско-американских отношениях: иностранные СМИ могут обратиться к DeepSeek для перевода», «王毅论中美：他横任他横，明月照大江！中式表达能叫醒装睡人么 / Ван И о США и Китае: «Пусть грозный действует, как хочет – мы сохраняем невозмутимость, как яркая луна, освещающая реку. Может ли китайская речь разбудить притворяющихся спящими?» («Tencent», 15.02.2025), а также «王毅三句古话回应中美关系：中国外交的智慧与风骨/ Три древние изречения Ван И в ответ на американскую политику: мудрость и достоинство китайской дипломатии («сегодняшние заголовки», 15.02.2025).

Широкий отклик, вызванный этими изречениями, свидетельствует об их высоком коммуникативном потенциале и значимости когнитивных в современной политической коммуникации.

Таким образом, образные единицы являются не только выразительными средствами, но и эффективными каналами передачи специальной информации. Благодаря своей форме и ассоциативному потенциалу, они обеспечивают как

широкое распространение смыслов, так и их прочное закрепление в сознании аудитории.

2) Активизация восприятия информации.

Активизация восприятия информации осуществляется за счёт способности образных единиц вызывать эмоциональный отклик, усиливающий когнитивную активность адресата. Образные выражения привлекают внимание, побуждают к интерпретации и вызывают ассоциации, что способствует более глубокой переработке информации.

Результаты эксперимента показали, что увеличение количества фиксаций на образных единицах указывает на их способность активизировать восприятие аудитории. Поскольку оригинальные метафоры модифицировали так, чтобы длина отредактированного текста была максимально близка по количеству слогов и структуре слов к исходному варианту, то в случае равного внимания к текстам количество фиксаций было бы одинаковым. Для всех текстов в целом различие было высоко значимым, и на оригинальных метафорах делалось больше фиксаций.

Для отдельных текстов различия могли быть выражены в разной степени, и значимыми были для текстов o01, o05, o07. Исключение составил текст o14, в котором на отредактированной версии делалось больше фиксаций.

Тот же результат подтверждается и для относительных измерений. Оригинальные варианты по сравнению с отредактированными в среднем получали более значительную долю фиксаций от общего их количества на тексте (таблица 3).

Поскольку количество фиксаций и их длительность в среднем были больше на оригинальных вариантах, то ожидаемо, параметр относительного времени чтения (доля времени, которое читался целевой фрагмент, относительно всего времени чтения текста) был значимо выше для них относительно отредактированных версий.

Таблица 3 – Разности между оригинальными и отредактированными целевыми фрагментами 14 основных текстов по ряду усредненных параметров чтения. Обозначена значимость различий между оригинальными и отредактированными текстами: * - p <0,05; ** - p <0,01; *** - p <0,001

Текст	Различие в ср. длит. фиксаций (мс)	Различие в ср. кол-ве фиксаций	Различие в относительном времени чтения (%)
o01	20,2	3,9 *	3,3
o02	9,4	0,1	0,8
o03	25,7	0,5	1,6
o04	19,2	0,4	1,9
o05	1,4	5,9 ***	12,0 ***
o06	14,2	0,3	1,7 *
o07	6,1	4,5 **	3,5
o08	-3,6	0,1	9,6 ***
o09	12,5	0,8	1,6
o10	25,9 *	0,7	9,2 ***
o11	-4,7	2,0	2,1
o12	16,8	0,3	1,3
o13	21,6 *	2,3	4,2 ***
o14	-1,1	-2,4 *	-4,1 *

В отдельных текстах это различие было значимым для текстов o05, o06, o08, o10, o13. Текст o14 в данном случае также был исключением, и отредактированная версия читалась относительно дольше (рисунок 13).

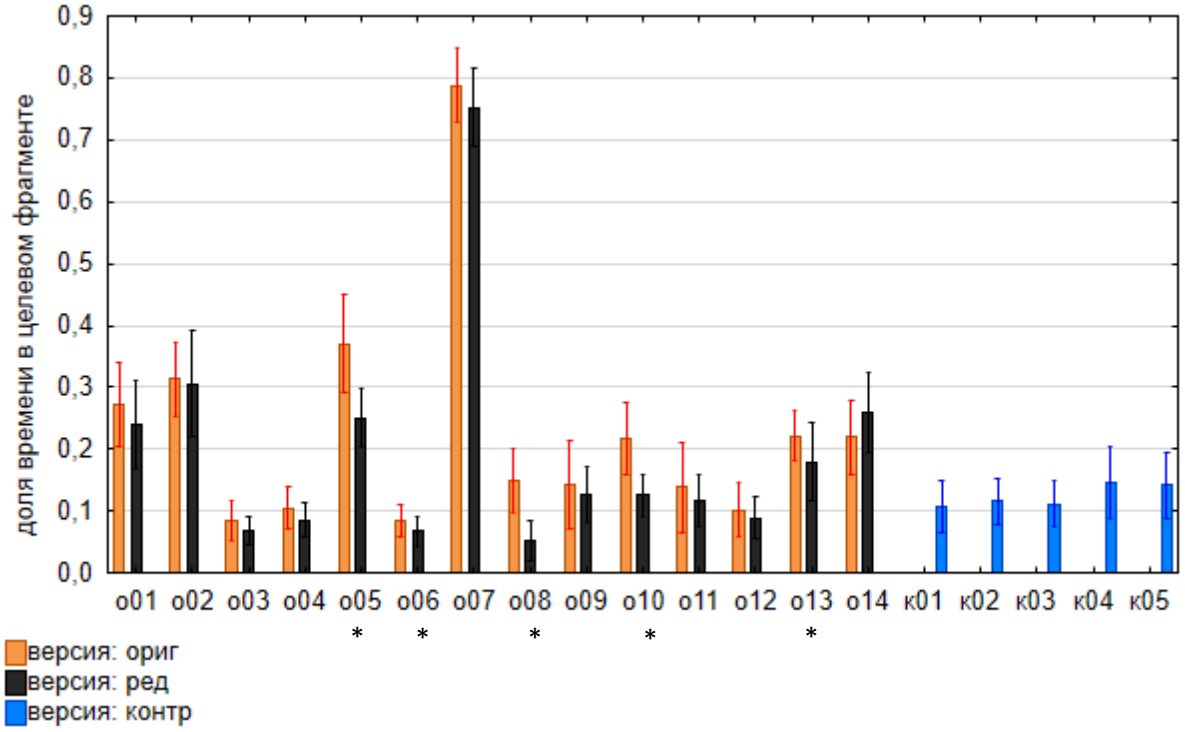

Рисунок 13 – Средние значения и стандартные отклонения для времени, проведенного за чтением целевого фрагмента, относительно всего времени чтения текста. Обозначения текстов: о01-о14 – основные тексты, к01-к05 – контрольные тексты. Ориг. – оригинальные тексты с образными единицами, ред. – оригинальные тексты с отредактированными образными единицами, контр – контрольные тексты без образных единиц

Увеличение количества и длительности фиксаций на образных единицах свидетельствует о глубокой когнитивной переработке, отражая способность этих единиц активизировать восприятие, усиливать внимание к содержанию текста и способствовать его многомерной интерпретации.

Особенно ярко данный механизм проявляется в медиатизированном политическом дискурсе, где образные выражения с яркой экспрессивной нагрузкой становятся своеобразными семантическими триггерами, провоцирующими мгновенную когнитивную и эмоциональную реакцию аудитории.

Показательным примером служит высказывание вице-президента США Джей Ди Вэнса в интервью телеканалу Fox News, где он заявил: *We borrow money from Chinese peasants to buy the things those Chinese peasants manufacture / Мы берём*

в долг у китайских крестьян, чтобы покупать вещи, которые эти китайские крестьяне производят (The New York Times, 08.04.2025). Эта фраза активировала мощную волну интерпретаций в национальном и международном медиапространстве.

В «Оксфордском продвинутом англо-китайском двуязычном словаре» слово peasant объясняется следующим образом: 1 (especially in the past, or in poorer countries) a farmer who owns or rents a small piece of land（尤指昔日或贫穷国家的）农民，小农，佃农：peasant farmers 个体农民 2 (informal, disapproving) a person who is rude, behaves badly, or has little education 老粗；土包子；没教养的人 / 1. (особенно в прошлом или в бедных странах) крестьянин, владеющий или арендующий небольшой участок земли: peasant farmers – мелкие (или индивидуальные) крестьяне. 2. (разговорное, неодобрительное) грубый, невоспитанный или малообразованный человек; деревенщина; валенок [OALD, 2009, с. 1494].

Видно, что само выражение Chinese peasants несёт в английском языке двойную семантику. В прямом значении peasant обозначает мелкого фермера или арендатора земли, особенно в бедных странах. Однако в переносном, разговорном и пренебрежительном смысле это слово приобретает негативные коннотации: неотёсанность, культурная отсталость, отсутствие образования. Таким образом, использование этого образа в высоком политическом дискурсе апеллирует к стереотипной иерархии «развитый Запад» – «отсталый Восток», создавая скрытую оппозицию «элита – невежда», «культурный – невоспитанный».

Выражение Chinese peasants в данном случае выполняет роль семантического триггера – элемента, запускающего процесс когнитивной и эмоциональной мобилизации аудитории. Данное высказывание активирует у аудитории негативные культурные стереотипы, связанные с Китаем и его населением, а также вызывает немедленную эмоциональную реакцию, в том числе – отторжение, обиду, ироническое неприятие. Как отмечает The Guardian, данное высказывание вызвало резкую критику со стороны китайских пользователей Интернета. На платформах, таких как Weibo, оно стало триггером для волны ответных комментариев, в которых китайская аудитория подчёркивала высокий уровень технологического

развития страны, особенно в области высокоскоростных железных дорог, электромобилей, ИИ и дронов. Один из пользователей заметил: «Может, мы и крестьяне, но у нас лучшая в мире система высокоскоростных железных дорог и самые передовые технологии» («Московский Комсомолец», 09.04.2025), тем самым переламывая (рефрейминг) навязанный образ.

На официальном уровне реакция также не заставила себя ждать: Министерство иностранных дел КНР заявило, что «давление, угрозы и шантаж – неправильный способ общения с Китаем», а авторитетные комментаторы, такие как Ху Сицзинь, выразили сомнение в адекватности и осведомлённости американского политика: Этому истинному крестьянину, который приехал из сельской Америки, похоже, не хватает перспективы («Московский Комсомолец», 09.04.2025). Образ «крестьянина», исходно направленный на умаление, вызвал обратный эффект – стал точкой конденсации национального самосознания и коллективного сопротивления, а значит – активировал политическое восприятие на уровне массового сознания.

Кроме того, в комментариях интернет-пользователей звучит следующее возмущение: Genuinely, how does a vice president get away with calling Chinese people ‘peasants’ in 2025? Ванс, позволяя себе подобные грубые и невежественные высказывания в адрес китайцев, лишь демонстрирует поверхностность, высокомерие и невежливость американцев! Ванс – как лягушка на дне колодца. Гордость и предубеждение («Гуаньча», 07.04.2025). Подобные реплики свидетельствуют о том, что некорректное использование образных единиц способно инициировать дискурсивные конфликты, в которых активизируются не только когнитивные, но и оценочные, а также моральные механизмы восприятия.

Приведённый пример демонстрирует, что привлекательность образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе способствует активации восприятия информации. Благодаря своей образности, уничижительности и культурной маркированности выражение типа *Chinese peasants* выполняет роль семантического триггера, который мгновенно вовлекает аудиторию в процесс интерпретации и запускает мощный общественный отклик.

3) Усиление информационной и аксиологической значимости.

Медиатизированный политический дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее в себя многообразие субъектов и каналов коммуникации, но его конечная цель – это достижение определённых идеологических целей посредством информационного воздействия. В этой форме дискурса аксиологическое значение образных единиц становится особенно значимым. Как подчёркивается в исследовании, ценности выполняют консолидирующую функцию и должны оставаться стабильными во времени [Хлопова, 2025, с. 134]. Использование образных единиц придаёт политическому дискурсу выраженную ценностную направленность, усиливая его влияние в массовых медиа.

Результаты, представленные на диаграмме (рисунок 14), демонстрируют, что высказывание конт. 02 – «Российское кино стало гораздо более качественным, чем было ещё 10–15 лет назад» – несмотря на отсутствие в нём образных средств, запомнилось участниками эксперимента на достаточно высоком уровне. Это позволяет предположить, что значимым фактором запоминаемости в данном случае выступает выраженная в тексте позитивная оценка национальных достижений, которая соотносится с аксиологически значимой для аудитории установкой – гордостью за прогресс своей страны. Особый интерес вызывает тот факт, что тексты ориг. 02 и ред. 02, содержащие, соответственно, оригинальную и редактированную версии одного и того же высказывания, были воспроизведены участниками эксперимента с одинаковой частотой. Обе версии касаются резонансного политического высказывания: ориг. 02 – «Опять отличился своей мудростью Боррель. На сей раз он назвал Россию экономическим карликом, заправочной станцией с атомной бомбой». ред. 02 – «…экономически отсталой ресурсной страной с атомной бомбой». Несмотря на разницу в степени образности, обе формулировки затрагивают патриотически значимые ценности, вызывая эмоциональный отклик аудитории и тем самым способствуя лучшей запоминаемости текста.

Дополнительно стоит отметить, что в исследуемом корпусе выявлены тексты, содержащие универсальные аксиологические ориентиры, такие как стремление к миру, любовь к родине, забота об экологии и др.

Рисунок 14 – В анкетировании первый вопрос касался доли текстов с более высоким уровнем запоминаемости, по воспоминаниям испытуемых. Ориг. – оригинальные тексты с образными единицами, ред. – оригинальные тексты с отредактированными образными единицами, контр – контрольные тексты

Показательным примером является высказывание Хуа Чуньин, бывшего официального представителя МИД Китая, в контексте решения японского правительства о сбросе радиоактивной воды с АЭС «Фукусима» в океан. В своём блоге она написала: 像切尔诺贝利灾难一样，福岛核事故也是世界历史上最严重的核事故之一 / Подобно чернобыльской катастрофе, авария на АЭС Фукусима является одной из самых серьёзных ядерных катастроф в мировой истории («Хуаньцю», 13.04.2021). Использование прецедентного образа Чернобыля в медиатизированном политическом дискурсе выполняет не только функцию усиления критической риторики, но и активирует коллективную память, вызывая стойкие ассоциации с техногенной катастрофой и её трагическими последствиями для здоровья и экологии. Подобные образы, как Армянск (2018), Усолье-Сибирское,

Хонсю (2011), Донбасс (1979), Пенсильвания (1979) или Тяньцзинь (2015), формируют целый кластер катастрофических коннотаций, актуализируя ценностную оппозицию «жизнь – смерть».

Так, в фильме The Big Short (2015) опустевший пригород метафорически сравнивается с Чернобылем: "*It's like Chernobyl. There's like a hundred houses. There can't be four people living here*", что усиливает образ абсолютного опустошения и экологической гибели. Подобная образность вызывает яркий эмоциональный отклик, основанный на когнитивной доступности и символической нагрузке слова «Чернобыль» [Ионова, Штеба, 2019; Сегал, Мищенко, Ворошилова, 2022].

В медиатизированном политическом дискурсе (например, в заявлениях Хуа Чуньин) этот прецедентный образ служит не только для маркировки потенциальных угроз, но и для трансляции ценностных ориентиров – приоритета охраны окружающей среды и сохранения жизни. Образ катастрофы метафорически отражает степень политической ответственности за решения, сопряжённые с экологическими рисками, и способствует формированию у аудитории нормативных установок, направленных на поддержание экологической устойчивости.

Таким образом, образные единицы, отсылающие к травматическому коллективному опыту, выполняют в медиаполитическом дискурсе сложные коммуникативные задачи: от эмоциональной мобилизации до идеологической артикуляции, формируя соответствующую систему ценностных координат и усиливая воздействие дискурса на массовое сознание.

4) Регулирование восприятие информации аудиторией.

Регулирование восприятия информации аудиторией осуществляется посредством мотивационного аспекта образных единиц, который стимулирует интерес и вызывает желание узнать больше. Образные единицы обладают способностью запускать мотивационные механизмы восприятия благодаря своей метафоричности, что вызывает когнитивный интерес и способствует углублённому анализу текста. Таким образом, мотивационный аспект образных единиц выступает ключевым фактором, регулирующим поведение аудитории: он переводит её из

состояния пассивного восприятия в активное познавательное взаимодействие с информацией. В результате формируется более глубокое осмысление содержания и повышается вовлечённость получателей информации.

Этот механизм оказывает влияние не только на смыслопорождение, но и на формирование идеологических установок и целостной картины мира. Особенно значимой является образная репрезентация при передаче высокоабстрактной и сложноорганизованной информации – например, в сфере международных отношений. Через отбор и конструирование определённых образов медиакоммуникатор формирует эмоционально доступные нарративные модели, влияющие на восприятие международных акторов, распределение ответственности и оценку интенсивности межгосударственных взаимодействий.

Показательный пример – выступление президента Российской Федерации Владимира Путина 18 октября 2024 года на встрече с представителями СМИ стран БРИКС, в котором, обсуждая китайско-американские отношения, он использовал яркие визуально-эмоциональные метафоры:

Соединённые Штаты опоздали лет на 15. Они не смогут остановить развитие Китая. Это невозможно сделать так же, ***как невозможно сказать солнцу «не вставай», оно всё равно поднимется****... Фактически НАТО и европейцев втаскивают в Азию через НАТО. И никто не хочет у европейцев спрашивать, а они вообще хотят портить свои отношения с Китаем, влезать туда через структуру НАТО, в Азию и создавать там ситуацию, которая будет вызывать обеспокоенность у стран региона, в том числе у Китая? Я вас уверяю, я знаю, что нет. Тем не менее их туда,* ***как на аркане, тащат, как маленьких собачек большой дядя за собой****, и всё* (ТАСС, 18.10.2024).

Первая метафора – «солнце, которое всё равно поднимется» – апеллирует к универсальному знанию о законах природы и репрезентирует развитие Китая как исторически обусловленный и необратимый процесс. Такая натурализованная рамка восприятия придаёт легитимность происходящим трансформациям, одновременно сужая воображаемое пространство для предполагаемой эффективности стратегии сдерживания со стороны США. В результате на уровне

имплицитного восприятия формируется устойчивое убеждение в предопределённости и неизбежности китайского прогресса.

Вторая метафора – «маленькие собачки, которых тащит большой дядя» – отличается выраженной оценочностью и визуализирует асимметричные отношения между Европой и США. Контраст между «дядей» и «собачками» в плане размеров, силы и инициативы подчёркивает подчинённость и зависимость европейских государств. Динамика принуждения, задаваемая глаголами «тащить» и «на аркане», усиливает образ их вынужденного участия, вызывая эмоциональное неприятие стратегической зависимости Европы и стимулируя переоценку её роли в трансатлантических отношениях.

Совместное использование этих метафор позволяет схематизировать сложные международные процессы, трансформируя их в простые и легко визуализируемые образы. Такая трансформация способствует снижению когнитивной нагрузки, интенсифицирует эмоциональную вовлечённость и активирует ассоциативные механизмы, обеспечивая формирование устойчивых взглядов и ценностных ориентиров в отношении ключевых международных акторов.

Реакция аудитории на указанные высказывания свидетельствует о высокой степени вовлечённости и идентификации с представленными образами. Примеры комментариев: «Путин – молодец!!! Умный мужик», «Китай неплохо развивается, в том числе и наука, не правда ли?», «同为维护世界和平的中坚力量的中国和俄罗斯一直是以诚相待、相互尊重的啊。中俄两国友谊一定会万古长青传万世» («Китай и Россия, как главные силы, поддерживающие мировой мир, всегда относились друг к другу с искренностью и взаимным уважением. Дружба между Китаем и Россией обязательно будет вечной и сохранится на века»), «普京总统说出了中国人民一样的话！这也表明，在一个可以预见的未来，欧洲一直在嚷嚷着的“战略自主”没戏» («Президент Путин выразил то же, что и китайский народ! Это также подтверждает, что в обозримом будущем “стратегическая автономия”, о которой твердит Европа, неосуществима») – подтверждают, что образные выражения вызывают резонансные эмоциональные отклики, укрепляя идеологическую солидарность.

Так, в медиатизированном политическом дискурсе образные единицы функционируют как многоаспектные инструменты, сочетающие когнитивную доступность, эмоциональное воздействие и идеологическую трансформацию. Они не только направляют процесс интерпретации, но и участвуют в продуцировании смыслов, становясь важным механизмом стратегической политической коммуникации.

В целом, на основе анализа данных эксперимента с использованием технологии отслеживания движений глаз, а также с учётом показателей «длительность фиксации на целевых фрагментах» и «средние значения и стандартные отклонения времени, затраченного на чтение целевого фрагмента относительно всего времени чтения текста», можно сделать вывод, что тексты, содержащие образные единицы, значительно эффективнее привлекают внимание читателя. Это преимущество можно объяснить рядом ключевых факторов.

Во-первых, образные единицы, такие как метафоры, фразеологизмы и прецедентные феномены, оказывают заметное влияние на визуальное восприятие текста. Как показали результаты эксперимента, участники исследования чаще фиксируют взгляд на фрагментах текста, содержащих такие элементы. Это подтверждает, что образные выражения обладают «визуальной привлекательностью», способствующей более глубокому вовлечению в процесс чтения.

Во-вторых, длительность фиксации взгляда на фрагментах, содержащих образные единицы, значительно превышает время фиксации на нейтральных или менее выразительных частях текста. Это свидетельствует о том, что образные элементы не только привлекают внимание, но и удерживают его, побуждая читателя глубже осмыслять и интерпретировать представленные идеи и концепты.

Таким образом, результаты эксперимента подтверждают, что образные единицы играют ключевую роль в медиатизированном политическом дискурсе, эффективно привлекая и удерживая внимание аудитории. Они служат «аттракторами смысла», создавая пространство для интерпретаций и

эмоциональных откликов, что значительно усиливает воздействие политических текстов на читателей.

2.5 Функции образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе

Образность конкретизирует и усиливает наглядность восприятий, а восприятие «всегда вызывает не только мысль, но и чувство» [Савченко, 1980, с. 26-27]. Образные единицы помогают сделать сообщения более аттрактивными, запоминающимися и усиливают их воздействие на адресата. В контексте медиатизированного политического дискурса это особенно важно, так как конкуренция за внимание аудитории и необходимость передачи сложных идей в доступной форме требуют активного использования выразительных средств. Для более глубокого понимания механизмов воздействия образных единиц применяется метод семантического анализа, позволяющий выявить их смысловые и функциональные особенности в медиатизированном политическом дискурсе.

В ходе анализа фактического материала нами выделены следующие функции образных единиц:

- экспрессивно-оценочная функция;
- смыслообразующая функция;
- функция усиления или смягчения содержания;
- функция экономии языковых средств;
- функция популяризации.

Выделенные функции наглядно показаны на примерах текстов современного медиатизированного политического дискурса.

Так, функциональные особенности образных единиц выявлялись посредством индуктивного анализа эмпирического материала: сначала фиксировались конкретные случаи употребления, затем обобщались их коммуникативные функции. При изложении результатов применялся дедуктивный подход – от типологии к примеру. Учитывая полифункциональность образных единиц, исследование опирается на принцип перекрёстной классификации, при

которой одна единица может одновременно принадлежать к разным функциональным категориям. Такой метод позволяет отразить многоуровневую коммуникативную природу образных средств и обеспечивает аналитическую гибкость при интерпретации их роли в медиатизированном политическом дискурсе.

2.5.1 Экспрессивно-оценочная функция

Под экспрессивностью в данном исследовании понимается «семантическая категория, придающая речи выразительность за счёт взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, высказывания, текста, оценочного, эмоционального отношения субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире» [Караулов, 1997, с. 637]. Тесно связаны с экспрессивностью такие понятия, как эмоциональность и оценочность. Согласно О.С. Ахмановой, «эмоциональный – это относящийся к выражению чувств, настроений, субъективного отношения», а «экспрессия – это выразительно изобразительные качества речи, отличающие её от обычной (или стилистические нейтральной) и придающие ей образность и эстетическую значимость» [Ахманова, 2004, с. 523–525]. Экспрессивно-оценочная функция образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе заключается в создании эмоционального воздействия на адресатов, формировании рациональной или эмоциональной оценки говорящего к предмету речи.

Рассмотрим следующие примеры:

1. 中国的插画师重新创作了日本画作**《神奈川冲浪里》**。如果原作者葛饰北斋现在还活着，他也会非常关心日本核废水问题 / Китайский иллюстратор заново изобразил японскую картину **«Большая волна в Канагаве»**. Если бы автор оригинальной работы Кацусика Хокусай был сейчас жив, он бы тоже был очень обеспокоен японской радиоактивной водой (Блог Чжао Лицзяня, репост «Гуаньча», 26.04.2021) (рисунок 15).

Рисунок 15 – Блог Чжао Лицзяня,
перепечатанный на сайте «Гуаньча» из зарубежных социальных сетей

«Большая волна в Канагаве» – это произведение искусства, художественная гравюра, которая первоначально изображала лишь силы природы и мужество человека, борющегося с ними. В первоначальном употреблении изображаемые объекты были эмоционально нейтральны [Крюкова, 2024, с. 154]. Однако со временем они превратились в национально-культурные символы, а название картины «Большая волна в Канагаве» стало прецедентным именем. Автор гравюры использует омоним тритий, который является одним из основных радиоактивных элементов в ядерных отходах, заменив им слово Канагава: белые волны превращаются в искажённые человеческие пальцы, матросы, сражающиеся с бурей, становятся преступниками, сбрасывающими ядерные отходы, а величественная гора Фудзи превращается в дымящуюся трубу атомной электростанции... Эти заметные изменения в названии и картине не только отражают авторскую ироничную критику, но и передают эмоциональное отношение к проблеме ядерных отходов и их воздействия на природу и человека. Как отмечает В.И. Шаховский, текст может наводить эмотивные семы на совершенно нейтральные слова, если

объект вызывает у говорящего и воспринимающего субъектов определённый интерес. Несущественные признаки содержания понятия об этом объекте могут становиться существенными и получать эмоциональное осмысление [Шаховский, 2008, с. 77]. В данном случае прецедентное имя «Большая волна в Канагаве» и её визуальные элементы, изначально нейтральные, начинают ассоциироваться с проблемами экологической катастрофы, вызывая у аудитории соответствующие эмоции и оценки.

2. Расчёт США был на то, что мы и месяца не продержимся в 2022 году, после того как они обрушат на нас, по их же собственному выражению, **адские санкции**. И они в чём-то правы: ведут себя они **как настоящие бесы.** Ни Италия, ни Германия, ни Франция, ни Британия, ни сами США от подобных санкций не оправились бы (Интервью Марии Захаровой агентству «АНСА», ВКонтакте, 31.08.2023).

В данном примере автор выражает критическое отношение к действиям Запада с использованием оценочного выражения «*адские санкции*», в котором отражается высокая степень интенсивности негативной оценки (от слова *ад* – по религиозным представлениям, место, куда попадают души умерших грешников, обречённых на вечные муки [Кузнецов, 2008, с. 29]), в том числе дополненной субъективным отношением автора к указанной ситуации. Аналогия между западными странами, применяющими санкции в отношении России, и «*настоящими бесами*» (от слова *бес* – по религиозным представлениям, злой дух, искушающий человек; нечистая сила, чёрт, дьявол [Кузнецов, 2008, с. 72]) дополнительно акцентирует негативную оценку этих мероприятий.

3. Вы знаете, когда он (Владимир Зеленский) приехал в Бабий Яр пролить **крокодиловы слёзы** по жертвам Бабьего Яра, почтить очередную годовщину этого массового расстрела евреев в Киеве в 1941 году – сразу после того, как едва ли не зиганул этому нацисту в канадском парламенте – это тоже показатель (Владимир Корнилов, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 01.10.2023).

Фразеологизм «*крокодиловы слёзы*»: лицемерное сострадание; неискреннее, лживое сожаление [Фёдоров, 2008, с. 624]. Применение фразеологизма в данном

контексте усиливает эмоциональный эффект высказывания за счёт устойчивого негативного смысла, заложенного в нём. Это не просто констатация факта, а выражение презрительного отношения к поведению Зеленского, что делает высказывание экспрессивно насыщенным. Взаимодействие фразеологизма с контекстом усиливает общий диссонанс и подчёркивает обвинительный характер реплики.

4. 佩洛西口中的**民主**，不过是一件**爬满虱子的袍子**，乍看华丽，近看不忍卒睹 / **Демократия**, о которой говорит Пелоси, – это **покрытый вшами халат**: на первый взгляд он выглядит великолепно, но при более близком взгляде становится невыносимо смотреть (Интервью Хуа Чуньин, репост «Хуаньцю», 03.08.2022).

Метафора «*Демократия – покрытый вшами халат*» служит яркой образной оценкой западной демократии. Это выражение выполняет оценочную функцию, подчёркивая субъективное негативное отношение автора к политической концепции, которую он критикует. Визуальный образ «*покрытый вшами халат*» контрастирует с привлекательным изначально понятием демократии, что создаёт чёткое эмоциональное разделение между тем, что кажется внешне привлекательным, и тем, что скрывается за этим фасадом.

В медиатизированном политическом дискурсе экспрессивно-оценочная функция играет важную роль, так как она помогает выразить субъективное отношение говорящих к обсуждаемым вопросам. Использование образных единиц, таких как метафоры, фразеологизмы и др., усиливает авторскую оценку, привлекает внимание аудитории, способствует достижению целей коммуникации.

2.5.2 Смыслообразующая функция

В медиатизированном политическом дискурсе связь между образными единицами и коммуникативными целями образует особую функцию – функцию смыслообразования. Смыслообразующая деятельность значений приводит к определённому смысловому строению самого сознания [Выготский, 2011, с. 162]. Когда отношения между образными единицами и коммуникативными целями

отражаются в сознании аудитории, они формируют индивидуализированный смысл, который намеренно создаётся автором текста. Образные единицы не только эффективно передают основную мысль говорящего, но также могут особо подчёркивать конкретные детали или даже вводить в язык новые содержания. Функция смыслообразования реализуется двумя основными способами: конкретизацией смысла и акцентированием смысла.

Конкретизация смысла – это процесс уточнения и детализации значения. Он проявляется в переходе от широкого, абстрактного значения к более конкретному и ясному, одновременно обогащая исходное значение новыми образными элементами. Например:

1. 西方媒体对这个援助这个词形容非常贴切，说以前对我们的援助像第聂伯河，宽阔的河流，后来又变成了小溪，现在是几滴这个眼泪 / Западные СМИ очень метко описали слово «поддержка»: раньше наша поддержка была подобна широкой реке Днепр, затем она превратилась в ручей, а теперь это всего лишь несколько капель, похожих на слёзы (Ду Вэньлун, «China's Public Opinion Field», 10.12.2023). Это образное сравнение конкретизирует значение слова «поддержка», используя яркие визуальные образы – от широкой реки до нескольких капель. Такая структура позволяет не только подчеркнуть проблему, но и эмоционально усилить восприятие сообщения аудиторией. В отличие от других образных единиц, образное сравнение включает явное указание на процесс изменения, что подчёркивает динамику процесса.

Помимо образных сравнений, конкретизация смысла может проявляться через использование фразеологизмов, которые придают выражению экспрессивность и помогают передать оттенки значения. Рассмотрим следующий пример:

2. Это переход драки с Россией в ядерную фазу, и вот это назойливое, ну **как банный лист**, пристали: «Тактическое оружие на Украине не используйте, тактическое оружие на Украине не используйте!» Ведь это подсказка, это называется: А может, вы, ребята, по Украине всё-таки врежете, желательно

тактическим оружием, а не по нам – стратегическим (Евгений Янович, «Право знать», 04.03.2023)?

Фразеологизм «*как банный лист*» – навязчиво, назойливо. В образе фразеологизма дошли до нас представления о традициях русской бани, уходящих корнями в далёкую древность [Телия, 2006, с. 312–313]. Этот фразеологизм помогает конкретизировать представление о навязчивости, используя образный компонент, знакомый носителям русского языка. В отличие от образных сравнений, фразеологизмы обладают устойчивостью и могут использоваться без дополнительных пояснений, сохраняя свою экспрессивность и усиливая выразительность речи.

Акцентирование смысла означает выделение разные значения, чтобы усилить его выражение. Этот метод заключается в модификации элементов языка, что делает акцент на конкретном аспекте значения. Например:

1. Потому что **Баба-яга против**. Потому что они не привыкли демонстрировать свою неуспешность. Это же, кстати говоря, один из канонов американского общества (Интервью М. Захаровой агентству «ТАСС», 08.09.2024).

В этом примере использование прецедентного имени «Баба-яга» как культурного символа акцентирует не только критику определённого поведения, но и ироничное отношение к нему. Название мультфильма «Баба-яга против!», которое в контексте используется как саркастический ярлык, усиливает послание, придавая ему ещё более неприятный характер. Это позволяет глубже выразить критику в адрес другой страны, подчёркивая её недостатки и неудачи с элементами насмешки.

2. 台湾当局在9月28号替制造的潜艇海坤号举行了命名下水典礼，结果确实只有命名，根本没有下水。那个《逍遥游》里写的**鲲之大，不知几千里也**，他用了海鲲，很显然，对鲲这个词儿是个严重亵渎 / Власти Тайваня 28 сентября провели церемонию по случаю крещения подводной лодки «Хайгунь», которую на самом деле только назвали, но не спустили на воду. В «Сяояо Юй» написано: **«В Северном океане водится рыба, имя ей – гунь. Сколько тысяч ли она величиной – неведомо!»** (Ду Вэньлун, «China's Public Opinion Field», 01.10.2023).

Прецедентное высказывание «*В Северном океане водится рыба, имя ей – гунь. Сколько тысяч ли она величиной – неведомо!*» из классической китайской литературы «Сяояо Юй» (Чжуан-цзы) использует образ мифической рыбы гунь, символизируя огромные размеры и мощь [Ошанин, 1984, с. 298]. В примере с подводной лодкой «Хайгунь», название которой лишь символически приписано, использование этого образа становится ироничным, указывая на несоответствие между величественным мифологическим символом и реальной ситуацией. Это подчёркивает критический оттенок и акцентирует внимание на поверхностности политических действий.

Таким образом, в медиатизированном политическом дискурсе функция смыслообразования через два способа – конкретизацию и акцентирование – направляет восприятие информации и формирует понимание у аудитории. Эти способы помогают говорящему донести основную мысль и эффективно влиять на восприятие и интерпретацию информации, усиливая глубину и эмоциональное воздействие на аудиторию.

2.5.3 Функция усиления или смягчения содержания

В медиатизированном политическом дискурсе адресанты нередко используют образные единицы с целью усиления или смягчения высказывания. Функция усиления, или заострения, нацелена на придание высказыванию эмоциональной насыщенности, на усиление оценки предмета речи. Смягчение с позиции прагматики можно определить как «снижение интенсивности иллокутивной силы высказывания, детерминированное определёнными параметрами речевого контакта (индивидуально-психологическими и социальными)» [Тахтарова, 2010, с. 25]. Категория смягчения является одной из ключевых коммуникативных категорий, которая наряду с вежливостью и толерантностью регулирует речевое поведение коммуникантов в процессе политической коммуникации [Тахтарова, 2010, с. 256]. В медиатизированном политическом дискурсе использование некоторых образных единиц может снизить

резкость высказываний, уменьшить возможные конфликты и споры, придавая выражению более мягкий характер. Например:

1. 几年前，一份欧盟政策文件给中国同时贴上伙伴、竞争者、制度性对手三种标签，但事实证明，这种三重定位不符合事实，也不可行，反而给中欧关系发展带来不必要的干扰和阻碍。**就好比汽车开到十字路口，红灯、黄灯、绿灯三种信号灯同时亮起，这车还怎么开？**/ Несколько лет назад один из документов политики Европейского Союза одновременно присвоил Китаю три ярлыка: партнёр, конкурент и системный соперник. Но факты показали, что такое троекратное позиционирование не соответствует действительности и непрактично, а, наоборот, мешает и препятствует развитию китайско-европейских отношений. **Это как если бы машина подъехала к перекрёстку, и одновременно загорелись бы красный, жёлтый и зелёный сигналы светофора – как тогда ехать** (Интервью Ван И, репост «Синьхуа», 07.03.2024)?

В данном контексте образное сравнение «*как если бы машина подъехала к перекрёстку, и одновременно загорелись бы красный, жёлтый и зелёный сигналы светофора*» представляет собой яркое, но мягкое изображение нелепой ситуации, в которой одновременное включение нескольких сигналов создаёт путаницу и затрудняет принятие решения, что снижает напряжение в выражении критики. Вместо прямого осуждения тройного позиционирования Китая как противоречивого и неэффективного метафора мягко указывает на проблему, не акцентируя внимание на её негативных последствиях.

2. Больше того, я тоже уже говорил об этом публично – сейчас ельцинское время возьмём, – был момент, когда «**серая кошка пробежала**». До этого Ельцин ездил в США, помните, выступал в Конгрессе и говорил замечательные слова: God bless America. Он же всё сказал, это были сигналы: пустите нас к себе (Интервью Владимира Путина Такеру Карлсону, 09.02.2024).

Фразеологизм «*Серая кошка пробежала*»: произошла неожиданная ссора, размолвка между кем-либо; кто-либо с кем-либо поссорился [Фёдоров, 2008, с. 319]. Использование фразеологизма «серая кошка пробежала» вместо прямого указания на конфликт позволяет сделать высказывание более дипломатичным и сглаживает

его резкость. Данный фразеологизм создаёт образ кратковременного, но ощутимого охлаждения отношений между странами, что снижает эмоциональную напряжённость сообщения.

Однако наряду с функцией смягчения образные единицы активно применяются и для усиления высказываний, добавляя им эмоциональной насыщенности и экспрессивности. Например:

3. А я всё гадала, кто же первым артикулировано произнесёт сакраментальное «Russians Did It». Оказалось, The Times. В эту газету даже **вяленую воблу** заворачивать опасно – **рыба сойдёт с ума** (Мария Захарова, Telegram, 21.05.2024).

Фразеологизм «с ума сойти»: выражение крайнего удивления или восхищения чем-либо; ироничного отношения к кому-либо или к чему-либо; подумать только [Фёдоров, 2008, с. 641]. Образное выражение «вяленая вобла сойдёт с ума» гиперболизирует абсурдность и недостоверность публикуемых материалов, создавая иронический эффект и усиливая негативную оценку газеты. Использование саркастического приёма делает высказывание более выразительным и эмоционально насыщенным, усиливая воздействие на аудиторию.

4. Официальный представитель Совета нацбезопасности США Эдриенн Уотсон: Украина не причастна к теракту в Красногорске, во всём виноват запрещённый ИГИЛ. Вот бы у них с **убийством собственного президента Кеннеди** так быстро получилось разобраться (Мария Захарова, Telegram, 24.03.2024).

В этом примере использование ссылки на убийство президента Кеннеди выполняет функцию усиления содержания, направленную на усиление эмоциональной насыщенности высказывания. Сравнение нерешённости дела об убийстве Кеннеди с ситуацией в Украине создаёт резкую контрастную связь, что усиливает недовольство и критику в адрес американской власти.

Таким образом, образные единицы в медиатизированном политическом дискурсе могут выполнять как функцию смягчения, так и функцию усиления высказывания, в зависимости от коммуникативной задачи адресанта. Смягчающие

стратегии помогают избежать эскалации конфликтов и придать речи более дипломатичный оттенок, тогда как усиливающие механизмы направлены на привлечение внимания, эмоциональное воздействие и усиление критики. Использование образных единиц позволяет политическим деятелям регулировать восприятие их высказываний, адаптируя их к целевой аудитории и медиатизированной среде.

2.5.4 Функция экономии языковых средств

Стремление к языковой экономии является универсальной тенденцией развития любой языковой системы, отражающей как внутреннюю логику её функционирования, так и прагматические установки коммуникантов. Лаконизм высказывания мотивируется намерением говорящего достичь максимальной эффективности коммуникации при минимальных затратах речевых усилий [Римиханова, 2014, с. 17]. При этом экономия языковых средств направлена не только на сокращение усилий со стороны продуцента речи, но и на обеспечение оперативного и однозначного восприятия информации адресатом [Шагланова, 2018, с. 18].

В условиях медиатизированного политического дискурса, характеризующегося жёсткими временными и пространственными рамками (эфирные ограничения, формат интернет-коммуникации и др.), функция экономии приобретает особую значимость. Использование образных единиц позволяет эффективно свёртывать смысловую информацию, передавая сложные политические концепты посредством лаконичных, насыщенных и интертекстуально нагруженных выражений. Рассмотрим несколько примеров.

1. Просто подтверждается этим фактом наличие серьёзных проблем систем с обслуживанием и снабжением этих систем «Хаймакс». Но это же только **вершина айсберга** (Андрей Афанасьев, «Время покажет», 05.05.2023).

«*Верхушка (вершина) айсберга*» – явная, видная всем часть какого-либо явления, основная часть которого неизвестна [Мокиенко, 2007, с. 80]. Образное

выражение «вершина айсберга» выступает как семантический концентрат, обозначающий лишь внешне видимую часть проблемы, скрывая под собой более масштабное содержание. За счёт небольшой формы высказывания реализуется экономия эксплицитных объяснений при сохранении высокой степени смысловой насыщенности.

2. В ходе политического ток-шоу журналист Сергей Строкань резко раскритиковал двойные стандарты в реакции США на нападение на Кремль. Он подчёркивает, что Запад, в частности США, продемонстрировал равнодушие, которое было бы невозможно, если бы аналогичная атака произошла на территории самого Запада: что-то там такое произошло – это невозможно. Давайте представим, в конце концов, что было бы, если бы что-то прилетело в Белый дом. Да, Белый дом. Или в Елисейский дворец. Уже был бы шквал звонков, срочная встреча НАТО, уже бы «семёрка» собралась. Уже бы всё – и прочие, и прочие. А здесь – ничего.

На это высказывание логично и выразительно откликнулась телеведущая Олеся Лосева, прибегнув к ещё более компактному и мощному высказыванию:

Да, в Америку прилетело **11 сентября**. И они не стали спрашивать мнение других. Просто сказали: «Всё, мы идём в Ирак» – и пошли. Всё. **Стёрли с лица земли** (Олеся Лосева, «Время покажет», 05.05.2023).

Телеведущая, ссылаясь на прецедентную ситуацию – теракт 11 сентября, сумела одним выражением вызвать в сознании зрителей полную историческую память о реакции США на террористическую атаку и последующем вторжении в Ирак, тем самым проводя параллель с текущей ситуацией. Фразеологизм «стереть с лица земли» («полностью уничтожить, разрушить до основания что-либо» [Фёдоров, 2008, с. 658]) лаконично и выразительно обобщает характер военного удара – его стремительность и разрушительные последствия. В условиях ограниченного эфирного времени телеведущая эффективно реализует функцию экономии языковых средств, передавая сложную информацию через компактные, насыщенные образные единицы.

3. В очередном докладе МИД Японии, в котором Токио присягает на верность своим западным союзникам, в том числе касаемо санкционных дел, всё

же проглядывает здравый эгоизм. Он постепенно пробивает себе дорогу. Япония, несмотря на грозную риторику и продолжающийся нажим западных увещевателей, отказывается выходить из выгодных проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Как ни крути, а **своя рубаха ближе к телу** (Григорий Карасин, Telegram, 16.04.2024).

Пословица «*Своя рубашка ближе к телу*» означает, что собственное благополучие (или благополучие близких) дороже интересов других людей [Зимин, Ашурова, 1994, с. 30]. Использование этой пословицы эффективно выполняет функцию экономии языковых средств. Эта краткая и лаконичная фраза позволяет выразить сложную мысль о том, что в ситуации, когда существует давление извне, человек или государство, как правило, предпочитают свои интересы. Без лишних объяснений или подробных рассуждений пословица сразу передаёт суть – в условиях политического давления Япония будет защищать то, что выгодно ей, несмотря на внешние угрозы. Таким образом, с помощью этой образной единицы достигается максимальная выразительность при минимуме слов, что соответствует принципу экономии языковых средств.

4. Единственный руководитель государства, которому хватило ума обвинить Россию в теракте, – это Зеленский. Потому что **на воре и шапка горит** (Мария Захарова, Telegram, 23.03.2024).

«*На воре шапка горит*» – разг. ирон. кто-либо невольно, случайно сам выдаёт то, что хотел бы скрыть [Федоров, 2008, с. 755]. Фразеологизм «*на воре шапка горит*» реализует экономию эксплицитного аргументирования, имплицируя презумпцию виновности через культурно закреплённую идиому.

Таким образом, функция экономии языковых средств в медиатизированном политическом дискурсе проявляется как реализация прагматического принципа эффективности в условиях информационной конкуренции и ограниченности ресурсов. Образные единицы позволяют компактно и выразительно передавать идеологически и эмоционально нагруженные идеи. Их использование обеспечивает не только лексическую и структурную компактность, но и коммуникативную многослойность, способствуя глубокому и быстрому усвоению политического содержания.

2.5.5 Функция популяризации

Термин «популяризировать» (сущ. «популяризация») в толковом словаре трактуется как «сделать понятным, доступным, популярным; распространить в широких кругах» [Ожегов, 2000, с. 693]. Популяризация в медиатизированной политической коммуникации означает не только упрощение, но и придание информации эмоционального и визуального контекста. Использование метафор, фразеологизмов, а также других образных единиц позволяет трансформировать абстрактные или сложные политические темы в доступные и привлекательные формы. Это помогает достичь следующих ключевых целей:

– привлечение внимания: использование ярких образов помогает выделить политическую информацию и сделать её заметной для широкой аудитории;

– обеспечение понимания: адаптация сложных идей через наглядные образы делает политические сообщения доступными для людей с разным уровнем подготовки;

– формирование устойчивых образов: создание запоминающихся символов и метафор способствует закреплению политических идей и формированию общественного мнения.

Рассмотрим следующие примеры:

1. На фоне поздравлений Владимира Путина главами стран мирового большинства агрессивные **натовцы похожи на заметавшихся тараканов**, застигнутых врасплох включённым светом: выборы несправедливые, но к сведению принимаем, не признавая, к общению готовы. С другой стороны, вот зачем я обидела тараканов? Их такими природа сотворила, в отличие от того состояния, в какое погрузили себя многие западные политики (Мария Захарова, Telegram, 18.03.2024).

Использование сравнения политиков с «*тараканами, застигнутыми врасплох включённым светом*» использовано для усиления функции популяризации. Такого рода сравнения, создавая яркий образ, легко воспринимаются аудиторией. Далее автор иронически добавляет, что тараканов

«зря обидели», поскольку они, в отличие от западных политиков, действуют в соответствии со своей природой. Это помогает усилить эмоциональную окраску высказывания, дискредитируя оппонентов и одновременно развлекая слушателя. В теоретическом плане подобные стратегии иллюстрируют механизм концептуальной метафоры, где перенос характеристик одного объекта на другой (тараканы – западные политики) формирует новое восприятие ситуации, акцентируя внимание на слабостях и ошибках оппонентов.

2. 我还要强调的是，如果企图在人工智能上也搞什么“**小院高墙**”，将会犯下新的历史错误，不仅阻挡不了各国的科技发展，还会破坏国际产业链供应链完整，削弱人类应对风险挑战的能力 / Я также хочу подчеркнуть, что если пытаться в области искусственного интеллекта применить политику «**малого двора и высокой стены**», это приведёт к новой исторической ошибке. Это не только не остановит развитие науки и технологий в других странах, но и разрушит целостность международных производственных и поставочных цепочек, ослабив способность человечества справляться с рисками и вызовами (интервью Ван И, репост «Синьхуа», 07.03.2024).

В этом примере метафора «*малый двор и высокая стена*» передаёт критику политики блокировки технологий. «Малый двор» символизирует закрытое, ограниченное пространство, а «высокая стена» – препятствие, изолирующее это пространство от внешнего мира. Таким образом, автор метафорически описывает губительную для мировой экономики политику США, направленную на ограничение развития искусственного интеллекта. Это превращает абстрактную критику в яркий и доступный образ, который помогает аудитории быстро воспринять идею изоляции и ограниченности.

今天（21 日），中国驻巴基斯坦使馆临时代办赵立坚在国外社交媒体上，发布了一张“苹果被切成片”的照片。他开玩笑说：“突发新闻：特朗普这么痛恨一家中国民营企业的原因揭晓了。看看华为的标识。它把**苹果切成了碎片**……” / Сегодня (21-го числа) временный поверенный в делах посольства Китая в Пакистане Чжао Лицзянь опубликовал в зарубежных социальных сетях фотографию, на которой изображено, как «яблоко нарезано на кусочки». Он пошутил: «Срочно: причина, почему Трамп так ненавидит одну китайскую частную компанию, раскрыта. Посмотрите на

логотип Huawei. Она разрезала яблоко на кусочки…» (блог Чжао Лицзяня, репост «Гуаньча», 21.05.2019) (рисунок 16).

Рисунок 16 – Блог Чжао Лицзяня,
перепечатанный на сайте «Гуаньча» из зарубежных социальных сетей

Этот пример демонстрирует использование юмора для привлечения внимания аудитории и повышения эмоционального отклика. Шутка основана на визуальной игре: логотип компании Huawei действительно напоминает разрезанное яблоко, что символически отсылает к его конкуренту – Apple. Сатирическое представление причины предполагаемой враждебности Трампа к китайской компании вызывает улыбку и одновременно подчёркивает иррациональность таких антагонистических настроений. Использование образной метафоры делает информацию более увлекательной, снижает напряжение и облегчает восприятие. В контексте публичной дипломатии такие юмористические приёмы способствуют неформальному и более открытому общению с аудиторией, соответствуя требованиям социальных сетей как платформы для живого и непринуждённого диалога.

Функция популяризации образных единиц в современном медиатизированном политическом дискурсе выполняет важную роль для

удержания внимания аудитории, управления её эмоциями и в целом для трансляции политических идей.

Таким образом, функции образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе играют ключевую роль в эффективной коммуникации. Образные выражения выполняют различные функции: они могут выражать экспрессивно-оценочные элементы, выполнять смыслообразующую функцию, способствовать экономии языковых средств. Образные единицы также используются для усиления или смягчения содержания высказывания, что позволяет адаптировать политическую речь к различным контекстам и аудиториям. Кроме того, они играют важную роль в популяризации политических идей, делая их более доступными и понятными для широкой аудитории. В целом, эти функции помогают политикам более эффективно взаимодействовать со своей аудиторией, увеличивая эмоциональное воздействие и лаконичность своих посланий.

2.6 Образные пространства в медиатизированном политическом дискурсе

В контексте медиатизированного политического дискурса образные пространства можно определить как совокупность визуальных, вербальных и звуковых образов, используемых для создания определённого представления о политических акторах, событиях, проблемах и идеологиях в массовом сознании. Эти образы не просто отражают реальность, но активно конструируют её, наделяя политические явления определёнными значениями, эмоциями и ассоциациями.

Политический дискурс, транслируемый через медиаплатформы, формирует особое образное пространство, в котором трансформируются процессы интерпретации и восприятия. Образные средства – метафоры, фразеологизмы и другие – способствуют смещению исходного смысла высказываний. Политическое сообщение, проходя через медиаполе и общественные интерпретации, подвергается реконтекстуализации и переосмыслению.

Таким образом, образные единицы политических текстов, распространяемых через медийные платформы, способны: а) порождать новые образы; б) формировать образные пространства политической информации, в) усиливать смыслы политических высказываний, г) трансформировать смыслы политической информации. Рассмотрим данные механизмы подробнее.

1) Порождение новых образов

Порождение новых образов – это не просто создание новых визуализаций или метафорических конструкций, а скорее процесс активной переработки и расширения существующих смыслов в медиатизированном политическом дискурсе.

Этот процесс лежит в основе формирования новых смысловых конструкций, возникающих из взаимодействия исходных образов и их интерпретаций. В медиатизированном политическом дискурсе каждый интерпретационно порождённый образ не только трансформирует восприятие исходного высказывания, но и участвует в создании новых репрезентаций, включаемых в более широкую семантическую сеть.

В качестве основы для анализа рассмотрим фрагмент выступления Ж. Боррeля на открытии Европейской дипломатической академии в Брюгге 13 октября 2022 года: ***Европа – это сад****.... Остальной мир,* ***большая часть других стран мира – это джунгли****. А джунгли могут совершить вторжение в сад* (ТАСС, 13.10.2022).

Для более глубокого понимания влияния этой метафоры обращение к ассоциативным реакциям на эти два слова в «Русском ассоциативном словаре» (см. рисунки 17, 18) позволяет выявить основные ассоциации каждого слова и понять, как в политическом дискурсе создаётся контраст между «садом» и «джунглями», усиливающий эмоциональное восприятие политических событий.

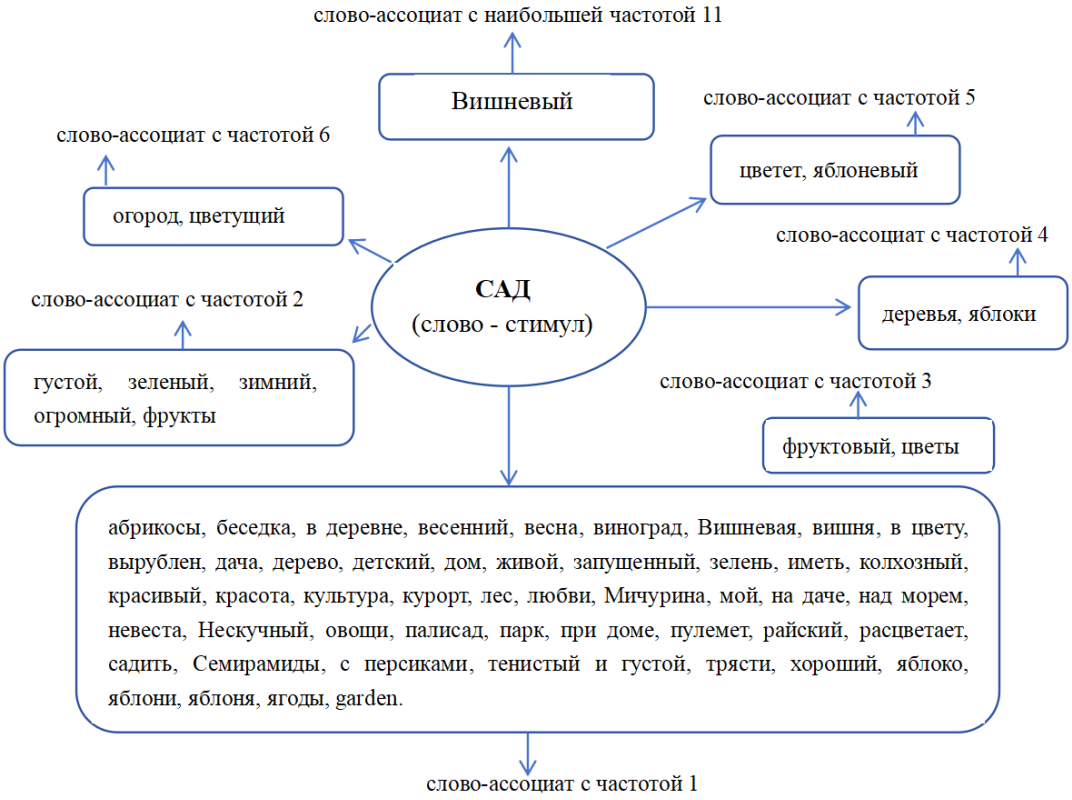

Рисунок 17 – Слово «САД» – Ассоциативные реакции в сознании человека (на основе «Русского ассоциативного словаря» [Караулов, 2002, с. 567])

Рисунок 18 – Слово «ДЖУНГЛИ» – Ассоциативные реакции в сознании человека (на основе «Русского ассоциативного словаря» [Караулов, 2002, с. 166])

Из приведённых выше рисунков можно увидеть, что слово «сад» в ассоциативном контексте связано с гармонией, природой, красотой и упорядоченностью. В его окружении можно найти такие ассоциации, как «вишнёвый», «яблоневый», «цветущий», «фруктовый», «зелёный», что в целом создаёт образ комфортного, процветающего и развитого пространства, которое в политическом контексте может символизировать цивилизованный, прогрессивный и стабильный мир. Это восприятие усиливает положительные ассоциации и создаёт положительный имидж Европы как центра развития и благосостояния.

В противоположность этому, слово «джунгли» вызывает у людей ассоциации с хаосом, угрозой, опасностью и неупорядоченностью. Метафорическое употребление лексемы джунгли основано на природоморфных свойствах диких территорий, заросших деревьями и кустарниками [Чичина, 2023, с. 470–471]. Слово связано с такими образами, как «непроходимые», «звери», «дебри», «лианы», «обезьяны», что создаёт картину дикости, неорганизованности и даже насилия. Это подчёркивает восприятие «джунглей» как неизведанных, опасных территорий, куда Европа может подвергнуться вторжению.

Когда Ж. Боррель говорит, что «*Европа – это сад, а остальной мир – джунгли*», он рисует контраст между цивилизованным Западом и остальными частями мира, которые представляются неорганизованными и угрожающими. Это не только делит мир на «своих» и «чужих», но и усиливает восприятие мировых конфликтов как борьбы между благосостоянием и хаосом, что может вызывать у аудитории чувство страха, подозрения и даже агрессии по отношению к тем странам, которые находятся вне «сада» Европы.

Образные выражения в политическом дискурсе не только формируют эмоциональное восприятие, но и усиливают идеологическую поляризацию, вызывая острую реакцию в медиа и обществе. При повторении и интерпретации в медиасреде метафоры начинают генерировать новые образы, расширяя исходные значения. Медиаполитические тексты активно используют эти средства для конструирования смысловых полей, опирающихся на базовые образы. В политической медиакоммуникации образы привлекают внимание аудитории и

направляют процесс интерпретации, способствуя формированию новых смыслов и расширению семантического пространства.

Рассмотрим высказывание Жозепа Борреля о «саде» и «джунглях», которое породило множество новых образов в СМИ. Например,

Продолжу аналогию – европейский садовник находится в ***вегетативном состоянии*** (Мария Захарова, Telegram, 13.10.2022). Мария Захарова использовала аналогичную метафору, чтобы описать состояние Ж. Борреля как застойное, бездеятельное или механическое, подобное тому, как садовод оказывается в состоянии «вегетативного сна», становится неспособным к действиям или инициативе. Она использует ещё одну метафору, утверждая, что «*Ждём комментариев Борреля. Думаю, они будут, как всегда, творческими. Что-нибудь про то, как в* ***чудесный сад*** *цивилизованной Европы не привезли дров из* ***дремучих джунглей***» (Мария Захарова, Telegram, 17.10.2022). Эта фраза продолжает тему критики, подразумевая, что Европейский Союз, не имея истинного разнообразия и понимания внешнего мира.

Поэтому господин Боррель может объяснять своим последователям, что он там гуляет в **эдемском цветущем саду**, но только скоро этот сад превратится в **пустыню** под выпусками **Сахары** (Александр Камкин, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 13.10.2022). Александр Камкин использовал контраст между образами «Эдемский сад» и «пустыня Сахары», чтобы усилить эффект критики. «Эдемский сад» символизирует гармонию и идеальность, тогда как «пустыня Сахары» – это суровая, бесплодная и безжизненная среда. Это противопоставление усиливает смысловую нагрузку, создавая образ деградации и перехода от идеального состояния к упадку.

这话说得，好像欧洲是“**天堂**”、除了欧洲都是“**荒蛮之地**” / Будто Европа является «**раем**», а всё кроме неё – «**дикой землёй**» (статья на «Baidu», 14.10.2022). Метафора «рая» и «дикой земли» намекает на то, что автор отрицательно оценивает прекрасный образ Европы, что, в свою очередь, придаёт высказыванию иронический оттенок. Этот контраст между «раем» и «дикой землёй» подчёркивает разрыв между европейским самовосприятием и взглядом извне.

Кроме того, интернет-мемы также играют важную роль в порождении новых образов. Они «передают определённую культурную информацию в стандартизированной форме (картинка и текст в квадратной рамке)» [Канашина, 2019, с. 107]. Некоторые метафоры могут превратиться в интернет-мемы, которые обычно отличаются юмором, иронией или вызывают размышления. Они быстро распространяются, потому что ими легко делиться и передавать в социальных интернет-сетях, форумах, блогах и на других онлайн-платформах. На рисунках 19, 20 приведены примеры: «Yes, Europe is a garden»; «Жозеп, Европа – не Эдем, у вас в “саду” полно проблем!».

Рисунок 19 – Капитан Очевидность из «цветущего сада»

Рисунок 20 – Европа – не Эдем

Используя языковую игру и построение тематического поля (сад – не Эдем), коллективный автор новых статей отрицает семантику цветущего сада как части Эдема, где отсутствуют любые признаки цивилизации, порождает сложную эмоцию, совмещающую в себе комплекс смысловых и эмоциональных компонентов.

Формирование образного пространства медиатизированного политического дискурса основано не на изолированном использовании метафор, а на способности ключевых образов запускать цепочку производных репрезентаций. Так, первичная метафора «сад – джунгли» не ограничивается прямым противопоставлением, а

становится ядром смыслогенерации, порождая образы типа «вегетативный садовник» или «Эдем, превращённый в пустыню». Эти производные образы не только усиливают метафорическую структуру, но и расширяют интерпретационное поле, активируя культурную память, исторические коннотации и эмоциональные реакции. В результате образное пространство предстает как динамическая сеть взаимосвязанных образов, формирующих новые семантические горизонты и влияющих на общественное восприятие.

Анализируя, как конкретные медиаплатформы порождают новые образы, можно лучше понять механизмы формирования общественного мнения и политического влияния. Механизм порождения новых образов в политических текстах, распространяемых через медиа, является сложным и динамичным процессом, в котором участвуют политические тексты, медиаплатформы и аудитория. Этот механизм играет важную роль в формировании общественного мнения и политической идентичности.

2) Формирование образных пространств политической информации

Образные единицы политических текстов действительно формируют образные пространства – это не просто набор отдельных образов, а скорее система взаимосвязанных идей, представлений, эмоций и ассоциаций, которые формируются в сознании аудитории под воздействием политических текстов и медиа.

В условиях современной международной политической коммуникации образная репрезентация становится важнейшим инструментом дискурсивной конструктивизации, выражения позиции и распространения идеологических установок. Через создание живого и конкретного смыслового пространства она не только усиливает воздействие политического дискурса и его эмоциональную мобилизацию, но и визуализирует абстрактные процессы политического противостояния, облегчая восприятие сложных взаимосвязей и контекстов.

Типичным примером является появившаяся в последние годы метафора «стол и меню», которая уже стала прецедентным высказыванием. На Мюнхенской конференции по безопасности в 2024 году госсекретарь США Энтони Блинкен

заявил: «If you're not at the table in the international system, you're going to be on the menu / Если вы не за столом переговоров в международной системе, вы будете в меню» (Русский код, ВКонтакте, 24.02.2024). Эта метафора посредством оппозиции двух образов – «стола» и «меню» – конструирует символически насыщенную и напряжённую пространственную сцену:

– Пространство стола символизирует центр политического принятия решений и распределения власти. Находящиеся за этим столом субъекты могут участвовать в разработке правил и вести переговоры, а также влиять на поведение других участников.

– Пространство меню олицетворяет пассивную, подчинённую и жертвенную позицию. Субъекты, попавшие в эту зону, лишаются возможности влияния и превращаются в объекты политической игры, а в крайних случаях – в «жертвы» этой игры.

Контрастная структура данной метафоры порождает выраженный эффект самопозиционирования: она побуждает аудиторию осмысленно определить своё положение в символическом пространстве и вызывает эмоциональную реакцию тревоги или настороженности. Таким образом, данное высказывание выполняет не только информативную функцию, но и способствует репродукции представлений об устройстве международного порядка и границах дискурсивного влияния.

Китайская сторона отреагировала на эту метафору, предложив её переосмысление. На пресс-конференции второго заседания XIV Всекитайского собрания народных представителей 7 марта 2024 года министр иностранных дел КНР Ван И заявил: «平等的多极化，是要体现各国权利平等、机会平等、规则平等，不能再允许个别或少数大国垄断国际事务，不能再允许以所谓实力地位把国家分成三六九等，不能再允许谁的拳头大谁就说了算，更不能允许有的国家必须在餐桌上、有的国家只能在菜单里/ Равноправная многополярность должна означать равенство прав, равенство возможностей и равенство правил для всех стран. Больше нельзя допускать, чтобы отдельные или немногие крупные державы монополизировали международные дела, делили страны по уровню силы и влияния или решали всё по принципу “у кого кулак больше”. И уж точно нельзя допускать, чтобы одним странам

отводилось место за столом, а другим – только в меню» (Ван И, «Chinadaily», 07.03.2024).

Это заявление продолжает образную рамку «стол – меню», но наполняет её новыми аксиологическими измерениями – справедливости, равенства и верховенства закона. Китайская сторона переопределяет семантику «пространства стола», подчёркивая, что оно должно формироваться не на основе силы, а в соответствии с международным правом и справедливым распределением. На 61-й Мюнхенской конференции по безопасности Ван И вновь подчеркнул: «*国家不论大小强弱，都是国际法治的利益攸关方。多极格局不能是无序的状态，如果没有了规矩，昨天在餐桌边，明天就可能在菜单上 / Страны, независимо от их площади и мощи, являются заинтересованными сторонами в международной правовой системе. Многополярность не должна означать беспорядок: если не будет правил, те, кто сегодня за столом, завтра могут оказаться в меню»* («Chinadaily», 16.02.2025).

Таким образом, происходит переосмысление не только на семантическом уровне, но и через перекодирование пространственной структуры. Это позволяет конструировать альтернативную модель мирового порядка – многополярную, справедливую и основанную на принципах совместного управления. Интегрируясь в существующую образную модель, Китай наполняет её собственными ценностными смыслами, воздействуя на когнитивное восприятие международной аудитории и усиливая эмоционально-ценностную идентификацию малых и средних государств.

Профессор Майкл Кларк (King’s College London, University of Exeter) в интервью Sky News отметил: *«There's an old diplomatic saying when it comes to big negotiations: 'If you're not at the table, you're on the menu.' And believe me - Ukraine is on the menu / Существует старая дипломатическая поговорка, связанная с крупными переговорами: “Если ты не за столом, ты в меню”. И поверьте мне – Украина в меню»*. Это образное выражение подчёркивает уязвимое положение страны, исключённой из процесса принятия решений. 18 марта 2025 года украинский президент Владимир Зеленский резко отреагировал на слова о том, что Украина находится «в меню» у Путина, заявив, что она – не блюдо. *«Мы не салат*

и не компот, чтобы быть в меню у Путина, несмотря на его аппетиты», – сказал он в ответ военному аналитику Майклу Кларку, который высказался об отсутствии Украины за столом переговоров: «если тебя нет за столом, ты в меню». Данная реплика представляет собой ответную ироничную метафору, использующую лексику повседневности для снижения пафоса высказывания оппонента. Представитель МИД России Мария Захарова иронично ответила: *«На этот раз Зеленский не солгал. Киевский режим – не салат и не компот. Это то, во что превращается содержимое меню после переваривания»* («Газета.ru», 19.03.2025). Образное выражение, основанное на пищевой метафоры, становится средством политической полемики.

Параллельно с этим Россия прибегает к иронической реконцептуализации данной метафоры. На встрече министров иностранных дел G20 в Бразилии в 2024 году глава МИД России Сергей Лавров с иронией отметил: *«Я бы пожелал, чтобы с такими аппетитами наши американские коллеги за своим демократическим столом не подавились»* (Русский код, ВКонтакте, 24.02.2024). В марте 2025 года заместитель председателя Совета Безопасности РФ Дмитрий Медведев, комментируя телефонный разговор между президентами Путиным и Трампом, ещё более усилил образную составляющую: *«Телефонный разговор между президентами Путиным и Трампом подтвердил известную идею – в столовой есть только Россия и Америка. В меню: лёгкие закуски – брюссельская капуста, британская рыба с картошкой фри и парижский петух. Основное блюдо – котлета по-киевски. Приятного аппетита»* (Владимир Соловьев, Telegram, 19.03.2025). Подобные заявления реализуют процесс повторной метафоризации через включение пищевых образов, создавая новые фигуративные конструкции. Тем самым они превращают абстрактное представление о властных отношениях в конкретную и наглядную сцену приёма пищи, детализируя различия между «блюдами» по уровню значимости и предопределённой участи. Посредством иронии и преувеличения российская сторона снижает драматизм и давление американского дискурса доминирования и одновременно конструирует свой образ в качестве «дискурсивного подрывателя». Это можно рассматривать как форму

пространственной реконфигурации на уровне языка, позволяющую России активно воздействовать на международное информационное поле за счёт ослабления авторитарного компонента изначальной метафоры.

Таким образом, метафора «стол – меню» из локального высказывания превратилась в многозначный и конфликтогенный ресурс международного политического дискурса. Её принятие, переосмысление и переоформление разными участниками международных отношений отражает борьбу за интерпретацию международного порядка и за утверждение собственных политических позиций. Формируемое в рамках данной метафоры образное пространство выводит политическую коммуникацию за рамки институциональных механизмов, создавая визуально насыщенные и эмоционально вовлекающие сценарии, которые стимулируют когнитивную резонансность, мобилизуют чувства и формируют солидарность, тем самым значительно повышая эффективность распространения политического послания.

3) Усиливание смыслов политических высказываний

В медиатизированном политическом дискурсе образные единицы выступают не только как языковые средства выражения эмоционального отношения, но и как мощные механизмы конструирования смысла. Благодаря своей визуальной природе и культурной насыщенности, они конкретизируют, оживляют и делают воспринимаемыми по сути абстрактные, рациональные и институционализированные политические позиции, тем самым значительно повышая выразительность и когнитивную проникаемость политического дискурса. Особенно в условиях современной высокомедиатизированной, фрагментированной информационной среды с дефицитом внимания образные единицы, обладая когнитивными преимуществами и способностью вызывать эмоциональный отклик, становятся важными средствами успешной передачи политической информации и усиления её значимости.

Примером может служить реакция официального представителя Министерства иностранных дел Китая Хуа Чуньин на так называемую «теорию угрозы Коммунистической партии Китая», озвученную госсекретарём США

Майком Помпео. В своём ответе Хуа Чуньин использовала выражение «лягушка на дне колодца», что ярко демонстрирует значимость образных единиц в усилении политического высказывания.

美国国务院博客发布国务卿蓬佩奥所谓的中国共产党威胁论后，中国外交部发言人华春莹 2 日在博客上用三连问反击，还配上一张井底之蛙的图。“这是什么样的‘世界’？”“世界=美国？”“井底之蛙眼中的天空？”/ После того как Госдепартамент США опубликовал в блоге заявление госсекретаря Помпео о так называемой угрозе со стороны Коммунистической партии Китая, официальный представитель МИД Китая Хуа Чуньин 2-го числа в блоге ответила тремя вопросами и прикрепила изображение лягушки на дне колодца (рисунок 21). *«Что это за “мир”?» «Мир = США?» «Небо, каким его видит лягушка на дне колодца?»* (блог Хуа Чуньин, репост «Хуаньцю», 01.09.2020).

Рисунок 21 – Ответ официального представителя МИД Китая Хуа Чуньин на заявление Госдепартамента США в блоге

Во-первых, включение визуального компонента в политический дискурс способствует преодолению абстрактности текстовой коммуникации за счёт эмоционального и перцептивного воздействия, обеспечивая более быстрое и эффективное восприятие политической позиции. В заявлении Хуа Чуньин,

сопровождающем вербальные высказывания визуальной метафорой «лягушки на дне колодца», нарушается конвенциональная сдержанность дипломатического языка, что придаёт высказыванию экспрессивность и усиливает его коммуникативный эффект. Взаимодействие вербального и визуального кодов реализует кросс-модальное конструирование смысла, способствуя переходу от логической обработки информации к её образному восприятию. Визуализация, таким образом, усиливает когнитивную доступность и эмоциональную значимость политического высказывания.

Во-вторых, культурное значение образных единиц расширяет смысловое пространство политического дискурса. Используемая в вышеупомянутом ответе идиома «лягушка на дне колодца» происходит из китайской классической литературы «Чжуан-цзы». 井底之蛙 (лягушка на дне колодца): 处在井底的青蛙只能看到井口那样大的一片天。比喻见识浅陋的人. Лягушка, находящаяся на дне колодца, видит лишь небольшой кусочек неба. Так говорят в Китае о человеке с очень узким кругозором [Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь, 2019, с. 784]. Этот фразеологизм давно сформировал устойчивый культурный образ и когнитивный консенсус. В данном контексте его использование не только косвенно критикует отсутствие глобального видения у американских политиков на семантическом уровне, но и на более глубоком уровне активизирует ресурсы традиционной китайской культуры, придавая политическому дискурсу черты культурной реконтекстуализации. Ссылаясь на эту культурно обусловленную языковую единицу, Хуа Чуньин не только использует историко-культурный дискурс для формирования текущей дипломатической позиции, но и подразумевает моральное превосходство, основанное на цивилизационной традиции. Эта культурная стратегия усиливает формирование национального имиджа и демонстрирует уникальную функцию образных единиц как средств культурной коммуникации.

В-третьих, многозначность и символизм образных единиц значительно усиливают распространение и вовлечённость политического дискурса. В современном общественном мнении, доминируемом цифровыми медиа, лаконичные, но насыщенные многозначными интерпретациями образные

выражения часто легче вызывают повторную интерпретацию и взаимодействие публики. В случае с «лягушкой на дне колодца» сочетание текста и изображения обладает сильным потенциалом распространения: не только из-за содержащейся в нём критики и иронии, но и благодаря визуальным и символическим характеристикам, способным вызывать эмоциональный резонанс у аудитории и символическое воспроизводство, превращая его в резонансную смысловую точку в интернет-культуре. Как отмечают СМИ, Хуа Чуньин ответила Помпео тремя вопросами и одной картинкой, и, увидев это изображение, пользователи сети рассмеялись («Вэньхуй», 02.09.2020). В комментариях под блогом были такие высказывания: *The Selfish frog / Это эгоистичная лягушка. US and west is not the world / Америка и Запад не представляют весь мир* («Вэньхуй», 02.09.2020). Этот эффект распространения показывает, что образные единицы, будучи высококонцентрированными носителями информации, успешно реализуют передачу смысла и эмоциональное возбуждение за очень короткое время, тем самым обеспечивая эффективное политическое выражение в массовой коммуникации.

В медиатизированном политическом дискурсе образные единицы усиливают смысл за счёт многомерного взаимодействия: визуальный аспект активирует перцептивную реакцию, культурный – транслирует ценностные установки, а многозначность – расширяет коммуникативный охват. В условиях конкурентной политической коммуникации они, опираясь на напряжённое взаимодействие языка, образа и культуры, способствуют не только точной и эффективной передаче сообщений, но и укреплению дискурсивного суверенитета и когнитивного влияния в международном пространстве. Таким образом, образные единицы выступают не только языковым инструментом, но и стратегическим ресурсом в борьбе за интерпретационное доминирование.

4) Трансформация общих смыслов политической информации

В процессе медиатизации политического дискурса образные единицы, формирующие образное пространство, сохраняют динамический характер: они постоянно реконструируются и семантически переосмысливаются в зависимости

от политического контекста и особенностей медиаплатформ, становясь инструментами символической борьбы. Эти трансформации включают адаптацию и переработку значений, что влияет на восприятие политической информации аудиторией. Существенное значение при этом имеют хронотопические характеристики вербальных актов [Боженкова и др., 2019, с. 80], определяющие специфику интерпретации высказываний в медиатизированной среде. Примером таких процессов может служить высказывание Джо Байдена в финальные дни предвыборной кампании, продемонстрировавшее, как политическое сообщение претерпевает интерпретационные изменения в медийном пространстве.

На онлайн-встрече с представителями латиноамериканского сообщества США 29 октября 2024 года в ответ на высказывание Тони Хинчклиффа бывший президент США Дж. Байден заявил, что «пуэрториканцы – порядочные и хорошие люди», а «единственный плавающий мусор», которого он видит в стране, – сторонники Д. Трампа. Этот ответ Байдена был реакцией на расистскую метафору Хинчклиффа, в которой Пуэрто-Рико связывался с мусором, что вызвало сильное возмущение среди представителей латиноамериканского сообщества и политиков. Несмотря на то, что изначально спор был вызван неудачным высказыванием комика, реакция президента США привлекла значительно большее внимание общественности, что объясняется более широким влиянием и политической значимостью его слов как главы государства. Его высказывания сразу стали предметом обсуждения в СМИ и интернет-пространстве. Хотя позднее Дж. Байден и Белый дом пояснили, что президент имел в виду «сторонника» (supporter), а не «сторонников» (supporters) Д. Трампа, его высказывание о сторонниках Д. Трампа как о «мусоре» всё же получило широкое распространение в новостных сообщениях и стало предметом общественного обсуждения.

Новостные медиаресурсы выступают важными каналами распространения политического дискурса, формируя общественное мнение и усиливая доминирующие политические нарративы. После появления спорного высказывания Дж. Байдена СМИ активно включились в его тиражирование,

выступая не только трансляторами, но и интерпретаторами политического содержания. Рассмотрим несколько заголовков.

Заголовок новости 1: *拜登又说错话了：怒喷特朗普的支持者都是“垃圾”* / *Дж. Байден снова оговорился: назвал сторонников Д. Трампа «мусором»* («Tencent», 30.10.2024). Данный новостной заголовок интерпретирует оговорку Дж. Байдена как всеобъемлющую критику сторонников Д. Трампа, а реакции в комментариях способствуют дальнейшему усилению данного восприятия. Например, фраза «哈里斯的猪队友/ Харрис и её горе-напарник» связывает эту оговорку с общей проблемой команды демократов. Это напоминает популярное китайское выражение: «Не бойся сильного соперника, а остерегайся ненадёжного, как свинья, соратника». Упоминание « 老 年 痴 呆 了 / болезни Альцгеймера» служит насмешкой над состоянием здоровья Байдена, превращая его высказывание в повод для сомнений в его компетентности. Такие комментарии не ограничиваются самим высказыванием, а через иронию добавляют событию больше отрицательного значения, усиливая образы Байдена как «неуправляемого» и «вызывающего раскол».

Заголовок новости 2: *Biden Appears to Insult Trump Supporters as ‘Garbage,’ but Quickly Tries to Clarify / Байден, похоже, оскорбил сторонников Трампа, назвав их «мусором», но быстро попытался пояснить свои слова* («The New York Times», 29.10.2024). Эта новость описывает событие в более широкой рамке политической коммуникации, подчёркивая, что использование метафор подобного рода характерно для обеих сторон политического противостояния. Дополнительно приводится другой пример использования схожей метафоры, но уже со стороны политического оппонента Дж. Байдена. Так, критикуя миграционную политику администрации, Дональд Трамп заявил, что США превратились в «like a garbage can for the world / мусорное ведро для всего мира». Это свидетельствует о том, что метафора «garbage» широко используется в политическом дискурсе. Отметим, что Белый дом оперативно отреагировал на критику высказывания Дж. Байдена. В официальном заявлении администрация президента возразила против трактовки

его слов как оскорбления сторонников Д. Трампа, пояснив, что он на самом деле называл «мусором» расистские высказывания, а не самих людей. Этот новостной репортаж переосмысляет высказывание Дж. Байдена, вводя различные точки зрения и подчёркивая контекст политического дискурса.

В отличие от новостных заголовков, в которых первичная интерпретация высказывания Байдена доминирует и задаёт рамку обсуждения, социальные сети способствовали более глубокой трансформации смысла, превращая скандал в инструмент идеологического противоборства и меметического сопротивления. После заявления Дж. Байдена о том, что сторонники Д. Трампа – это «мусор», в социальных сетях началась активная переработка этого высказывания.

Байден назвал сторонников Трампа мусором. То есть даже не скрывают, что демонократы ненавидят бедных людей и не собираются им никак помогать (Alt-Right, Вконтакте, 02.11.2024). На платформе Alt-Right в социальной сети ВКонтакте высказывания Байдена интерпретировались как выражение ненависти демократов к бедным слоям населения. Интернет-мемы визуализировали беспомощное состояние бедных семей.

Такое толкование преобразовало первоначальный политический контекст в социальное противостояние, противопоставляя «элитных демократов» и «бедных американцев». Критика распространилась на более широкий круг лиц, связывая её с наиболее уязвимыми слоями общества, и превратилась в обвинение против целого социального класса. Образ Байдена, поедающего мороженое, ассоциируется с его ранее сделанной шуткой о том, что он ест мороженое в качестве стимулирующего препарата перед дебатами, что создаёт впечатление сомнительного психического состояния и намекает на его безразличие к серьёзным проблемам общества (рисунок 22).

В данном случае произошла двойная трансформация смысла: высказывания Байдена трансформировались в дискриминацию бедных слоёв населения и в образ неспособного лидера.

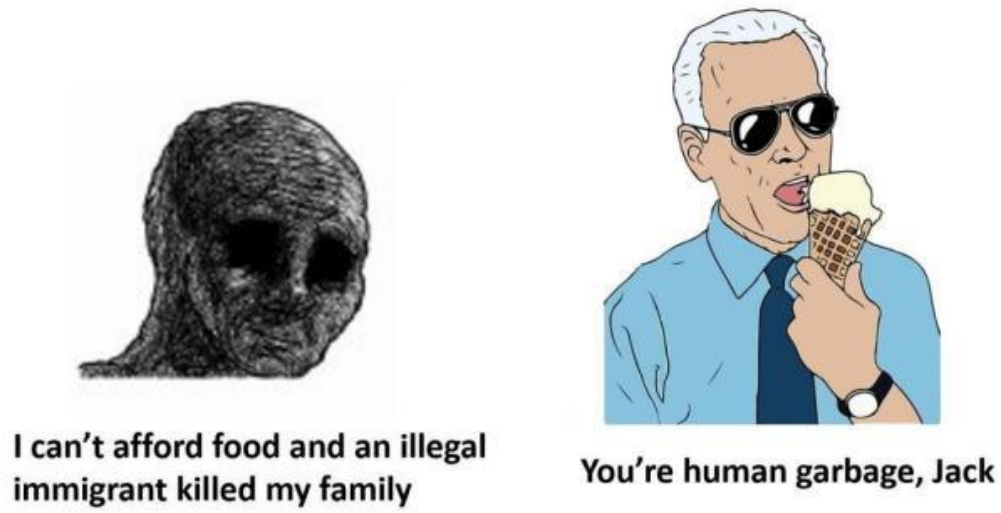

Рисунок 22 – Интернет-мемы из социальной сети ВКонтакте

Высказывание Дж. Байдена о сторонниках Д. Трампа как о «мусоре» изначально могло быть воспринято как оговорка или результат пунктуационной ошибки. Однако в политической коммуникации Д. Трамп трансформирует это негативное обозначение в позитивный и визуально выраженный символ. В своём ответе он противопоставляет образ «мусора» метафоре «сердца и души Америки», переосмысливая высказывание Байдена и усиливая эмоциональный отклик аудитории: *250 million americans are not garbage–I call you the heart and soul of america / 250 миллионов американцев – это не мусор. Я называю вас сердцем и душой Америки* (репост «face2faceafrica», 31.10.2024).

Появление Трампа на публике за рулём мусоровоза в оранжевом жилете (рисунок 23) превращает оскорбление в элемент политической сатиры и символической мобилизации. Таким образом, негативная метафора не только теряет остроту, но и используется для конструирования альтернативной идентичности сторонников, укрепляя их эмоциональную и идеологическую солидарность.

Рисунок 23 – Фрагмент видеозаписи о Д. Трампе из социальной сети ВКонтакте

В то же время происходила обратная семантическая трансформация, когда сторонники Трампа переосмыслили негативную маркировку, превратив её в символ коллективной идентичности. В рамках Хэллоуина они нарядились в костюмы «мусорных мешков», включая своих питомцев, что усилило социально-культурное значение самоиронии (см. рисунок 24).

Рисунок 24 – Кампания сторонников Д. Трампа из социальной сети ВКонтакте

Такой приём позволил превратить стигматизацию в символ единства и контрудара, усиливая сплочённость сторонников. Эта трансформация способствовала распространению и воспроизводству дискурсивных сообщений

через социальные медиа, где пользователи активно создавали и распространяли мемы, расширяя эффект контратаки.

А им идёт: сторонники Дональда Трампа нарядились на Хэллоуин в мусорные мешки, «необычную» одежду примерили даже их питомцы (РЕН ТВ | Новости, ВКонтакте, 01.11.2024).

Видно, что сторонники Трампа пошли дальше, чем просто оставляя негативные комментарии в адрес Байдена. Так, они начали использовать самоиронию, как форму информационного противоборства.

Пример высказывания Дж. Байдена о сторонниках Д. Трампа демонстрирует, как политическое сообщение, пройдя через фильтры медиа и общественного мнения, претерпевает изменения и приобретает новые символы и ассоциации. Процесс реконструкции и переосмысления значений активируется не только медиа, но и участием аудитории на социальных платформах и в публичных дискуссиях. Это подтверждает, что медиатизированный политический дискурс не только выполняет функцию передачи информации, но и является сложным процессом создания новых рамок восприятия и значений.

Таким образом, образные единицы политических текстов, распространяемых через медийные платформы, оказывают значительный эффект на восприятие и интерпретацию политической информации. Они порождают новые образы, что создаёт воздействие более глубокого и эмоционально насыщенного понимания сложных политических реалий. Эти образы, взаимодействуя и противопоставляясь, формируют целые образные пространства, что приводит к последствию структурирования информации и придания ей новых смысловых оттенков в зависимости от контекста и культурных кодов. Кроме того, образные единицы трансформируют смыслы политической информации, создавая эффект переосмысления существующих нарративов и формирования новых интерпретаций. Наконец, они усиливают смыслы политических высказываний, добавляя к ним эмоционально-оценочную окраску, что вызывает результат повышения убедительности и воздействия на аудиторию. В результате такие

образные единицы становятся мощным инструментом, оказывающим многогранное влияние на формирование общественного мнения.

Выводы по 2 главе

Глава посвящена анализу функционирования образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе. В ходе исследования было установлено, что использование образных единиц, таких, как метафоры, образные сравнения, прецедентные феномены, фразеологизмы, просторечная и бранная лексика образного происхождения, способствует репрезентации сложных политических концептов в доступных, чувственно воспринимаемых формах.

Выявлена жанровая специфика применения образных единиц. В политических ток-шоу они усиливают конфликтность и помогают удерживать внимание зрителей, в интервью с политиками – способствуют созданию убедительных и структурированных аргументов, что укрепляет доверие аудитории, а в интернет-блогах политиков образные единицы используются для персонализации сообщений и создания эффекта близости с аудиторией.

Результаты эксперимента с использованием технологии отслеживания движений глаз подтвердили, что образные единицы обладают значительной аттрактивной сущностью, которая проявляется в их способности привлекать и удерживать внимание. Эти единицы не только делают информацию более запоминающейся, но и активизируют восприятие, стимулируя эмоциональные и когнитивные реакции аудитории. Они усиливают аксиологическую значимость событий, формируя у зрителей определённые ассоциации и ценностные установки, а также регулируют восприятие информации, перестраивая нарративные рамки и влияя на политический контекст.

Образные единицы выполняют важные функции в медиатизированном политическом дискурсе, такие, как выражение экспрессивно-оценочных элементов, экономия языковых средств и усиление или смягчение содержания высказывания. Это делает их важным инструментом в адаптации политической речи к разным

аудиториям и контекстам. Они также способствуют популяризации политических идей, делая их более доступными и понятными для широкой публики.

Таким образом, образные единицы в медиатизированном политическом дискурсе оказывают многогранное влияние на восприятие и интерпретацию политической информации. Они создают новые образы, которые способствуют более глубокому и эмоционально насыщенному пониманию политической реальности. Эти образы, взаимодействуя и противопоставляясь, структурируют информацию и придают ей новые смысловые оттенки, что усиливает влияние на общественное мнение и формирование новых интерпретаций политических событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено анализу специфики медиатизированного политического дискурса как сложной и многоуровневой дискурсивной системы. Посредством медиа он обеспечивает двустороннюю коммуникацию между политической сферой и обществом, функционируя не только как канал передачи информации, но и как инструмент формирования общественного сознания. Медийная трансляция трансформирует политическое высказывание в управляемую форму воздействия, способную моделировать восприятие, ценностные ориентиры и интерпретационные рамки. Тем самым медиатизированный политический дискурс приобретает как значимое теоретическое измерение в контексте изучения механизмов политической коммуникации, так и важное прикладное значение в анализе стратегий дискурсивного влияния, реализуемых через медиа.

Исследование подтверждает ключевую роль образных единиц в распространении политического дискурса. Образные единицы, такие как сравнения и метафоры, фразеологизмы, прецедентные феномены, паремии, просторечия и бранные выражения не только делают политическую информацию более понятной, но и оказывают глубокое влияние на эмоции и установки аудитории через эмоционально окрашенные выражения. Они упрощают восприятие информации и усиливают эмоциональную связь, что значительно увеличивает воздействие и убеждающую силу дискурса. Политики используют образные единицы для установления глубоких эмоциональных связей с аудиторией, что способствует эффективной передаче сложной информации и укрепляет общественное признание их позиций.

Сравнительный анализ использований образных единиц в различных жанрах медиатизированного политического дискурса России и Китая показал значительные различия в использовании образных единиц. В российском контексте они часто эмоционально насыщены и агрессивны, тогда как в китайском акцент делается на рациональность. Это подчёркивает адаптивность образных единиц к

культурным и языковым условиям, а также их значение для межкультурной политической коммуникации.

В ходе исследования установлено, что образные единицы в медиатизированном политическом дискурсе обладают ключевыми свойствами: аттрактивностью смысла, мнемоничностью и способностью к когнитивно-эмоциональной модификации восприятия. В аспекте аттракторов смысла они концентрируют внимание аудитории на релевантных аспектах политического высказывания, усиливая его семантическую значимость. Как мнемонические маркеры, образные выражения способствуют лучшей усвояемости и долговременному запоминанию политических посланий. С точки зрения восприятия, они активизируют эмоционально-когнитивные механизмы интерпретации, направляя понимание событий в заданном идеологическом русле и повышая эффективность дискурсивного воздействия.

Кроме того, в исследовании выделены пять функций образных единиц, подчёркивающих их значимость в медиатизированном политическом дискурсе. Экспрессивно-оценочная функция позволяет через яркие образы передавать ценностные суждения, помогая аудитории формировать свое отношение к событиям; смыслообразующая функция в медиатизированном политическом дискурсе направляет восприятие информации и формирует её интерпретацию у аудитории через конкретизацию и акцентирование, усиливая эмоциональное воздействие и глубину восприятия, а функция экономии языковых средств упрощает сложную информацию и делает её более доступной; функция усиления или смягчения содержания усиливает выразительность сообщения или наоборот, создавая баланс между разумом и эмоциональностью; функция популяризации делает сложные идеи понятными широкой аудитории, облегчая восприятие информации. Все эти функции подтверждают многомерную ценность образных единиц в политической коммуникации.

Следует отметить, что образные пространства, формируемые в медиатизированном политическом дискурсе, представляют собой особую форму репрезентации политической информации, где метафоры, фразеологизмы и другие

образные единицы не только усиливают выразительность высказываний, но и трансформируют их смысл в процессе медийной циркуляции. Как показал анализ, эти единицы активно участвуют в создании вторичных интерпретаций, формируя новые когнитивные рамки восприятия. Таким образом, образные пространства выступают неотъемлемым механизмом влияния на массовое сознание, отражая специфику современного политического коммуникативного ландшафта.

Данное исследование расширяет теоретическое понимание медиатизированного политического дискурса, подчёркивая динамическую взаимосвязь между языковой формой и социальной функцией. С практической точки зрения оно подтверждает важность образных единиц для повышения эффективности коммуникации, их культурную адаптивность и межкультурные вариации, создавая базу для дальнейших исследований.

Перспективные направления исследований включают: 1) изучение эффектов образных единиц в медиаполитической среде и их адаптации к новым медиа; 2) анализ влияния образных единиц на когнитивные и эмоциональные модели восприятия аудитории с использованием методов когнитивной лингвистики и социальной психологии; 3) углублённый сравнительный анализ межкультурной политической коммуникации для выявления универсальных черт и различий в использовании образных единиц в различных культурных системах.

Таким образом, исследование медиатизированного политического дискурса и образных единиц способствует развитию междисциплинарных исследований, объединяющих дискурсивную лингвистику, когнитивную лингвистику и социальную психологию. Оно предоставляет теоретическую основу для изучения политической коммуникации и открывает новые перспективы анализа взаимосвязи языка и социальной идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.

2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – Москва: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.

3. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

4. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В.П. Аникин. – Москва: Учпедгиз, 1957. – 240 с.

5. Анисимова Е.С. Прагматическая ситуация счастья и ее дискурсивная реализация в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.С. Анисимова. – Иркутск, 2007. – 178 с.

6. Анненкова И.В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель (лингвофилософский аспект): автореф. дис. … д-ра филол. наук / И.В. Анненкова. – Москва, 2012. – 60 с.

7. Антонова О.Н. Функциональные свойства паремий-трансформов в англоязычном публицистическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / О.Н. Антонова; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – Тула, 2012. – 187 с.

8. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1978. – Т. 37, № 4. – С. 334–335.

9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

10. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – Москва: Наука, 1979. – С. 147–173.

11. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1964. – 316 с.

12. Ахманова О.С. Очерк по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – Москва: Учпедгиз, 1957. – 298 с.

13. Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники / А.М. Бабкин. – Ленинград: Наука, 1970. – 264 с.

14. Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России / В.Н. Базылев // Политический дискурс в России-2 : материалы рабочего совещ. / РАН, Ин-т языкознания. – Москва: Диалог-МГУ, 1998. – С. 6–8.

15. Балли Ш. Краткий очерк стилистики / Ш. Балли. – Женева, 1905. – 278 с.

16. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – 2-е изд., стер. – Москва: УРСС, 2001. – 394 с.

17. Барабанщиков В.А. Окуломоторная активность человека как предмет и метод психологического исследования / В.А. Барабанщиков // Айтрекинг в психологической науке и практике / под ред. В.А. Барабанщикова. – Москва: Когито-Центр, 2015. – С. 10–15.

18. Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации: советский политический язык: (от ритуала к метафоре) / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – Москва: Знание, 1991. – 63 с.

19. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом / А.Н. Баранов // Человек. – 1997. – № 6. – С. 108–118.

20. Барбазюк В.Ю. Особенности семантики образных единиц речи: лингвокультурологический аспект / В.Ю. Барбазюк // Вестник Московской международной академии. – 2017. – № 1. – С. 123–125.

21. Баребина Н.С. Ризомная модель междисциплинарности в исследовании феномена «новой искренности» / Н.С. Баребина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 5–17.

22. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / З. Барт; пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва: Прогресс, 1989. – 616 с.

23. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3 : Теория романа (1930–1961 гг.) / М.М. Бахтин. – Москва: Языки славянских культур, 2012. – 880 с.

24. Бельчиков Ю.А. «Литературно-просторечная лексика» и ее роль в обогащении словарного состава русского литературного языка / Ю.А. Бельчиков // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. – Калинин, 1980. – С. 72–88.

25. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии / О.И. Блинова // Экспрессивность лексики и фразеологии. – Новосибирск, 1983. – С. 3–11.

26. Богуславская В.В. Медиатекст и хэштеги: цифровая трансформация СМИ / В.В. Богуславская, И.В. Богуславский // Гуманитарный вектор. – 2017. – № 5. – С. 51–58.

27. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов / В.В. Богуславская. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с.

28. Будаев Э.В. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Москва: Флинта, 2008. – 351, [1] с.

29. Букеева М.Е. Гибридные жанры презентационного дискурса: 10.02.04 : автореф. дис. … канд. филол. наук / М.Е. Букеева; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва, 2014. – 23 с.

30. Былевский В.П. Описание прецедентного имени в текстах массовой коммуникации КНР / В.П. Былевский // Вестник МГЛУ. Лингвистические аспекты литературного перевода. – 2016. – Вып. 11 (750). – С. 106–121.

31. Введение в литературоведение: учеб. для филол. спец. ун-тов / Г.Н. Поспелов, П.А. Николаев, И.Ф. Волков [и др.]; под ред. Г.Н. Поспелова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Высш. шк., 1988. – 528 с.

32. Вербализация образа России в масс-медийном дискурсе Запада и Востока / Э.Г. Мещрабова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина [и др.] // Культурно-языковые контакты: сб. науч. тр. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – Вып. 13. – С. 30–54.

33. Виноградов В.В. О языке художественной прозы // Избранные труды / В.В. Виноградов. – Москва: Наука, 1980. – 360 с.

34. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – Москва, 1977. – С. 140–161.

35. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов. – Ленинград: ЛГУ, 1946. – 307 с.

36. Виноградов В.В. Современный русский язык. Вып. 1: Введение в грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – Москва: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1938. – 156, [3] с.

37. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов; Акад. наук СССР, Отд-ние литературы и языка. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.

38. Влияние установки на чтение на стратегию чтения цифрового текста у учащихся старшего школьного возраста: результаты айтрекингового исследования / А.А. Берлин Хенис, А.Н. Пучкова, М.Ю. Лебедева, О.Ф. Купрещенко, Т.С. Веселовская // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 121–138.

39. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; пер. с англ. и нем. яз. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.

40. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке / К.А. Войлова; Моск. пед. ун-т. – Москва: Изд-во Моск. пед. ун-та, 2000. – 444 с.

41. Ворожцова О.А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / О.А. Ворожцова Ольга Александровна; [Место защиты: Ур. гос. пед. ун-т]. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.

42. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – 637 с.

43. Габец А.А. Функции прецедентных феноменов в деловом дискурсе / А.А. Габец // Вестник Самарского университета. – 2016. – № 3 (1). – С. 113–119.

44. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – Москва: Наука, 1988. – С. 11–26.

45. Гапутина В.А. Проявления гибридности в современном русскоязычном медиадискурсе моды : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. А. Гапутина; [Место защиты: Волгоградский государственный ун-т]. – Москва, 2019. – 198 с.

46. Гладко М.А. Дискурсивная реализация «новой искренности» в коммуникативном пространстве медиа / М.А. Гладко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 18–28.

47. Глотова Т.А. Теория общей фразеологии: учеб. пособие / Т.А. Глотова, М.Т. Бекоева, Т.Г. Цакалиди; Сев.-Осет. гос. ун-т. – Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. – 138 с.

48. Гнусина Е.В. Сравнительный анализ современного французского просторечия и современного русского просторечия: на материале современной художественной литературы и других источников: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.В. Гнусина. – Москва, 2006. – 208 с.

49. Гольдберг В.Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глагольных сравнений) / В.Б. Гольдберг // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – №1 (34). – С. 64–74.

50. Грачев М.А. Новые формулы политического языка для выражения оценки / М.А. Грачев, С.В. Ионова // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 4 (275). – С. 19–25.

51. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д.Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. – Москва: Изд-во МГУ, 2003. – С. 141–160.

52. Даль В.И. Пословицы русского народа: сб. в 2 т. Т. 1 / В.И. Даль. – Москва: Худож. литература, 1984. – 383 с.

53. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия «Журналистика». – 2006. – № 2. – С. 20–33.

54. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. – Москва: Флинта : Наука, 2008. – 264 с.

55. Дубровская Т.В. Интервью с судьями как гибридный тип дискурса / Т.В. Дубровская // Юрислингвистика. – 2010. – № 10. – С. 25–35.

56. Дьякова Е.Ю. Сопоставительный анализ стратегий и тактик аргументирования в британских и российских политических ток-шоу / Е.Ю. Дьякова, П.А. Каминская // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 3. – С. 100–105.

57. Евсюкова Т.В. Основные подходы к определению понятий «блог» и «блогосфера» в лингвистике / Т.В. Евсюкова, Т.М. Гермашева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Вып. 11. – С. 234–239.

58. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ дис. ... д-ра филол. наук / М. Р. Желтухина; [Место защиты: Ин-т языкознания РАН]. – Москва 2004. – 722 с.

59. Засурский И.И. Масс-медиа второй республики / И.И. Засурский. – Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. – 272 с.

60. Захаров С.М. Политический текст и поверхность: поиск новых сочетаний / С.М. Захаров // СибСкрипт. – 2014. – №4 (60). – С. 100–103.

61. Зеленский В.В. Послесловие / В.В. Зеленский // Психология политики. Психологические и социальные идеи Карла Густава Юнга / В. Одайник. – Санкт-Петербург: Ювента, 1996. – С. 368–380.

62. Зинченко В.П. Образ и деятельность / В.П. Зинченко. – Москва: Ин-т практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. – 608 с.

63. Илюхина Н.А. Образ как объект семасиологического анализа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Илюхина. – Уфа, 1999. – 38 с.

64. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов / С.В. Ионова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 459 с.

65. Ионова С.В. Лингвистика текста в стремлении к точности и широте / С.В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 6–14.

66. Ионова С.В. Медиатизация социально-медицинской сферы как фактор формирования образа пожилого человека / С.В. Ионова, Ма Юйсинь // Лингвистика и образование. – 2022. – Т. 2, № 4 (8). – С. 42–53.

67. Ионова С.В. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания / С.В. Ионова, А.А. Штеба // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 2 (40). – С. 63–81.

68. Ионова С.В. Текстовое пространство СМИ: теоретические и эмпирические аспекты исследования / С.В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 163–168.

69. Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О.К. Ирисханова; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва, 2005. – 50 с.

70. Ирисханова О.К. Процессы гибридизации в языке. Лексические гибриды / О.К. Ирисханова, Е.А. Ивашко // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий : моногр. / И.И. Халеева [и др.]. – Москва: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 57–74.

71. Иссерс О.С. Стратегии интервью в контексте «новой искренности»: «секрет на миллион» и немного меньше / О.С. Иссерс, А.С. Герасимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 29–45.

72. Канашина С.В. Интернет-мем как медиатекст / С.В. Канашина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. – 2019. – Т. 19, вып. 1. – С. 107–112.

73. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Москва; Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

74. Карасик В.И. Сетевой дискурс: жанровые характеристики / В.И. Карасик // Язык. Текст. Дискурс. – 2018. – № 16. – С. 152–166.

75. Карасик В.И. Трансформация знания в современную эпоху: лингвокультурный аспект / В.И. Карасик // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2017. – № 3. – С. 88–94.

76. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

77. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука, 1987. – 264 с.

78. Касаткин Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант; под ред. П.А. Леканта. – 2-е изд., испр. И доп. – Москва: Высш. шк., 1995. – 382 с.

79. Катышев П.А. Речевое вовлечение в деятельность радикального сообщества: критическое дискурсивное исследование прецедентности / П.А. Катышев, М.А. Осадчий // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 441. – С. 19–26.

80. Кибрик А.А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс / А.А. Кибрик // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. – Москва: Академический проспект, 2011. – С. 79–85.

81. Колошиц А.Г. Способы перевода паремиологических единиц на русский язык (на материале русской художественной прозы) / А.Г. Колошиц // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. и тез. IX международной научно-практической конференции. Минск, 25 ноября 2015 г. / отв. рел. Н.Н. Нижнева. – Минск: Белорусский государственный университет, 2015. – С. 7–13.

82. Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук / А.А. Константинова; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филол. фак.]. – Москва, 2012. – 42 с.

83. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – 143 с.

84. Костомаров В.Г. Как тексты становятся прецедентными / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.

85. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – Москва: Гнозис, 2002. – 284 с.

86. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер. с фр. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

87. Кропотова Л.В. Лексикографические аспекты полисемии / Л.В. Кропотова // Вестник ВятГУ. – 2006. – № 14. – С. 107–109.

88. Крюкова И.В. Прецедентные имена 1990-х годов как эмоционально-оценочное средство в современной массовой коммуникации / И.В. Крюкова // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2024. – № 4(8). – С. 153–158.

89. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: монография / А.В. Кунин. – Москва: Международные отношения, 1972. – 289 с.

90. Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: автореф. ... канд. филол. наук / С.Л. Кушнерук. – Челябинск, 2006. – 23 с.

91. Левин В.Д. Краткий очерк истории русского литературного языка / В.Д. Левин. – Москва: Просвещение, 1958. – 169 с.

92. Леднева А.В. Паремиологическая картина мира в русском и немецком языках (тематический блок «Человек»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.В. Леднева ; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. – Уфа, 2015. – 153 с.

93. Леонтьева Т.В. Сочетание «новая искренность» в лексикографическом аспекте / Т.В. Леонтьева, А.В. Щетинина // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 6. – С. 183–201.

94. Лукьянова Н.А. Образность как характеристика значения слова / Н.А. Лукьянова, М.И. Черемисина // Синтаксис и лексическая семантика. – Новосибирск, 1986. – С. 258–265.

95. Любимова Н.В. Стилистический смысл гибридизации жанров на стыке различных дискурсов / Н.В. Любимова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 5 (638). – С. 311–322.

96. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 43–47.

97. Миронов С.А. Полудиалект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи / С.А. Миронов // Типы наддиалектных форм языка. – Москва: Наука,1981. – С. 79–96.

98. Михалева О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.

99. Мкртчян Т.Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Ю. Мкртчян. – Ростов-на-Дону, 2004. – 24 с.

100. Москвин В.П. К типологии речевых образов / В.П. Москвин //Известия РАН. Серия лит. и языка. – 2004. – Т. 63, № 2. – С. 33–41.

101. Мрочко Л.В. Теория и практика массовой информации : учеб. пособие / Л.В. Мрочко. – Москва: Флинта: МПСИ, 2006. – 240 с.

102. Натхо О.И. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.И. Натхо. – Пятигорск, 2017. – 27 с.

103. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. 208 с.

104. Немирова Н.В. Прецедентность как основа мифологичности политического дискурса / Н.В. Немирова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33. – С. 96–98.

105. Нестерова Т.В. Гибридные жанры в игровой интернет-коммуникации. (поздравительный дискурс) / Т.В. Нестерова // Жанры речи. – 2022. – № 1 (33). – С. 43–57.

106. Николаева О.В. Кросс-культурная паремиология: китайские пословицы и поговорки в англоязычных китайских СМИ / О.В. Николаева, Чэнь Шумэй, М.Е. Панина // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 233–247.

107. Олизько Н.С. Реализация интердискурсивности в семиотическом пространстве / Н.С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 22 (276). – С. 86–89.

108. Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н.Н. Оломская // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17). – С. 250–259.

109. Опарина Е.О. Концептуальная метафора / Е.О. Опарина // Метафора в языке и в тексте. – Москва: Наука, 1988. – С. 65–77.

110. Павлович Н.В. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В. Павлович // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 104–117.

111. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1988. – 235 с.

112. Петрова С.И. Окказиональные фразеологизмы в немецкой художественной речи: структурно-семантическая и функциональная характеристики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Москва, 1984. – 208 с.

113. Поветьева Е.В. Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Поветьева; [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. – Волгоград, 2014. – 25 с.

114. Полякова И.С. Прецедентные имена со сферой-источником «терроризм» в политическом дискурсе США и России / И.С. Полякова // «Динамика культуры в обществе социальных инноваций»: материалы Всеросс. науч. конф., май 2011 / под ред. С.В. Соловьевой. – Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2011. – С. 335–341.

115. Попов Р.Н. Фразеологические единицы современного литературного русского языка с архаичными значениями и формами слов / Р.Н. Попов. – Москва : Высшая школа, 1976. – 200 с.

116. Попова Е.Ю. Прецедентные феномены в современном художественном дискурсе: на материале романов В. Пелевина «Generation “П”» и «Числа»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Ю. Попова; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2012. – 22 с.

117. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Москва: Лабиринт, 2007. – 248 с.

118. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 1. – Москва: Филология, 1997. – С. 82–103.

119. Радбиль Т.Б. Прецедентные тексты в языковой картине мира / Т.Б. Радбиль // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: сб. науч. тр. – Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 1999. – С. 34–41.

120. Ребеко Т.А. Ментальная репрезентация как формат хранения информации / Т.А. Ребеко // Ментальная репрезентация: динамика и структура. Москва: Институт психологии РАН, 1998. – С. 25–51.

121. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикер // Теория метафоры. – Москва: Наука, 1990. – С. 416–433.

122. Римиханова А.Н. Специфика лаконичных языковых форм в идиостиле В.В. Вересаева: дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Римиханова. – Махачкала, 2014. – 155 с.

123. Розова Н.К. Метод айтрекинга в исследовании распознавания исторических личностей различными возрастными группами / Н.К. Розова, М.Ю. Абабкова // Россия в глобальном мире. – 2023. – № 26. – С. 147–158.

124. Ройзензон Л.И. О понятии «Фольклорная фразеология» / Л.И. Ройзензон // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. – Тула, 1968. – С.78–81.

125. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: монография / редкол.: В.И. Шаховский, С.В. Ионова, А.А. Дьякова. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2012. – 388 с.

126. Ротенберг В.С. Речь и образные компоненты мышления – тенденции развития проблемы / В.С. Ротенберг // Речь: восприятие и семантика. М., 1988. – С. 121–129.

127. Русакова О.Ф. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики / О.Ф. Русакова, Е.Г. Грибовод // Научный ежегодник института философии и права УрО РАН. – 2014. – № 14 (4). – С. 65–77.

128. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии / Н.А. Боженкова, П.А. Катышев, С.В. Ионова, Э.М. Афанасьева, Л.Н. Саакян // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 76–92.

129. Савельева И.В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования: дис. … д-ра филол. наук / И.В. Савельева. – Кемерово, 2022. – 496 с.

130. Савченко А.Н. Речь и образное мышление / А.Н. Савченко // Вопросы языкознания. – 1980. – № 2. – С. 21–32.

131. Сегал Н.А. Ассоциативный потенциал прецедентного онима Чернобыль в русской языковой картине мира / Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко, М.Б. Ворошилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 132–142.

132. Сидорков С.В. Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса / С.В. Сидорков; отв. ред. В.И. Тхорик. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 214 с.

133. Скворцов Л.И. Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов. (На материале русской лексики послеоктябрьского периода) / Л.И. Скворцов. – Москва: АКД-М, 1996. – 18 с.

134. Скляревская Г.Н. Категория образности и толковый словарь литературного языка / Г.Н. Скляревская // Советская лексикография. – Москва, 1988. – С. 88–100.

135. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Г. Слышкин. – Волгоград, 1999. – 18 с.

136. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – Москва: Литература на иностранном языке, 1956. – 369 с.

137. Смыкунова Н.В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Н.В. Смыкунова; [Место защиты: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина]. – Москва, 2003. – 19 с.

138. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи / И.М. Снегирев; отв. ред. О.А. Платонов. – Москва: Ин-т русской цивилизации, 2014. – 528 с.

139. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык: лексика и фразеология (сопоставительный аспект): учеб. для студентов филол. фак. и фак. иностр. яз. / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт. – Москва: Флинта : Наука, 2002. – 258, [1] с.

140. Солопова О.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации / О.А. Солопова, К.А. Наумова // Филологический класс. – 2018. – № 4 (54). – С. 15–21.

141. Сорокин Ю.С. «Просторечие» как термин стилистики // Доклады и сообщения филологического института ЛГУ. – 1949. – Вып. 1. – С. 124–137.

142. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как часть языка / А.Е. Супрун // VIII Конгресс МАПРЯЛ. – Минск, 1994. – С. 7–12.

143. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): дис. … д-ра филол. наук / С.С. Тахтарова. – Волгоград, 2010. – 430 с.

144. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С. 173–204.

145. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 201 с.

146. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – Москва: Наука, 1991. – С. 5–35.

147. Третьякова И.Ю. Фразеологическая образность и особенности её окказионального преобразования / И.Ю. Третьякова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2010. – № 3. – С. 202–206.

148. Трофимова Г.Н. Влияние трансмедийных процессов на языковую личность веб-коммуниканта / Г.Н. Трофимова, Р.А. Савастенко, Н.И. Чеснокова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 17–28.

149. Федоров А.И. Образная речь / А.И. Федоров; отв. ред. К.А. Тимофеев. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – 120 с.

150. Филатова Н.В. Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония? / Н.В. Филатова // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 3. – С. 41–46.

151. Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества: на материале фразеологии современного русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Т.М. Филоненко; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. – Москва, 2004. – 41 с.

152. Фокина М.А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе: на материале блогов политиков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.А. Фокина; [Место защиты: Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. – Нижний Новгород, 2016. – 199 с.

153. Хлопова А.И. Эмоционально-оценочный компонент как маркер изменения ценности / А.И. Хлопова // Эмоции, текст, дискурс: актуальные лингвистические аспекты: сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. С.В. Ионовой. – Москва, 2025. – С. 133–140.

154. Ходакова Е.П. «Просторечная» и «простонародная» лексика в стилистически ограниченных контекстах (первая треть XIX в.) / Е.П. Ходакова // Экскурсы в историю русской лексики. – Москва: Наука, 1978. – С. 44–74.

155. Хомутова Т.Н. Гибридность дискурса: интегральный подход / Т.Н. Хомутова // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 1 (52). – С. 102–111.

156. Хотног А.В. Природа гибридного дискурса (на материале французского языка) / А.В. Хотног // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 8. – С. 190–194.

157. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. –Москва: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.

158. Черных А.И. Медиа и демократия / А.И. Черных. – Москва; Санкт-Петербург: Университет. кн., 2011. – 272 с.

159. Чичина М.О. Лексемы «Джунгли»/«сад», «Шерхан», «Табаки» в политических метафорах XXI века / М.О. Чичина // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. – Москва: Дипломатическая акад. М-ва иностр. дел Рос. Федерации, 2023. – С. 469–475.

160. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. / А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

161. Шагланова Е.А. Компрессия текста телерекламы: стратегический аспект: дис. … канд. филол. наук / Е.А. Шагланова. – Улан-Удэ, 2018. – 161 с.

162. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие / Н.М. Шанский. – Санкт-Петербург: Специальная литература, 1996. – 192 с.

163. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. – Москва: Гнозис, 2008. – 414, [1] с.

164. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Москва: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

165. Шейгал Е.И. Язык СМИ и политика в семиотическом аспекте // Язык СМИ и политика / Е.И. Шейгал; под ред. Г.Я. Солганика. – Москва: Изд-во Московского государственного университета, 2012. – С. 121–161.

166. Щербакова А.В. Средства образности в немецком публицистическом дискурсе / А.В. Щербакова // Язык и культура (Новосибирск). – 2013. – № 8. – С. 63–67.

167. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: дис. … д-ра филол. наук / Е.А. Юрина. – Томск, 2005. – 436 с.

168. Язык массовой коммуникации – особый язык социального взаимодействия: учеб. пособие / под ред. М.Н. Володиной // Язык средств массовой информации. – Москва: Академический проспект; Альма Матер, 2008. – С. 27–48.

169. Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности: сборник научных трудов по итогам 5-й Международной научной конференции, посвященной 75-летию Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Эпицентр, 2021. – 314.

170. Cottle S. Media and the bush presidency: politics, process and performance / S. Cottle. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 274 p.

171. Fairclough N. Media Discourse / N. Fairclough. – New York : Edward Arnold, 1995. – 214 p.

172. Fairclough N. Political discourse in the media: an analytical framework / N. Fairclough // Approaches to Media Discourse. – Oxford : Blackwell Publishing, 1998. – P. 142–162.

173. Lakoff G. Les métaphores dans la vie quotidienne / G. Lakoff, M. Johnson. – Paris: Éd. de Minuit,1985. – 254 p.

174. Paivio A. Mental representations: a dual coding approach / A. Paivio. – Oxford : Oxford University Press, 1986. – 322 p.

175. Schulz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept / W. Schulz // European Journal of Communication. – 2004. – № 19. – P. 87–101.

176. 陈原．社会语言学[M]. 北京：商务印书馆,2000:342. (Чэнь Юань. Социолингвистика / Чэнь Юань. – Пекин: Коммерческое издательство, 2000. – 342 с.).

177. 范晋豪. 现代汉语粗俗语研究[D]. 上海:华东师范大学文学系, 2016: 57. (Фань Цзиньхао. Исследование вульгарной лексики современного китайского языка: дис. / Фань Цзиньхао; [Место защиты: Литературный факультет Восточно-Китайского педагогического университета]. – Шанхай, 2016. – 57 с.).

178. 方梦之. 译学词典[M]. 上海:外语教育出版社, 2004: 325. (Фан Мэнчжи. Словарь переводоведения / Фан Мэнчжи. – Шанхай: Издательство по обучению иностранным языкам, 2004. – 325 с.).

179. 高俊杰. 汉语粗俗语及其对外汉语教学[D]. 上海: 华东师范大学文学系, 2014: 42. (Гао Цзюньцзе. Вульгарная лексика китайского языка и её преподавание для иностранцев: дис. / Гао Цзюньцзе; [Место защиты: Литературный факультет Восточно-Китайского пед. ун-та]. – Шанхай, 2014. – 42 с.).

180. 高艳. 汉语词汇与词汇教学[M]. 北京:华语教学出版社, 2018: 208. (Гао Янь. Лексика китайского языка и её преподавание/ Гао Янь. – Пекин: Издательство по обучению китайскому языку, 2018. – 208 с.).

181. 黄伯荣, 廖序东. 现代汉语(上册)[M]. 北京:高等教育出版社, 2017: 293. (Хуан Божун. Современный китайский язык (1-й том) / Хуан Божун, Ляо Сюйдун. – Пекин: Высшее образовательное изд-во, 2017. – 293 с.).

182. 蒋春丽, 杨可. 政治话语研究—俄语语言研究的新方向[J]. 广东外语外贸大学学报, 2013(6):10-13. (Цзян Чуньли. Исследование политического дискурса – новое направление в изучении русского языка / Цзян Чуньли, Ян Кэ // Журнал Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли. – 2013. – Вып. 6. – С. 10–13.).

183. 李文中. 语言的委婉与粗鄙[J]. 黑龙江大学学报, 1993(4):51-55. (Ли Вэньчжун. Эвфемизмы и грубость в языке / Ли Вэньчжун // Журнал Хэйлунцзянского университета. – 1993. – Вып. 4. – С. 51–55).

184. 雷大川. 政治：一种语言的存在－兼论政治语言学的建构[J]. 文史哲, 2009(2):162-168. (Лэй Дачуань. Политика: существование как язык – к вопросу о построении политической лингвистики / Лэй Дачуань // История, литература, философия. – 2009. – Вып. 2. – С. 162–168.).

185. 卢婷婷. 政治语言学的学科构建－《政治语言学》述介[J]. 当代外语研究, 2011(1): 60-61. (Лу Тинтин. Конструирование дисциплины политической лингвистики – обзор книги «Политическая лингвистика» / Лу Тинтин // Современные исследования иностранных языков. – 2011. – Вып. 1. – С. 60–61.).

186. 刘梦嘉. 军事－政治话语—俄罗斯语言学研究的新方向[J]. 山西青年, 2019(10 下): 1-3. (Лю Мэнцзя. Военно-политический дискурс – новое направление исследований в российской лингвистике / Лю Мэнцзя // Молодёжь Шаньси. – 2019. – Вып. 10. – С. 1–3.).

187. 刘永红. 试论俄语形象成语的一些特点[J]. 中国俄语教学, 1993(4): 9-11. (Лю Юнхун. Некоторые особенности русских образных идиом / Лю Юнхун // Преподавание русского языка в Китае. – 1993. – № 4. – С. 9–11.).

188. 刘宏. 外语教学中的先例名现象[J]. 外语与外语教学, 2003(11):22-26. (Лю Хун. Феномен прецедентных имён в обучении иностранным языкам / Лю Хун // Иностранные языки и обучение иностранным языкам. – 2003. – № 11. – С. 22–26.).

189. 彭文钊. 语言文化学[M]. 上海:上海外语教育出版社, 2006:361. (Пэн Вэньчжао. Лингвокультурология / Пэн Вэньчжао // Шанхай: Шанхайское изд-во по обучению иностранным языкам, 2006. – 361 с.).

190. 史式. 汉语成语研究[M]. 成都: 四川人民出版社, 1979:577. (Ши Ши. Исследование китайских идиом / Ши Ши. – Чэнду: Сычуаньское народное изд-во, 1979. – 577 с.).

191. 苏娅. 当代俄罗斯报刊广告中的先例现象[J]. 中国俄语教学, 2005(4):41-46. (Су Я. Прецедентные феномены в современной российской газетной рекламе / Су Я // Преподавание русского языка в Китае. – 2005. – № 4. – С. 41–46.).

192. 孙玉华, 彭文钊, 刘宏. 语言的政治 vs. 政治的语言－政治语言学的理论与方法[J]. 外语与外语教学, 2015(1):1-7. (Сунь Юйхуа. Политика языка vs язык политики – теория и методы политической лингвистики / Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао, Лю Хун // Иностранные языки и обучение иностранным языкам. – 2015. – № 1. – С. 1–7.).

193. 田海龙. 政治语言研究：评述与思考[J]. 外语教学, 2002(1):23-28. (Тянь Хайлун. Исследование политического языка: обзор и размышления / Тянь Хайлун // Преподавание иностранных языков. – 2002. – № 1. – С. 23–28.).

194. 王伯浩. 英语口语 中的“脏话”别用[J]. 外国语, 2000(2):48-54. (Ван Бохао. О «брани» в английской устной речи / Ван Бохао // Иностранные языки. – 2000. – № 2. – С. 48–54.).

195. 王德春. 语言学概论[M]. 上海:上海外语教育出版社, 1997:264. (Ван Дэчунь. Введение в лингвистику / Ван Дэчунь. – Шанхай: Шанхайское изд-во по обучению иностранным языкам, 1997. – 264 с.).

196. 王臻. 语言先例现象探索[M]. 哈尔滨:黑龙江大学出版社, 2011:297. (Ван Чжэнь. Исследование прецедентных феноменов языка / Ван Чжэнь. – Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского университета, 2011. – 297 с.).

197. 向光忠. 成语概说[M]. 武汉: 湖北人民出版社, 1982:106. (Сян Гуанчжун. Обзор идиом / Сян Гуанчжун. – Ухань: Народное изд-во Хубэя, 1982. – 106 с.).

198. 谢盛根. 俄汉成语形象意义的对比[J]. 解放军外语学院学报, 1991(6):39-43. (Се Шэнгэнь. Сравнительный анализ образных значений русских и китайских идиом / Се Шэнгэнь // Журнал Институт иностранных языков НОАК. – 1991. – № 6. – С. 39–43.).

199. 杨岚. 现代俄语中的先例文本研究—以俄罗斯民间童话和经典文学作品为例[D]. 北京外国语大学, 2018:69. (Ян Лань. Исследование прецедентных текстов в современном русском языке – на примере русских народных сказок и классической литературы: дис. / Ян Лань; [Место защиты: Пекинский ун-т иностранных языков]. – Пекин, 2018. – 69 с.).

200. 杨可. “克里米亚”作为语言意识形象的政治语言学研究 - 以普京国情咨文文本为例[J]. 外语与外语教学, 2016(6):1-11. (Ян Кэ. Исследование прецедентного феномена «Крым» как языкового образа в политической лингвистике – на примере текста послания Путина / Ян Кэ // Иностранные языки и обучение иностранным языкам. – 2016. – Вып. 6. – С. 1–11.).

201. 武占坤, 马国凡. 谚语[M]. 呼和浩特:内蒙古人民出版社, 1980:473. (У Чжанькунь. Пословицы / У Чжанькунь, Ма Гофань. – Хух-Хото: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1980. – 473 с.).

202. 赵爱国. 先例理论及其研究—认知心理与跨文化交际视角之阐释[J]. 外语与外语教学, 2006(9):1-6. (Чжао Айго. Прецедентная теория и её исследование – объяснение

с точки зрения когнитивной психологии и межкультурной коммуникации / Чжао Айго // Иностранные языки и обучение иностранным языкам. – 2006. – № 9. – С. 1–6.).

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

203. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 2-е, стер. – Москва: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.

204. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд «Ленингр. Галерея», 1993. – 1628 с.

205. Большой китайско-русский словарь = 華俄大辭典: 華俄大辭典: по русской графической системе: в 4-х т.: около 250000 слов и выражений / сост. под руковод. и ред. И.М. Ошанина. – Москва: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1983–1984.

206. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2008. – 1536 с.

207. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: [около 1200 пословиц и поговорок] / В. П. Жуков. – Москва: Русский язык, 2000. – 544 с.

208. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

209. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок (более 40000 образных выражений) / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.

210. Мокиенко В.М. Большой словарь русских народных сравнений /В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.

211. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва, 2000. – 939 с.

212. Русские пословицы и поговорки: учебный словарь / В.И. Зимин, С.Д. Ашурова [и др.]. – Москва: Школа-Пресс, 1994. – 316 с.

213. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – Москва: Астрель: АСТ, 2002. – 784 с.

214. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка / В.Н. Телия. – М.: АСТ-Пресс, 2006. – 784 с.

215. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – Москва: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

216. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / сост.: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – Москва: Русский язык, 1978. – 543 с.

217. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей / авт.-сост. В. Серов. – 2-е изд. – Москва: Локид-Пресс, 2004. – 880 с.

218. Oxford advanced learner’s dictionary. – 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 1824 p.

219. 温端政. 常用俗语辞典. 上海:上海辞书出版社, 2014. 562 页. Вэнь Дуаньчжэн. Словарь общеупотребительных суюев / Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай: Шанхайское изд-во словарей, 2014. – 562 с.

220. 温端政. 常用歇后语辞典. 上海:辞书出版社. 2014. 461 页. Вэнь Дуаньчжэн. Словарь популярных сехоуюй / Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай: Изд-во словарей, 2014. – 461 с.

221. 夏征农, 陈至立. 辞海. 上海:上海辞书出版社, 2009. 5758 页. Ся Чжэннун. Цыхай / Ся Чжэннун, Чэнь Чжили. – Шанхай: Шанхайское изд-во словарей, 2009. – 5758 с.

222. 郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京:商务印书馆国际有限公司, 2019. 2003 页. Чжэн Вэйли. Большой словарь китайских чэнъюев / Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь. – Пекин: Международная коммерческая пресса Co., Ltd, 2019. – 2003 с.

223. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语大词典. 北京:商务印书馆, 2013. 2242 页. Центр изучения словарей Коммерческой прессы. Большой словарь чэнъюев Синьхуа. – Пекин: Международная коммерческая пресса, 2013. – 2242 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты для экспериментального исследования

код текста	версия текста	текст
к1	контр	Мы уже почти привыкли к тому, что авторами телефонных разговоров, комментариев к постам, кассирами, секретарями организаций всё чаще становятся автоматические устройства. Вопреки нашим надеждам, избавиться от них нам уже не удастся. Остаётся только **быть умнее автоматов**.
к2	контр	Российское кино стало гораздо более качественным, чем было ещё 10–15 лет назад. Многое поменялось: нормальные сценарии, **приличные диалоги, режиссура**, игра артистов. Нравится. И тем не менее. Надо идти вперёд. Снимать о войне.
к3	контр	Европейцы потеряли наш рынок очень надолго, **их инвестиции сгорели**, хотя сами производства остались. Спасибо им за бесплатные или сильно подешевевшие мощности, которые перешли в собственность российских компаний.
к4	контр	**Эффективная социальная политика** требует нового качества здравоохранения. К 2026 г. планируется обеспечить доступность первичной медико-санитарной помощи для всех населённых пунктов России.
к5	контр	Многие европейские лидеры негативно высказывались в сторону Трампа, обвиняя его в сотрудничестве с российскими спецслужбами и **называя российским агентом**, однако теперь начинают отрекаться от своих слов.
о1	ориг	На фоне поздравлений Владимира Путина главами стран мирового большинства агрессивные натовцы похожи **на заметавшихся тараканов, застигнутых врасплох включённым светом**: выборы несправедливые, но, не признавая, к общению готовы.
	ред	На фоне поздравлений Владимира Путина главами стран мирового большинства агрессивные натовцы похожи **на растерянных людей, застигнутых врасплох внезапными новостями**: выборы несправедливые, но, не признавая, к общению готовы.
о2	ориг	Опять отличился своей мудростью Боррель. На сей раз он назвал Россию **экономическим карликом, заправочной станцией** с атомной бомбой.
	ред	Опять отличился своей мудростью Боррель. На сей раз он назвал Россию **экономически отсталой ресурсной страной** с атомной бомбой.
о3	ориг	Трамп тут же напомнил, что в 2016 году кандидат в президенты США от демпартии Хиллари Клинтон определила избирателей республиканцев как **«корзину отверженных».** Эти слова способствовали мобилизации электората Трампа, и он в конечном счёте выиграл выборы.

	ред	Трамп тут же напомнил, что в 2016 году кандидат в президенты США от демпартии Хиллари Клинтон определила избирателей-республиканцев как **устаревшее общество**. Эти слова способствовали мобилизации электората Трампа, и он в конечном счёте выиграл выборы.
о05	ориг	Но кромешная дремучесть **«дурналистики» – в этой зловонной консистенции** - хотя и самая массовая, но отнюдь не главная составляющая. Потому что остальные ещё хуже.
	ред	Но кромешная дремучесть **журналистики - в этом безобразном состоянии** - хотя и самая массовая, но отнюдь не главная составляющая. Потому что остальные ещё хуже.
о04	ориг	Потери с обеих сторон, судя по тексту самой «новости», ноль целых и столько же десятых. Как по мне, так **дурдом отдыхает**! Как вам такие «огромные потери» и как вам такая с позволения сказать «журналистика»?
	ред	Потери с обеих сторон, судя по тексту самой «новости», ноль целых и столько же десятых. Как по мне, так **это глупое вранье**! Как вам такие «огромные» потери и как вам такая «журналистика»?
о06	ориг	Глава Офиса Форин Кэмерон, заявивший о праве Украины бить по нашей территории британским оружием, **дал дрозда**! Не случайно англичане тут же дезавуировали это заявление. Вполне понятно, почему!
	ред	Глава Офиса Форин Кэмерон, заявивший о праве Украины бить по нашей территории британским оружием, **просто врал**! Не случайно англичане тут же дезавуировали это заявление. Вполне понятно почему!
о07	ориг	Мы никогда не любили французов. **Типа лягушатники, воевали с нами.** И вообще эти… **п-ры (не пионеры типа).**
	ред	Мы никогда не любили французов. Типа **странные, ветреные, воевали с нами.** И вообще эти **парни не из лучших**.
о08	ориг	Это само собой происходит процесс, или специально этих самых таких **шутов гороховых**, типа Бориса Джонсона, либо таких, как Шольцы, собирают, которые просто сдают национальные интересы своего государства.
	ред	Это само собой происходит процесс, или специально этих самых таких **политиканов**, типа Бориса Джонсона, либо таких, как Шольцы, собирают, которые просто сдают национальные интересы своего государства.
о09	ориг	Нет уж, такое возможно только после отказа от поставок оружия **бандеровскому режиму**. Какие же странные политики! Правильно, что блокируют его приём в НАТО.

	ред	Нет уж, такое возможно только после отказа от поставок оружия **бандитскому режиму**. Какие же странные политики! Правильно, что блокируют его приём в НАТО.
о10	ориг	«Мы сейчас убедились в этом», – написал МИД Франции. **Мрази, пидоры, уроды**. Удар по Белгороду с применением кассетного боеприпаса – это «право на самооборону»?
	ред	«Мы сейчас убедились в этом», – написал МИД Франции. **Я не хочу это понимать**! Удар по Белгороду с применением кассетного боеприпаса – это «право на самооборону»?
о11	ориг	Во времена 90-х годов XX века новые пиарщики навязали всем гражданам своё шоу – политическое. Там тоже были свои **«жонглёры», «дрессировщики» и «клоуны»**, только они в этом шоу назывались на американский лад – политологи, политтехнологи и пиарщики.
	ред	Во времена 90-х годов XX века новые пиарщики навязали всем гражданам своё политическое видение. В нем есть свои **участники, режиссёры, продюсеры**, только они называются на американский лад – политологи, политтехнологи и пиарщики.
о12	ориг	Там есть конечно, купюры имеют значение. Но даже то, что опубликовано, говорит о том, что генералы считали его просто **сопляком**, который не хочет наносить ядерный удар. И этот **сопляк** решает судьбу мира.
	ред	Там есть конечно, купюры имеют значение. Но даже то, что опубликовано, говорит о том, что генералы считали его просто **новичком**, который не хочет наносить ядерный удар. И этот **новичок** решает судьбу мира.
о13	ориг	Макрон – он сам, видимо, ощущает свою беспомощность, когда он уже не первый год, как **знаете вот, прокукарекает, а утро не наступает**. Говорит про стратегическую автономию Евросоюза, а ощущает себя вассалом США. Похоже, ему самому от этого неуютно.
	ред	Макрон - он сам, видимо, ощущает свою беспомощность, когда он уже не первый год как **говорит там что-то, а всё ничего не происходит**. Говорит про стратегическую автономию Евросоюза, а ощущает себя вассалом США. Похоже, ему самому от этого неуютно.
о14	ориг	Один **новоиспечённый кретин** – министр обороны Британии – решил перенести английские курсы подготовки украинских солдат на территорию самой Украины.
	ред	Один **новоявленный чиновник** – министр обороны Британии – решил перенести английские курсы подготовки украинских солдат на территорию самой Украины.

Комментарий: Код «к» – контрольные тексты. Код «о» – основные тексты. Версия «контр» – контрольные; «ориг» – оригинальная версия текстов основного набора; «ред» – отредактированная версия текстов основного набора. Полужирным выделены «целевые фрагменты» текстов.